

Георгий Тушкан
• ДЖУРА •

FOLIO

Георгий Тушкан
Джура

«ОМІКО»

1940

Тушкан Г. П.

Джура / Г. П. Тушкан — «ОМКО», 1940

Гергий Тушкан (1905–1965) – советский писатель, рыболов и охотник, работал на Памире, путешествовал по Средней Азии, изучая историю населяющих ее народов. В 1940 году публикуется его знаменитый приключенческий роман «Джура», на котором выросло не одно поколение мальчишек и который был переведен на многие языки. В Великобритании Георгия Тушкана называли советским Фенимором Купером, считая, что «со времени „Последнего из могикан“ не было произведения, так насыщенного волнующими происшествиями и оригинальными характерами, как „Джура“». Туркестан 1928 года. Киргизский юноша из затерянного в горах кишлака Мин-Архара, не знавший прежде ничего, кроме охоты, участвует в отчаянных схватках с басмачами, одновременно открывая для себя мир. Многие пришлось Джуре пережить и во многом разувериться, прежде чем он стал батыром – героем – и нашел свое счастье.

УДК 821.161.1

© Тушкан Г. П., 1940

© ОМКО, 1940

Содержание

Белое солнце Джуры	6
Вместо предисловия	7
Часть первая	8
Затерянный кишлак	8
I	8
II	13
Тайна Хамида	16
I	16
II	19
III	21
IV	23
V	31
VI	38
VII	44
VIII	48
На крыше мира – у подножия смерти	50
I	50
II	51
III	54
IV	56
V	57
Нежданные гости	62
I	62
II	65
III	69
IV	71
V	73
Плохи дела на Биллянд-Киике	75
I	75
II	77
III	79
IV	82
V	86
VI	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Георгий Павлович Тушкан
Джура
Роман

© Д. В. Харитонов, предисловие, 2019

© Э. А. Балула, художественное оформление, 2019

© Издательство «Фолио», марка серии, 2019

Белое солнце Джуры

Роман Георгия Тушкана «Джура» является такой же классикой советского приключенческого жанра, как и культовый кинофильм «Белое солнце пустыни».

Я прочитал «Джуру» в двенадцать лет и долго был под впечатлением от заснеженных вершин Памира и невероятных приключений молодого киргизского охотника Джуры, попавшего в вихрь гражданской войны в Средней Азии.

В памяти навсегда запечатлелись отчаянные схватки с басмачами, восточная красавица Зейнеб, курбаши Тагай, суровая природа выбеленных солнцем молчаливых гор, огромные и свирепые на вид яки, карамультук – старинное фитильное ружье, которое надо было заряжать порохом... Кстати, карамультук и сегодня нередко можно встретить в деревнях Афганистана, Тибета и Средней Азии. Много раз путешествуя по Тибету, я неоднократно сталкивался с этой снайперской винтовкой XVIII века. Состояние карамультука каждый раз было чуть ли не идеальным – ружье было готово к возможному использованию.

Для «Джуры» вообще характерны добротная интрига, тщательно прописанные характеры героев и множество этнографических деталей.

Немецкий писатель Карл Май, создавший знаменитый цикл об индейце Виннету, был обязан этим исключительно своему дару воображения. А побывал он в Америке лишь в 1908 году, уже после того, как написал почти всю свою индейскую серию книг, а до этого в жизни не видел ни одного индейца.

Что же касается Тушкана, то он, чтобы достоверно описать события в «Джуре», обладал богатым личным опытом: Георгий был участником гражданской войны, долго работал на высокогорной станции на Памире, а затем путешествовал по Средней Азии.

Свой самый успешный роман «Джура», часто переиздававшийся в Советском Союзе и переведенный на многие иностранные языки, Тушкан написал в 1940 году – перед самой войной. С началом Великой Отечественной войны писатель добровольцем ушел на фронт, где был тяжело ранен.

Роман «Джура» вошел в «золотой фонд» советской приключенческой литературы и был трижды экранизирован. Первый фильм появился в 1940 году, второй вышел на студии «Киргизфильм» в 1964-м, а в 1985-м на «Таджикфильме» сняли даже целый сериал «Джура – охотник из Мин-Архара».

Благодаря экранизациям история борьбы с басмачеством превратилась в одну из самых интересных советских легенд и породила целый жанр в кинематографе – «истерн», самыми значительными фильмами которого стали «Джунгары» (1936), «Белое солнце пустыни» (1970), «Офицеры» (1971), «Алые маки Иссык-Куля» (1972) и другие.

Сегодня, несмотря на некоторое переосмысление истории движения басмачества в Средней Азии, появившегося как реакция на перегибы в национальной политике большевиков, роман «Джура» по-прежнему читается на одном дыхании. Это отличная книга о невероятных приключениях, жестоких схватках и первой любви юноши по имени Джура, в котором каждый молодой человек может увидеть черты возмужания и взросления самого себя.

Дмитрий Харитонов

Вместо предисловия

Вы, кто любите природу —
Сумрак леса, шепот листьев,
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома,
Что, как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев, раздаются, —
Вам принес я эти саги.

...

Вы, кто любите легенды
И народные баллады,
Этот голос дней минувших,
Голос прошлого, манящий
К молчаливому раздумью,
Говорящий так по-детски,
Что едва уловит ухо,
Песня это или сказка, —
Вам из диких стран принес я
Эту песнь...

Лонгфелло

Часть первая

Затерянный кишлак

I

Над горами Памира студеная и безмолвная ночь. Непрístupные, скалистые громады гор, закованные в панцири из льда, то голого, то засыпанного снегом, грозно высятся над облаками одна выше другой. Здесь нет лесов. Только кое-где на склонах темнеет арча¹ да в саях – долинах высокогорных рек – виднеются заснеженные кустарники – тугаи. Ярко сверкают звезды. Снег отражает их свет, и за сиянием света не заметен засыпанный снегом кишлак, приютившийся на крутом склоне горы.

У самого края пропасти, на выступе, еле виднеются пять сложенных из камней хижин, по крышу утонувших в снегу. На скользкой от снега плоской крыше самой большой хижины-кибитки, поджав под себя ноги, съезжившись, сидит на шкуре барса аксакал² Искандер. Закутавшись в теплый горностаевый тулуп, старик сидит неподвижно. Рядом с ним лежат два огромных волкодава.

Аксакал Искандер молчит. Молчат собаки. Молчат горы. Тишина...

От тишины звон стоит в ушах старика. Ничто не шелохнется. Воздух как будто застыл темной стекляннoй массой среди гор-великанов. Падающие звезды разрезают небосвод огненными мечами, и тогда на мгновение из тьмы возникают крыши кибиток и снова исчезают.

Далеко в горах что-то прошумело. Будто вздохнул великан. Собаки вздрогнули и насторожились. Аксакал пристально всматривается в черные тени гор. Но вокруг все безжизненно и мертво. Аксакал глубоко вздыхает. Мучительное ожидание неведомого томит его. Старик охотно остался бы в кибитке, у костра, но событие, взволновавшее весь кишлак, заставило его вылезти наверх. Опять прошумело где-то в горах. Аксакал покачал головой, насыпал на ладонь из каменной бутылочки, зажатой в левой руке, щепотку насоя – зеленого табачного порошка, смешанного с золой, – бросил его под язык и начал сосать. Рядом завозился, застучал лапами о крышу пес Одноглаз. Его шерсть в крохотных сосульках льда зашелестела и зазвенела.

И снова наступила тишина.

Скоро из-за гор выплывет луна. Горы так высоки, что даже тучи редко поднимаются выше их. Иногда тучи плывут беспрерывно, гряда за грядой. Цепляясь за горы, они рассыпаются

---

¹ Арча – можжевельник, род вечнозеленых хвойных деревьев и кустарников.

² Аксакал (дословно: белобородый) – глава рода.

снегом и оседают изморозью на вершинах. И наконец на горе вырастает купол изо льда: это висячий ледник. Аксакалу около ста лет. Он верит, что там, на леднике, живет Каип – хозяин всех зверей. Где-то там, в высокогорье, обитают дикие горные люди, снежные люди, которые бросают в негодных им куски льда.

Аксакал вздыхает. Его дряблое тело сотрясает озноб. Но не от холода знобит аксакала, а от страха. Стоило ли всю жизнь бороться за то, чтобы стать главою рода? Стоило ли жить так долго? Искандеру кажется, что он прожил две жизни. Только такая девчонка, как пятнадцатилетняя Зейнеб, не пострадавшая еще от своеволия духов зла, может думать, что впереди ее ждут одни радости. Только такой сорванец и удачливый охотник, как Джура, не успевший еще рассердить Каипа, покровителя диких козлов – кииков и диких баранов – архаров, Джура, в которого духи еще не швыряли камнями с гор, не засыпали обвалами и не хватали за ноги при переходе горных рек, мог считать прожитый год за один год жизни. Да и жизни у Джуры – что у молодого барса. Что они знают? Что видели они за годы, проведенные в этих горах? Девятнадцать однокишлячников да неразговорчивого купца с проводником, когда на полмесяца открывался восточный перевал.

Давно-давно, полтора века тому назад, как рассказывали отцы и деды, в горах случилось землетрясение. Сплошные льды разорвались, непроходимое ущелье отрезало кишлак Мин-Архар от северных гор. Люди лишились тропы и потеряли связь с миром. Только две купеческие семьи прознали туда иной путь, но они, жители далекой Ферганы, хранили это в тайне. Купеческий род обогатился и возвысился, вывозя из затерянного кишлака золотой песок, дорогие меха и драгоценные камни.

И каких только ужасов не рассказывали купцы о дороге, чтобы отбить охоту у кишлачного аксакала когда-нибудь спуститься с гор! И о драконах, оберегающих перевалы, и об огромных змеях на тропинках, и о водяных конях, выходящих ночью из горных озер. По их словам, все злые духи мира станут на пути человека, который пожелает уйти из кишлака.

Убедить старика было нетрудно. Искандер всего страшился. Больше всего старик боялся вторжения чужестранцев. Перед купцами он старался ничем не выказать своего страха.

Чтобы не дать повода к их неудовольствию и гневу, Искандер мгновенно соглашался с любой небылицей, выдаваемой гостями за истину. Купцы называли свое местожительство страной драконов, где пришельцев ждет смерть. Искандер отнюдь не был намерен смущать совесть гостей вопросами. Поэтому, едва купцы раскрывали рот, старик беспрестанно кивал головой, со всем соглашаясь. Уже не первый год купцы приезжали не из Ферганы, а из Кашгарии, «Страны семи городов», лежащей восточнее Памира. Там обосновались они, убежав из Ферганы через три года после Октябрьской революции.

Ничего этого Искандер не знал. Однако, умудренный опытом, он чувствовал неискренность гостей и все же не переставая кивал головой, соглашаясь.

Между тем слова о чудесных знамениях, предвещающих скорый конец мира, и разговоры о тщете всех земных благ звучали не так-то убедительно. Купцы утверждали, что за горами пушнина и золото давно обесценились, а рубинами играют дети. Но вид золотого песка заставлял дрожать пальцы приезжих, а игра кроваво-красных камней зажигала блеск в их глазах. Это замечали даже наивные обитатели кишлака...

Три года назад Тагай, проводник купца, спрятал в длинный рукав несколько рубинов. Возмущаясь, аксакал схватил вора за руку, но Тагай шепнул ему: «Ага-хану, в Бомбей». Старик испугался. А когда Тагай грозно спросил, откуда у старика треугольный матерчатый талисман, Искандер совсем помертвел от страха и почти даром отдал пушнину.

Не мог же он рассказать ему правду!

...Это было давно. Искандер, охотясь в горах, нашел неизвестного человека и принес его в кишлак. Незнакомец лежал без сознания, лицо его было в крови. Одна рука и три ребра сломаны. Все тело было покрыто ссадинами. Очнувшись, он очень удивился, когда ему сказали,

что это единственный кишлак, оставшийся в горах после давнего землетрясения. Отказ стариков тотчас же сообщить о нем куда-то за горы разгневал его. Сначала пришелец уговаривал, потом просил и наконец начал угрожать. Он киргизского рода Хадырша, принадлежит Худояр-хану, владыке и повелителю великого ханства Кокандского. Горцы осмелились сказать, что впервые слышат о таком.

Пришелец еще больше рассердило грубое невежество горцев, не осведомленных о славных подвигах Худояр-хана, завоевателя. Или горцы хитрят, ссылаясь на свою неосведомленность? Пришелец не жалел слов, прославляя бездну мудрости и безмерную отвагу Худояр-хана и преданность его управителей – кушбегов, хакимов, датха и беков. Пришелец рассказывал о величайшей верности своему хану всех узбеков и казахов, киргизов и таджиков, жителей таких больших городов, как, например, Ташкент, Алма-Ата, Чимкент, а также всех селений; рассказывал о верности обитателей Ферганской, Чуйской и иных долин; рассказывал о верности всех кочевников Тянь-Шаньских и Памирских гор. Пришелец умолчал о частых войнах и междоусобицах, о борьбе киргизов за свою свободу. Себя он объявил ульбеги – оком и ухом Худояр-хана, поэтому и его, ульбеги, слово – это слово, идущее от хана. А слово хана – закон для всех. Отныне киргизы, живущие в кишлаке Мин-Архар, – послушная глина в руках властителя душ, да продлит Бог его долголетие. Худояр-хан милостив, он построил крепость в Алайской долине, чтобы охранять их от врагов, и разрешает киргизам пользоваться принадлежащим им скарбом и скотом. Отныне обитатели кишлака должны посылать джигитов в войско хана и платить налоги: тюндюк-зьякет – подымный сбор с каждой юрты; кой-зьякет – налог с овцы; битир – налог с каждой души; ушур – налог с дохода во славу ислама, и все другие налоги, в частности харадж – сбор с земледелия.

– И если, кроме этих налогов, вы не будете отдавать положенную часть зьякетчи – сборщику налогов – и скроете от зьякетчи хотя бы колос пшеницы, с вас строго взыщется. Неплательщики налогов заживо сгниют в зиндане³.

– Колос пшеницы? Мы не знаем колосьев. Мы скотоводы, – отвечали ему старики, – а воды и земли кругом много. Мы вольные горцы вольных гор и не нуждаемся в защите. Мы никому не платим зьякет и платить не будем. Мы не знаем Худояр-хана. Кто это – бог?

Пришелец с любопытством разглядывал камень, а потом спросил Искандера:

– Где нашел ты этот камень?

Не получив ответа, пришелец приподнялся на здоровой руке. Он снова начал кричать и грозить гневом эмира.

– Замолчи! – сказал ему тогда глава рода. – Жаль, что снег не засыпал твой рот! Твои слова – слова дурного человека. А дурному человеку никто не должен делать ничего хорошего. Ты умрешь сейчас и не успеешь насладиться бедой на наши головы. Мы не знаем и знать не хотим Худояр-хана. Мы – вольные люди гор, уясни себе это, человек с языком змеи. Помолись перед смертью...

В ответ на это пришелец громко сказал, пытливо вглядываясь в лица окружающих:

– Люби свою веру, но не осуждай другие!

Мужчины ничего не ответили.

Трижды пришелец повторял эти слова и не получил желаемого ответа. Значит, люди, окружавшие его, не знали этот исмаилитский пароль. И тогда пришелец сказал так:

– Я – посланец живого бога на земле и посвящу вас в великие тайны мира. Знайте: я послан к вам по воле Исмаила и Алиа, истинных пророков Аллаха. Все, что я говорил вам о Худояр-хане – да будет проклято его имя! – пустые слова. Я испытывал вас, ибо наша вера тайная и своих мы узнаём только по секретным словам. Мы все – большая сила. Мы направляем пути народов, помогаем своим и уничтожаем тех, кто мешает нам. Остерегайтесь же поднять

³ Зиндан – тюрьма-колодец.

руку на посланного живым богом. Не спешите убить меня, пока я не передам вам истинное учение, а потом поступайте так, как подскажет вам ваша совесть.

Пришельца оставили жить. В часы, когда он бодрствовал, все старики приходили слушать его, хотя и трудно было понять его речь. Ночью, в часы беспамятства, он метался, выкрикивая непонятные слова. Идыге, глава рода, сидел у его изголовья и, склонившись к губам, слушал...

Когда наконец к пришельцу вернулся здоровый сон и аппетит, Идыге увел Искандера в свою кибитку:

– Ты принес в кишлак этого человека. Ты смутил его дух огнем красных камней. Долгие ночи я подслушивал правдивый шепот его души. Это очень плохой человек. Завяжи ему рот и руки, унеси, откуда принес, и убей.

Искандер повиновался. Там, возле скал, он не торопился с убийством и терпеливо слушал сбивчивую речь пришельца. За свою смерть пришелец грозил ужасным отмщением, которое придет от Ага-хана из Бомбея. Много непонятных слов сказал тогда пришелец. Из его холодеющего кулака Искандер вынул треугольный предмет. Он никому не показал его, решив, что это чудодейственный талисман... Шли годы. Искандер никогда не расставался с амулетом, а когда сам стал аксакалом, то перестал его прятать от людских глаз. Амулеты против дурного глаза, против болезней, против козней злых духов носили все – мужчины, женщины, дети. Но именно на этот самый амулет вдруг обратил внимание Тагай, проводник купца. Что мог ответить Искандер на его вопрос? Пристально глядя на старика, Тагай сказал памятные старику слова: «Люби свою веру, но не осуждай другие». Старик был потрясен, но на просьбу подарить талисман ответил отказом. Ночью Тагай даже пытался выкрасть его, но старик спал чутко.

Аксакал хорошо запомнил слова Тагая:

– Хозяин придет за талисманом из-за гор. Лучше отдай. Беда будет.

– Какая беда? – спросил тогда аксакал.

– Большая кровь.

Все удачи в своих делах аксакал приписывал талисману и не хотел расстаться с ним. Тагай уехал рассерженный, осыпая старика проклятиями и угрозами. С тех пор прошло три года. Искандер все ждал. И вдруг сегодня на склонах северных гор, откуда нет пути, появились неизвестные люди. Их-то появление и заставило старика прервать еду, влезть на крышу и еще раз вспомнить далекое прошлое. «Кто же они, эти неизвестные люди, и откуда? – думал аксакал, вспоминая слова Тагая о „большой крови“. – Куда идут? Что им нужно?»

Днем он послал Джуру, юного, но смелого охотника, выследить неизвестных людей. Теперь старик ждал его возвращения и думал. Никто не пойдет в зимнее бездорожье в эти страшные горы. Видимо, эти люди имели какую-то цель, но какую? Звезды потускнели и почти исчезли за черным пологом неба. Из-за граней висячего ледника, как из огромного бриллианта, брызнули потоки радужных искр: всходила луна. Черные тени поползли из ущелья.

Издалека донеслись выстрелы. Волкодавы прыгнули с крыши в темноту и с лаем помчались вперед, навстречу неведомому врагу. Радужные вершины затуманились. Над ними взвилась снежная пыль, сваливаясь клубами вниз. Раздался мощный гул. Он ширился, рос, давил и потрясал: громадная лавина сорвалась с горы. Кибитка, на которой сидел аксакал, затряслась. Старик Искандер задрожал. Он хотел крикнуть и убежать, но от страха отнялись ноги, не было сил вздохнуть, будто его окунули в ледяную воду. Порыв ветра ударил аксакала, сорвал с головы лисью шапку. Снежная пыль бешено металась в воздухе, заволакивая все белой пеленой.

Когда грохот обвала затих, из кибитки через дымоход донесся визг перепуганных женщин и лай собак.

– Замолчите! – гневно крикнул аксакал, приходя в себя, и натянул на уши шапку.

Но долго еще снизу доносился приглушенный шум взволнованных обитателей кишлака. Женщины голосили и стонали. Они вспоминали трех мужчин, трех последних кормильцев

кишлака, погибших этой осенью под обвалом. В крайней кибитке плакала Айше. Она была уверена, что ее сын Джура погиб под обвалом. Она рвала на себе одежду и приговаривала:

– Мой Джура подобен батырскому сыну: если не буду петь, будет болеть его сердце. Сын мой, что же я сделаю? Если не помяну сына, будет болеть у него сердце... Ох, сын мой, Джура, что же я сделаю?... Что, если...

Аксакал глубоко вздыхал и вглядывался в знакомые очертания гор. Теперь его тревожила мысль, что Джура мог погибнуть под снежной лавиной. А Кучак? Да разве он мужчина? Ведь если Кучака даже ночью ударить по шее, то и тогда он не рассердится. Еще десять лет назад аксакал сам охотился в горах, добывал золото, рубины и продавал их купцу. Однако вот уже тридцать два зуба выпали у аксакала, отвисяющую нижнюю челюсть пришлось подвязывать лентой из конского волоса и шелка...

Много горестных дум передумал Искандер, пока луна поднималась на небе.

Неожиданно Бабу, черная охотничья собака Джуры, вспрыгнула старику на колени и лизнула его в нос. Искандер испуганно вскочил и замахнулся на нее, но она завиляла хвостом. Значит, Джура был жив.

Издали послышалась песня. И вскоре Джура опустился на корточки возле аксакала. Это был рослый юноша с орлиным носом и быстрыми глазами. Он оборвал песню, едва увидев аксакала: не подобает серьезному мужчине петь, как мальчишке. Они вместе спустились в кибитку. Там Айше печально сидела у костра. Она радостно вскрикнула, увидев сына.

– Рассказывай! – задыхаясь от волнения, прошамкал Искандер, схватив Джуру за халат.

– Обычай нарушаешь, – ответил Джура, прищулив глаза. – Напой чаем, потом спрашивай.

После каждой пиалы, которую выпивал Джура, аксакал нетерпеливо повторял:

– Что за люди? Куда шли?

– Напой сначала, а потом расспрашивай, – отвечал Джура и подставлял пустую пиалу.

Искандер кряхтел от нетерпения, но наливал. Джура пил медленно, маленькими глотками, стараясь продлить удовольствие. У стены жался дядя Джуры, Кучак, и следил за ним голодными глазами. И ему Джура поднес чаю. Пусть не думают, что он жадный. Наконец, напившись вдоволь зеленого, драгоценного здесь чаю, хранимого аксакалом для больших праздников, Джура вытер рот. У аксакала от волнения слезились глаза. Он ждал ответа.

– А теперь накорми меня мясом, я очень проголодался! – неожиданно сказал Джура.

Аксакал даже застонал от злости, но делать было нечего – он хорошо знал упрямого и своевольного Джуру. Старик достал кусок мяса из запаса, хранившегося у него в кибитке, и дал женщинам сварить.

Джура молча ждал, пока сварится мясо. Он знал, что иначе скупой, хитрый и жадный старик, все еще не считавший Джуру взрослым мужчиной, не даст ему и понюхать мяса. Это был своеобразный протест против своеволия богатого аксакала. Джура уже много дней, как и все обитатели кишлака, питался похлебкой из мучнистого корня гульджан. Почти все кутасы⁴ и козы еще поздней осенью погибли от джута. Эта смерть от гололедицы случилась потому, что скот не в силах был разбить копытами ледяную корку, чтобы добыть из-под нее траву.

Аксакал жил по заветам предков и сена не запасал. Киики и архары осенью ушли на юг. Кишлак голодал.

Джура ожидал спокойно и важно, как и подобает охотнику, хотя ему и самому не терпелось рассказать об удивительных событиях.

---

⁴ Кутас – як.

II

В ночь перед обвалом Джуру разбудил голос аксакала. Боясь темноты, он сердито спрашивал у женщин, почему не горят светильники.

– Весь земляной жир кончился, – оправдывались сонные женщины. – Почему холодно? Почему деревянные камни не горят в очаге? Ленивый Кучак опять принес мало!

Кучак неподвижно сидел в своей кибитке на корточках, устремив глаза на луну сквозь дыру дымохода, и пел легенду «о лунной бабе». Он мог так сидеть часами.

Утром к Кучаку пришел Джура и приказал ему собираться. Кучак никуда не хотел идти и визгливо сказал:

– Я заболел, я не могу.

– Ты взрослый мужчина, а не хочешь выполнить даже женскую работу и принести деревянных камней! – закричал на него Джура. – А если ты болен, я пушу тебе, как больному, кровь!

– Нет, я здоров, я здоров! – поспешно захныкал Кучак.

– Тогда собирайся. Поможешь мне сделать новый нож.

Джура и Кучак пошли к обнаженной ветрами скале. Спустившись по узкой щели к трещине, откуда всегда сочилась нефть, они подставили бурдюк и подождали, пока он доверху наполнится «земляным жиром».

Возвращаясь домой, у подножия холма, в яме, они топорами накололи горячего сланца, который называли «деревянными камнями». Пришли женщины и унесли топливо в кибитки.

Позже Джура работал в своей маленькой кузнице. Он делал нож из куска железа, украшая его насечками.

– Глупым делом занимаешься, – сказал Кучак, раздувая огонь в горне.

– Отец мой носил ножи только с насечками, – ответил Джура.

– Так то твой отец – батыр!

– А я не батыр? Тебя одной рукой валю, больше всех могу мяса съесть. Меня все боятся!

– Ну, я тебя переем, – уверенно сказал Кучак, поглаживая отощавший живот. – А вот сколько врагов ты убил?

– Я еще убью. Я много убью! – гордо ответил Джура.

Они заспорили, и рассерженный Джура в гневе намял бы Кучаку бока, если бы тот вдруг не показал на Бабу.

Огромная черная охотничья собака дремала, свернувшись калачиком. Ее короткий, обрубленный хвост напрягся и приподнялся. Бабу дремала, но ее уши насторожились и повернулись в сторону наружной стены, заваленной снегом, верхняя губа злобно поднялась, обнажив клыки: Бабу чужая приближение врага. Она вскочила, подошла к стене и, опустив голову, стала напряженно вслушиваться. Потом тихо зарычала. По этому еле слышному сигналу все кишлячные собаки злобно и вызывающе залаяли.

Джура прислушался, но не заметил ничего подозрительного. Все же, зная, что Бабу улавливает много таких звуков, которых никогда не услышит человек, он быстро влез на крышу и внимательно осмотрел все вокруг. На занесенных снегом горах никого не было видно. Но собака, влезшая вслед за Джурой на крышу, подняв уши, пристально смотрела на север. Джура посмотрел туда и удивился: невдалеке от подножья скалы шевелились черные точки.

– Люди, люди с севера! – крикнул Джура.

– Как – с севера? – спросил Кучак.

Непроходимые пропасти преграждали на севере путь к кишлаку. Кучак последовал за Джурой, бормоча:

– Это горные люди. Они пасут стадо козлов. Теперь ты убьешь самого большого козла, и мы не будем больше голодать.

– Открой шире глаза! – сердито сказал Джура. – Там люди и один як. Тебе везде мерещится еда!

– Но с севера к нам нет пути. Купец приезжает осенью с востока.

– А снежный мост, образовавшийся над пропастью после недавнего обвала! Или ты забыл, что по нему ушли дикие козлы?

Кучак похолодел от страха. Джура громко крикнул в дымоход о приближающейся опасности. Всполошились женщины, заплакали дети. Но больше всех встревожился аксакал.

– Неужели наступило время возмездия, пришел час большой крови, которым грозил Тагай? – шептал он.

Аксакал приказал Джуре отправиться на разведку к Сурковой скале, над которой высилась гора Ледяная Шапка. Сначала Джура хотел бежать напрямик, но осторожность победила любопытство. Зачем было наводить врага на кишлак? Джура быстро достиг Сурковой скалы и осторожно пробирался вверх по засыпанному снегом карнизу. Бабу шла впереди. Время от времени она останавливалась, поджидая хозяина, и нетерпеливо помахивала обрубленным хвостом. Каждый неверный шаг грозил падением в пропасть, и потому Джура внимательно выбирал место, куда поставить ногу. Шаг за шагом он медленно поднимался вверх.

Джура достиг вершины Сурковой скалы и, надеясь, что его в сумерках не будет видно, посмотрел вниз. В наступающей темноте он еле различил трех людей и кутаса. Злобный отрывистый лай чужой собаки раздался совсем близко. Бабу ответила таким же громким и злобным лаем. Джура шепотом приказал ей замолчать и присел за камень, но его уже заметили. Вдруг Бабу попятилась и зарычала. Джура удивился: люди, которых он заметил с крыши, не могли так быстро взобраться на гору. Бабу снова залаяла, повернув голову в противоположную от врага сторону. Опасность, очевидно, была с двух сторон.

«Плохо!» – решил Джура. Он снял со спины старый карамультук – фитильное ружье, высек искру и зажег фитиль.

– Кто ты? – донеслось снизу. – Эй, ты, отвечай, если не хочешь, чтобы твой труп жрали волки! Боишься?

– А кто вы? – громко крикнул Джура.

– Отвечай!

Джура никогда не видал столько чужих людей. Однако первая встреча с ними нисколько не испугала его. Он мог бы уложить их всех поодиночке – им некуда было укрыться. Но, твердо зная, что стрелять здесь нельзя, он потушил фитиль: от выстрела могла сорваться лавина. Не раз, затаив дыхание, стараясь не кашлянуть и не чихнуть, проходил он, как тень, у подножия крутых склонов. Над ним свисали огромные ледяные глыбы и снежные сугробы, готовые слететь вниз от малейшего сотрясения воздуха.

Бабу опять грозно зарычала. Невдалеке, на склоне Сурковой скалы, показались два человека с ружьями. Назад пути не было. А снизу пришельцы кричали нестройным хором простуженных голосов: «Эй, ты! Долго мы будем ждать тебя?»

Джура не хотел идти к враждебно настроенным незнакомцам. Путь назад тоже был отрезан. Если бы ему удалось спуститься по крутому склону вниз, он пробрался бы к дальним камням на подступах к кишлаку и там устроил засаду, не боясь обвала. Но северный склон высокой скалы, где он находился, был покрыт очень глубоким снегом. Был только один способ спуститься по такому склону, но его запретил аксакал. «Ты, Джура, последний кормилец кишлака, – говорил аксакал, – и тебе нельзя играть со смертью!» Но сейчас выхода не было.

Джура свистнул Бабу. Повесив за спину карамультук, он подтянул полы халата из кутасей шерсти, сел на наст и с легким шуршанием сначала медленно, а потом быстро заскользил вниз, в сторону от незнакомцев.

Он скользил по насту все быстрее и быстрее. Сквозь прищуренные веки он видел, как прямо на него несется торчащий из-под снега «каменный палец», и, чтобы не расплющиться о него, Джура изо всех сил затормозил правой ногой, сиюсь свернуть в сторону. Пятка пропорола наст, и нога мгновенно ушла в рыхлый снег, взгромоздив впереди несущегося Джуры снежный сугроб. А еще через мгновение он неся на этом сугробе мимо «каменного пальца». Небольшая лавина ломала наст на своем пути и увлекала все новые и новые массы снега. На этом снежном валу, взмахивая руками, как при плавании, неся Джура.

Стоило только растеряться, перестать управлять движением, и спуск на лавине окончился бы гибелью, к радости злых духов, о чем его не раз предостерегал аксакал. Джуру то подбрасывало в воздух, то швыряло вперед, то зарывало в снег, но вместо ужаса им все сильнее и сильнее овладевал буйный восторг от захватывающей дух быстроты движения... Много раз аксакал запрещал спускаться таким образом с гор, но стремление бороться со стихией и побеждать, радость от сознания своей силы у Джуры были сильнее всего. Джура даже громко засмеялся от восторга...

Вдруг толчок... Удар! Все вокруг снова застыло в неподвижности. Только снежная пыль кружилась в воздухе.

Джура лежал на огромном сугробе, и ему не хотелось шевелиться. Но, овладев собой, он поднялся на ноги. Карамультук лежал рядом. Бабу спускалась с горы в сторону и казалась черной точкой. Взошла луна, и пришельцы, заметив в сугробе невредимого Джуру, опять закричали. Джура побежал к камням. Незнакомцы дали по нему нестройный залп – и...

Затуманилась ледяная вершина. Взвилась снежная пыль. Что-то загудело, загремело. Сильный порыв ветра так ударил Джуру, что он, как перышко, отлетел далеко в сторону. Гро-мальная лавина, уничтожая на своем пути все, стремительно летела с горы-великана вниз, на метавшихся в ужасе людей...

* * *

Наконец Джура съел последний кусок мяса и вытер жирные руки о голенища мягких сапог – ичигов. Искандер повторил свой вопрос. Джура хотел рассказать обо всем подробно: как шел, что думал, где увидел знакомцев и что им говорил, как неся быстрее ветра по склону, как сорвалась лавина... Но сдержался и ничего не рассказал – негоже охотнику быть болтливым, как старая баба. Помолчав, Джура сказал:

– Было трое мужчин. С ними як и одна собака. Всех задавила лавина!

– А других не было? – спросил, кряхтя от волнения, аксакал.

– Других? – нахмурился Джура.

Он вспомнил о двух вооруженных людях, которые стояли на горе невдалеке от него, но, не желая тревожить старика и уверенный в гибели всех, ответил:

– Всех задавило!

– Вай, вай! – застонал аксакал. – Беда никогда не приходит одна!

Тайна Хамида

I

Снежные смерчи метались по Алаю. Вся огромная высокогорная Алайская долина походила на бушующий океан. Зажатая меж Заалайским хребтом с юга и Алайским с севера, эта сквозняковая долина протянулась почти на сто восемьдесят километров, а в ширину местами достигала более двадцати. Было где разгуляться ветру. Буран неистовствовал.

Горные шквалы срывали со скал неулежавшиеся сугробы и швыряли их вниз. Массы то рыхлого, то плотного снега метались по долине, как вздыбленные волны.

Ураганные ветры, мчавшиеся по склонам гор, врывались в ущелья. Глубокие извилистые теснины заставляли воздушные потоки резко изменять направления. Когда эти воздухопады вылетали на простор, заходя в бок или навстречу другим ветрам, рождались вихри.

Массы снега уносились высоко-высоко на ледники и снова обрушивались вниз тучами снежной пыли. Ветер дул неравномерно. За несколько минут наметало огромные сугробы. Вдруг налетал ураганный ветер и сметал все начисто. А вот перед сугробами, выросшими в густых зарослях облепихи, он был бессилен. Чем сильнее дул ветер и швырял снегом, тем плотнее и выше делались сугробы. Зато на вершинах холмов и крутых склонах сдувало не только снег, но и песок и мелкие камешки.

В этом снежном вихре, едва заметные, как мошки на стене, двигались всадники. Небольшой караван – охотник, два геолога и двое рабочих – пересекал долину поперек, от Заалайского хребта к Алайскому. Уже давно они должны были выехать на берег реки Кизыл-Су, но буран спутал все их расчеты.

Был конец октября 1929 года. Для Ферганской долины, лежавшей у подножия великих гор, это была пора жаркой осени, а для Алайской долины, поднятой на три тысячи метров над уровнем моря, это было начало студеной высокогорной зимы. Даже летом зима никогда не уходила с заоблачных высот, вечно покрытых снегами. Там умирали и рождались тучи. Там умирали и рождались реки и ветры, оттуда срывались обвалы. Весной, когда пригревало солнце, из-под снега обнажалась долина, исчезал снег на холмах и в предгорьях. Склоны гор обнажались постепенно, будто кто-то медленно втаскивал все выше и выше покрывавшее их снежное одеяло. Затем устанавливалась четкая граница лета и зимы, альпийских лугов и снега. И все же даже летом высокогорная зима напоминала о себе в долине зимним холодом, студеными ветрами и неожиданными снегопадами. В высокогорьях осень наступает раньше. Еще в Алайской долине зеленела трава, а на склоне гор уже лежал рыхлый снег. Нижняя кромка нетающих снегов с каждым днем спускалась все ниже и ниже. Зима шагала в долину с юга, с вершин Заалайского хребта. Зима шагала в долину с севера, спускаясь по склонам Алайского хребта. И наконец снежный покров в долине сомкнулся.

Эта осень выдалась снежной. Уже две недели как все было бело. Высокогорные перевалы на дороге Ош-Хорог со дня на день должны были закрыться для проезда до весны. Работники золоторазведочной партии Попова – геолог Никонов, его помощники Юрий Ивашко и Федор Лежнев – спешили закончить до закрытия перевалов работы маршрутного характера.

Оставался последний день благополучного пребывания их в Алайской долине. И в этот последний день их настигла беда. Чтобы закончить в этот день рытье ямы-шурфа в ущелье и взять последние пробы, было решено всем вместе пойти на участок. Охотника Шамши послали за мясом, на охоту в горы. Хотя в горах было беспокойно – кое-где появились басмачи – и геологи спали с заряженным оружием, а ночью дежурили по очереди, включая рабочих, всем так

хотелось поскорее закончить работы, что Никонов решился оставить лагерь под присмотром одного Мурзая – переводчика, тихого и услужливого человека.

Утро было чудесное. Небо синее-синее. Снега так искрились, что без темных очков нельзя было смотреть на сверкающие величественные снежные горы. Шамши ошибся, предсказав плохую погоду. У геологов было превосходное настроение. Завтра им предстояло выехать в обратный путь.

Вместе с рабочими все пошли пешком в глубину ущелья, споря по поводу одного научного вывода Юрия, вызвавшего резкие возражения Никонова.

Даже встречаясь каждый день после работы, геологи всегда делятся впечатлениями, радуются и часто гордятся своими находками. А тут было о чем поговорить.

Никонов, высокий, медлительный и очень самонадеянный мужчина, говорил, что не следует из слухов о горных богатствах создавать теории, подтверждая их случайными находками. Тем более что Памир, по мнению Никонова, беден. Избалованный работой на богатых разработках золота в Сибири, Никонов разделял мнение Де-Лонга о бедности Памира рудными ископаемыми.

Юрий Ивашко запальчиво отвечал, что если геологи еще не изучили как следует Памир, то это не говорит о его бедности. Наоборот, Юрий ссылался на новую теорию Ферсмана, позволяющую делать геологические прогнозы залегания полезных ископаемых и руд. Так, в спорах и работе, прошел день. Взяв последние пробы, они вернулись в лагерь еще до наступления темноты. Обе палатки стояли на месте. Как будто ничего не изменилось. Но почему нигде не видно Мурзая? И костер потух. А казан, обычно источавший над огнем аппетитный аромат вареной баранины, лежал опрокинутый.

– Мурзай! – громко позвал Никонов.

Ветер трепал распахнутые полотнища, прикрывавшие входы в палатки. А ведь перед уходом геологи аккуратно зашнуровали вход в палатку, где хранились образцы.

– Сейчас разбуду бездельника! – сердито сказал Федор Лежнев и быстро пошел в ближайшую палатку.

– Не вижу лошадей! – растерянно сказал Юрий Ивашко и показал рукой на ущелье, где обычно паслись лошади.

– Исчезли курджумы! – донесся голос Федора Лежнева. Он выбежал из палатки и вбежал в другую.

Никонов вынул револьвер, Ивашко сделал то же самое.

– Курджумов нет! Украли! – с отчаянием крикнул Федор, показываясь у входа.

Трудно передать чувства отчаяния и растерянности, овладевшие геологами. Не сговариваясь, молча, они поспешно пошли на ближайшие скалы, чтобы осмотреть окрестности, и сразу же наткнулись на труп Мурзая.

Мурзай лежал в неглубокой канаве. Это была одна из тех старинных канав, которые были проложены в далеком прошлом для орошения полей.

– Эх, бедняга! – сказал Никонов. Он опустился на колени и осмотрел рану.

– Басмачи! – заметил один из рабочих. – Они всегда так.

Геологи перенесли труп к палаткам, положили на землю и сняли ремень, связывающий руки.

– Надо нам что-то предпринять, и быстро! – сказал потрясенный Ивашко.

Геологи считали, что вряд ли басмачам пригодится исписанная бумага. Будь это в спокойной обстановке, они использовали бы бумагу для костра. Здесь, на месте нападения, им некогда было рассматривать содержимое тяжелых курджумов. Но чтобы облегчить груз в пути и тем самым легче уйти от погони, они, конечно, выбросят исписанные тетради.

Хотя бы удалось спасти результаты работы! Но куда отправились басмачи? Следы вели в восточном направлении, то есть к границе. До нее, а значит, и до пограничников километ-

ров восемьдесят. Не оказалось и винтовки Никонова, которую он оставил Мурзаю для охраны лагеря. Выстрелов – сигналов тревоги – они не слышали. Не было рядом с Мурзаем и стреляных гильз. Или Мурзай растерялся и струсил, или его захватили врасплох, обманом.

Надо было организовать погоню. Но что может сделать пеший на высоте трех тысяч метров над уровнем моря, где невозможно даже без груза ходить быстро! На поиски дневников послали рабочих. С ними пошел Федор с винтовкой, а Никонов и Юрий полезли на гору. Может быть, сверху удастся увидеть в бинокль басмачей? Был предвечерний час. Дул порывистый ветер. Небо затягивалось тучами. Ветер усиливался с каждой минутой и гнал поземку. Снежная мгла скрывала дали. Бинокль оказался бесполезным. Внезапная перемена погоды в высокогорье не была новостью для геологов. Здесь даже летом неожиданно выпадал снег, и если солнце грело грудь, спина мерзла. Геологи больше всего боялись, что снег может замести дневники и карты. Они были убеждены, что басмачи обязательно выбросят бесполезную для них бумагу. Никонов и Юрий спустились в лагерь. В сумерки вернулся Федор с рабочими. Они тоже ничего не нашли. Об этом крикнул Федор издали. Был он невысокий, худощавый, смуглый и в пылу азарта, касалось ли это работы или охоты, мог довести и себя и других до изнеможения.

Сейчас они еле передвигали ноги, и, пока дошли до палатки, Федор успел сообщить, как они искали. Геологи были в отчаянии: мыслимое ли дело – лишиться всех результатов работы! Неужели на будущий год начинать все сначала? Собравшись в палатке, при свете фонаря они вспоминали и поспешно записывали результаты работы. Близость басмачей заставляла быть настороже. А вдруг они нападут ночью? Кроме винтовки Федора у геологов были револьверы. Дежурили по очереди. Всех волновало отсутствие Шамши.

В прошлом боец киргизского кавалерийского дивизиона, он был и охотником, и проводником, и, когда надо, переводчиком, поваром, кузнецом, лечил лошадей и людей, чинил обувь, знал повадки не только птиц и зверей, но и басмачей, он предсказывал погоду – словом, был мастером на все руки. И сейчас все надеялись на его помощь и ждали у палаток.

Шамши пришел ночью. Серого жеребца, навьюченного двумя козлиными тушами, он вел в поводу. Теперь это была единственная лошадь. Винтовка Юрия Ивашко висела у охотника за плечами. Стройный, как и все горцы, закаленный походами, Шамши казался молодым.

Узнав о случившемся, Шамши рассердился. Он без всякого стеснения выругал геологов за беспечность и сказал несколько злых слов по адресу Мурзая. Шамши собрался сейчас же ехать в погоню за басмачами.

Но что мог сделать один Шамши? Посоветовавшись, решили послать Шамши в кишлак у Заалайского хребта за лошадьми и всем вместе преследовать басмачей.

Жаль было незлобивого Мурзая. Басмачи коварны. Злые волки прикинулись овцами. Грабители захватили курджумы, рассчитывая найти в них богатую добычу. Намытое золото они, конечно, возьмут, а дневники и карты им ни к чему. Разве что ими разожгут костер или выбросят, чтобы легче было удирать. А вдруг басмачи уже выбросили дневники и надо только поехать и подобрать их? Эх, скорее бы ехать!

Шамши вернулся в полдень. Ему удалось перехватить по пути небольшой караван и договориться с ним. Он привел двух лошадей и пять верблюдов. С ним приехал сопровождающий. Это был пожилой киргиз, по имени Джаныбек. С ним же приехали на конях три вооруженных киргиза – разведчики из добровольческого отряда, борющегося с басмачами. Тело Мурзая прикрыли камнями, чтобы на обратном пути Джаныбек отвез его в кишлак к родственникам, которые его и похоронят.

Осмотрев следы, Шамши определил, что было пять басмачей, причем одна из лошадей хромот на правую переднюю ногу. Следы привели к скале, из-за которой басмачи почти сутки, судя по количеству конского навоза, наблюдали за лагерем. Напасть на вооруженных геологов они, видимо, побоялись и воспользовались их уходом.

– Рассчитывали найти полные курджумы золота, – иронически заметил Федор, – а теперь удирают за границу.

Шамши удивляла жадность басмачей – захватили лошадей экспедиции, а даже свою хромую лошадь не оставили. Не задерживаясь, вся группа двинулась по следам. Следы привели к руслу метров семьсот шириной. В солнечные летние дни, после полудня, здесь неслись мутные талые воды, гремя по дну камнями, а сейчас не было даже ручейка. Отпечатки копыт виднелись на снегу, а где не было снега – то на плотном песке и сдвинутой гальке. Басмачи старались ехать, прячась за высоким берегом, выбирали промоины, лощины, то есть двигались так, чтобы их не заметили.

Как ни всматривались геологи, заезжая за валуны, заглядывая в колдобины, дневников не было видно. Лишь бы не сожгли дневники. Бумага – хорошее топливо.

Следы вели на восток. Через четыре часа путники обнаружили труп освежеванной лошади. Это и была, как сказал Шамши, та самая хромая лошадь. Часть лошадиного мяса басмачи взяли с собой. Костра не разжигали. Видимо, спешили. И нигде ни одного листка из дневников. Здесь следы раздваивались. Трое басмачей на подкованных лошадях, принадлежавших экспедиции, поехали прямо на восток, двое, с остальными лошадьми, повернули в сторону кишлака Кашка-Су, расположенного в предгорьях Алайского хребта.

Почему басмачи разделились? Может быть, они намеревались оставить часть лошадей у своего человека в кишлаке или неподалеку? Или это только маневр, чтобы разделить преследователей и перестрелять их в засаде? В какой же группе находятся дневники? Все было непонятно.

Надо было спешить. Но ведь скорее, чем идет верблюд, не поедешь. Поэтому Федор Лежнев с тремя джигитами из добротряда, как его сокращенно называли на Памире, поехали на лошадях в восточном направлении, чтобы попытаться перехватить басмачей до того, как они перейдут границу. А Юрий Ивашко, Никонов, Джаныбек и Шамши направились через кишлак Кашка-Су. Здесь же они условились встретиться после преследования басмачей.

II

Юрий Ивашко слышал о пурге и буранах, сам однажды чуть не замерз, заблудившись во время выюги, но он даже не представлял себе, что может случиться нечто подобное.

То еле двигаешься по сугробам и сквозь несущиеся на тебя сугробы будто ныряешь в снежных волнах; то выедешь на незаснеженное место, где, казалось бы, легче ехать, но где ветер хлещет по лицу песком и камешками. Приходится прятать лицо за высокий воротник тулупа, но тогда ничего не видно. Хорошо, что весь караван как бы связан веревочкой. Повод от верблюда, находящегося позади, привязан к седлу переднего всадника. По этим обнаженным, или малозаснеженным, местам и старался вести своих верблюдов Джаныбек на север, в сторону Кашка-Су. За Джолдываем, сидевшим на верблюде, ехал на сером жеребце Юрий Ивашко с винтовкой. Никонов, вооруженный только револьвером, предпочел ехать на верблюде. За ним ехали двое рабочих на одном верблюде. Караван замыкал сидевший на верблюде Шамши, вооруженный своим фитильным ружьем – карамультуком, наганом Юрия и длинной палкой. Позади, ныряя в снег, бежал охотничий пес Кок. Караван шел медленно. Чем дальше, тем труднее было пробираться через снежные заносы. Они становились выше и плотнее. Все чаще верблюды погружались в снег до живота, останавливались и не хотели идти.

Вот и сейчас верблюды шли как будто по ровному месту, но вдруг верблюд Шамши провалился до ушей. Лощина оказалась забитой глубоким снегом до краев. Верблюд не доставал ногами земли. Он ревел, барахтался и наконец завалился на бок. Загребая ногами, он задел Джаныбека, и тот со стоном отскочил. Все столпились возле упавшего верблюда. Одни утап-

тивали снег, другие развьючивали. Юрий Ивашко пытался помогать, но только мешал, дергая не за те концы веревок.

Наконец верблюду помогли правильно лечь, снова навьючили, заставили встать. Джаныбек перебрался на другую сторону лощины и тянул веревку, продетую в нос верблюда. Тот не хотел идти, упирался, кричал от страха и боли. Под ударами он двинулся вперед, но, не доверяя коварной глубине, подогнул в коленях передние ноги и, как бы на лыжах, медленно перебрался через снежную трясину. Так же перешли другие верблюды.

По этим обнаженным, или малозаснеженным, местам и старался вести своих верблюдов Джаныбек на север, в сторону Кашка-Су.

III

В ясный солнечный день по ущелью спускались всадники. Снег и лед остались позади. Был снег и здесь, но он лежал на горах и только пятнами покрывал дно ущелий. Прибрежные камни были в ледяных шапках.

Еще вчера всадники покинули зону заснеженных альпийских лугов и низкорослой, почти стелющейся арчи. Чем ниже они спускались, тем выше становилась вечнозеленая арча на склонах гор, и, наконец, в ущелье встретились горные тополи, кусты шиповника и жимолости. Под ними желтели осыпавшиеся листья.

Узкие скалистые теснины сменились рыхлыми щебенистыми осыпями. Здесь не было тропинки. Под тяжестью всадников осыпи ускоряли свое движение и влекли всадников к обрыву. Там щебень срывался в реку. Испуганные лошади храпели. Ноги их проваливались чуть не до колен, и людям стоило немалых трудов сохранять спокойствие, так как быстрые движения вызвали еще большее движение осыпи, сносившей их вниз. Но и это осталось позади. Попадались участки пути с огромными обломками белого мрамора. Иногда тропинка чуть лепилась на крутом склоне, и всадники одним коленом касались скалы, а другое свисало над обрывом. Ехали они и по берегу реки, обдаваемые водяной пылью и брызгами. Впереди Никон, угрюмый и молчаливый, за ним – Юрий Ивашко. Неистребимое любопытство к окружающему отвлекало его от грустных мыслей. Страны открываются перед путешественником поразному. Это зависит от цели путешествия, от способа, каким оно совершается, и от характера самого путешественника. А молодой геолог мог весело петь в бурю, промокнув до последней нитки. Впрочем, после купанья в Кизыл-Су у него даже насморка не было. Шамши, ехавшему следом, нравился «охотник за камнями», стремившийся узнать все о горах, о жизни и обычаях народа, и льстило то внимание, с каким юноша относился к его словам. И Шамши старался удружить ему. А рассказать мог он многое. И горы, с помощью Шамши, открывались перед Юрием совсем в ином свете. Шамши держался со всеми на равной ноге и не считал нужным молчать, даже если молчали все начальники, в том числе и Федор Лежнев, ехавший за ним. Шамши невзлюбил Федора за его острый язык и насмешки. К Никонову, доверившему винтовку слабому духом Мурзаю, Шамши относился презрительно.

Все, кроме Шамши, ехали молча.

– Эй, Юрий! – обращался к геологу Шамши, как обычно называя его по имени. – Подними глаза на эту гору. Там, – Шамши показывал рукояткой нагайки – камчи – на вершину, где чуть виднелись хвосты яков на палке, – мазар⁵. Там похоронен храбрый батыр. Народ чтит его память. Видишь, на пять локтей ниже есть щель в скале? Там лежит карамультук этого батыра. Смотри очень хорошо! Джигит с сердцем барса и глазами орла обязательно увидит карамультук. Я вижу. А кто сумеет тот карамультук достать – станет таким же батыром, как тот, что похоронен наверху.

Юрий видел темную щель в скале, но карамультук не мог разглядеть даже в бинокль.

Федор презрительно смеялся и торопил Юрия ехать дальше. Всадники проехали узкий проход. Справа, метрах в двадцати, на тропинке виднелся выступ, обложенный камнями. Шамши пояснил, что это гнездо Соловья-разбойника. Он оглушал проезжавших свистом и отдавал награбленное у богачей бедным.

---

⁵ Мазар – среди киргизов было широко распространено почитание священных рощ, деревьев, камней, источников, связанное с многочисленными магическими действиями и обрядами. В таких местах, называвшихся мазарами, клали черепа животных, ставили шест с хвостами яков.

Потом Шамши указал на высокую гранитную гору, которая, по его словам, будет гирей на суде, когда станут взвешивать грехи людей. Рассказал Шамши и о скале «Зеркало правды». Стоило честному обиженному человеку приблизиться к этой скале – и на гладкой, прозрачной поверхности «Зеркала правды» он мог увидеть лицо своего обидчика, был ли это убийца, похититель дочери или верблужий вор. Но злые люди залили кровью невинных поверхность зеркала, чтобы оно не помогало народным мстителям узнавать своих врагов. С тех пор «Зеркало правды» стало мутно-розовым. И таким будет оно до той поры, пока не уничтожат тех, кто забрызгал зеркало кровью. Видимо, живы еще злые люди, и надо всем быть настороже. Это был новый вариант легенды, уже слышанной Юрием Ивашко. Справа и слева по пути следования каравана теснились все новые и новые горы, и о каждой горе Шамши мог рассказать если не легенду и историческое происшествие, связанное с ней, то нечто весьма увлекательное. Но самым поразительным в этом ущелье была река, по берегам которой они спускались вниз, в Ферганскую долину. Вдруг Шамши остановил лошадь и указал на высокую скалистую стену, тянувшуюся вдоль левого берега реки. На ней было отчетливо видно изображение раскрытой ладони и круг с точкой, высеченной в середине. Раскрытая ладонь была древнейшей эмблемой. Изображения раскрытой ладони находили на вавилонских пирамидах и на скалах Древнего Египта.

Шамши начал было рассказывать легенду, связанную с этими знаками, но Федор не выдержал. Он огрел плеткой стоявшего впереди коня Шамши так, что усталый конь рванулся вперед, стегнул плеткой коня Юрия, своего коня и крикнул:

– Мне надоело слушать всякую ерунду! У меня сердце болит, я себе места не нахожу... Случилось страшное, непоправимое несчастье, нас надо всех судить и строго наказать за ротозейство!? Погибли все результаты нашей работы, а ты... ты, Юрий, можешь распускать уши и благодушествовать... Это... это черт знает что! А еще комсомолец! Я буду ставить вопрос!..

– А по-твоему, я должен бить себя в грудь и рыдать? – спросил, рассердившись, Юрий. – Знаешь что? Держи-ка ты себя в руках и не распускайся!

– Тебе легко так говорить! – сердито, но уже спокойнее возразил Федор. – У тебя район был почти пустой, а ведь мои дневники – на вес золота. Я ведь тебе показывал образцы.

– Ну хорошо, – согласился Юрий, – Шамши больше не будет рассказывать, если тебя раздражает эпос... Криком горю не поможешь. Но я, я не могу равнодушно смотреть на всю эту красоту. Ведь это же не просто бурная горная река – это же сотни шумящих и пенящихся каскадов, из которых ни один не похож на другой. Да ты оглянись назад! Ну где же ты видел хотя бы что-нибудь подобное? На протяжении почти полутора километров, будто с неба, из облаков, спускаются к нам сотни прозрачных голубовато-зеленых ступенек, покрытых кружевными покрывалами. И цвет ступенек все время меняется, и каждое мгновение на этих дрожащих водных ступенях меняются узоры кружев! Все красиво в природе – и горы, и леса, и небо, – но нет на земле ничего краше воды, вечно живой и изменчивой. Это сказал еще Аксаков!

Юрию хотелось чем-нибудь развлечь своего тоскующего друга, и он старался обратить его внимание на природу.

– Ты смотри! У берега темные, желтые и красные камни одеты в ледяные короны, а разноцветные громады скал до половины усыпаны снегом. Я никогда не видел такого сочетания красок. Из снежной зимы мы спускаемся в лето. Вот край поразительных контрастов!

– Скоро ты начнешь писать стихи, а я уже два года работаю в этих горах, и меня этим не удивишь, – проворчал Федор. – Подумаешь, контрасты! На горах холодно, а внизу тепло. Школьнику ясно, в чем дело! И почему тебя восторгают горы из базальта, гранита и песчаника, не понимаю!

– Отвратительная привычка переводить все чудесное в обыденное! – насмешливо заметил Юрий.

– Я вообще тебя не понимаю, – продолжал Федор. – Почему, например, ты взелся на меня, когда я подул на черные точки жира в кумысе, которым нас угощал старик? Если есть поверье, что нельзя дуть на кумыс, так как кобыла не станет давать молоко, то с этим заблуждением надо покончить. Я сознательно подул на кумыс: пусть старик убедится на опыте, что его кобыла не уменьшила удой. И я нарочно выплеснул остатки кумыса в огонь. Надо революционизировать быт. И я бы не стал слушать всякие там легенды!

Они горячо заспорили. Юрий доказывал, что надо уважать стариков, быть более тактичным и укоренившиеся предрассудки изменять убеждением, а не бороться с ними, грубо нарушая их и при этом даже не объясняя причины своего поступка, явно обидного с точки зрения старика.

Постепенно их спор перешел на знаки, виденные на скале, и наконец они заспорили о том, чем считать Алайский хребет и Алайскую долину: отрогами Тянь-Шаня, частью Памира или самостоятельной Памиро-Алайской системой?

Никонов не вмешивался в их спор. Он был угрюм и ехал молча. Он думал о предстоящем разговоре с ожидавшим их в Уч-Кургане начальником партии Поповым, заместителем которого он являлся. Юрию Ивашко хотелось двигаться побыстрее, но в горах, да еще на лошадях, навьюченных поклажей, ездят только шагом. То и дело скалы, подходившие к реке, заставляли тропинку спускаться к переправе, перебегать по качающемуся деревянному мостику необычной конструкции на другой берег. Тропинка вилась, как змея, с одного берега на другой, то избегала на склоны, то шла над самой рекой. Юноша потерял даже счет тем десяткам мостов, которые они проехали. Чем ниже спускались путники, тем выше поднималась линия снегов. Наконец снег оказался только на вершинах скал. Прибрежные камни были свободны ото льда. По склонам, у родников, ярко зеленела трава. Тропинка становилась все шире и шире. Путники отдохнули в придорожной чайхане, покормили лошадей и поехали дальше. Наконец тропинка перешла в колесную дорогу. Стало жарко. Проехали кишлак. Двое дехкан, ехавших в кузове встречной машины, с удивлением смотрели на всадников, одетых в тулупы, валенки и меховые шапки.

Когда на краю поля всадники увидели деревья с еще не осыпавшимися листьями, Юрий восторженно закричал:

– Назад, к лету!

– А ведь действительно лето! – отозвался Федор.

IV

Южнее Голодной степи, закрытая с севера Чаткальским хребтом, с востока – Ферганским, а с юга – Алайским, раскинулась плодородная Ферганская долина. Этот оазис еще издавна привлекает взгляды путников. Кто бы они ни были: работники ли научных экспедиций, или землеустроители, передвигающиеся по каменистым дорогам от оазиса к оазису, чтобы помочь тогда еще немногочисленным колхозам нарезать поля, или культработники и врачи, посетившие в высокогорных долинах кочевников, переходящих к оседлой жизни, – всех их влечет к себе зеленая стена, вырисовывающаяся за много километров на горизонте. Эта граница отделяет зеленый мир орошаемых земель, густо населенных людьми, от плоского серого мира безводной пустыни. Лес тополей десятками тысяч стройных вершин высится на горизонте.

Тополи, карагачи, тутовые деревья, отмечая собой путь арыков, в которых журчит вода с гор, выстроились вдоль улиц и тесно обступили поля и сады, сдерживая неистовство ветров. Глубокая осень, а в Ферганской долине по-летнему печет солнце. Пыль мутной, серой пеленой висит над Уч-Курганом. Изнемогающие от жары тополи неподвижно стоят по обочинам улиц, уже не серебристые, а серо-желтые от пыли.

Полдневный зной разогнал крикливый людный базар. Одинокий осел стоит посреди площади и, закрыв глаза, неумолимо, как заведенный, кивает головой.

Медленно шествует караван верблюдов с хлопком, наполняя опустевшие улицы неустанным монотонным звоном колокольчиков, да на полях перекликаются кетменщики, одетые во все белое. Поднимая над головой острые кетмени, они с силой прорубают в пересохшей почве путь воде с гор. Вода не ждет.

Над прохладными водами горной реки Исфайрам, берущей начало в Алайских горах, на сваях, вбитых в дно реки, стоит большая чайхана. Возле нее, у коновязи, кормится десятков пять верховых лошадей. Посмотрев на оседланную лошадь, сразу можно охарактеризовать ее хозяина. Вот эти невысокие худощавые лошадки, заседланные деревянными седлами с рваными подушками, привезли небогатых дехкан. Дальше стоят шесть малорослых сильных лошадок под большими и тяжелыми кавалерийскими седлами, лошади нестроевые – они принадлежат работникам какой-нибудь экспедиции. Раскормленный серый жеребец с раскрашенным деревянным седлом и мягкой подушкой принадлежит богатому хозяину. А рослая белая кобыла с тонкими сухими ногами – горная лошадь и заседлана поверх толстой попоны казацким седлом с двойной подпругой, мягкой подушкой, подхвостником и прочими атрибутами езды в горах. У другой коновязи стоит сильный мерин с потертым седлом – это приехал кто-нибудь из районного актива. Возле лошадей, вспархивая на седла, деловито суетятся голуби и скворцы. Ласточки на лету хватают мух и уносят под крышу чайханы.

К коновязи подъехали геологи. Юрий с трудом освободил концы валенок из ремней над стременами и, навалившись грудью на шею лошади, грузно прыгнул на землю. Затекшие ноги остро ощутили боль удара. Сбросить тулуп и заменить валенки недавно купленными мягкими ичигами было делом недолгим.

Вскоре вся группа геологов, в военных костюмах, с револьверами в кобурах, с полевыми сумками через плечо и двумя винтовками, вошла в чайхану, привлекая к себе взоры сидящих. Чайхана переполнена. Люди, поджав ноги, сидят на цветных коврах, покрывающих пол, и неторопливо попивают кок-чай из больших и малых пиал, лениво отмахиваясь от роящихся в воздухе мух. Сейчас, как и обычно в полдневные часы, в чайхане собралась разноязыкая, пестрая толпа. На эти часы все учреждения закрываются. Ведь летом бывает раскалено все – и земля и воздух. То и дело слышится зов: «Эй, чайханщик, два чайника кок-чая!» или «Эй, чайханщик, три черного чая, лепешки и сахару!» Чайханщик – длинноносый Абдулла, плотный мужчина лет сорока, с очень гибкими и точными движениями акробата. Рот его вечно улыбается, потемневшие зубы выдают слабость к сосательному табаку – насвою. Он сидит возле стены, окруженный шеренгами разнокалиберных чайников и пиал, высокими стопками белых лепешек. Здесь же корзины с виноградом, груды душистых дынь и сочных арбузов.

Абдулла и его два помощника не знают ни минуты покоя. Посетитель едва подымает палец, а уже тонкий и подвижный, как вьюн, четырнадцатилетний Рахим спешит к нему с полотенцем и кок-чаем. Пока один пятиведерный самовар шумит и фыркает, наполняя десятки чайников кипятком, второй, такой же огромный и до того сверкающий, что глазам смотреть на него больно, ждет своей очереди.

Наконец геологи разместились в углу, на ковре, и Никонов позвал Абдуллу. Тот подошел.

– Селям алейкум, товарищ Никонов! – И Абдулла порывисто пожал обеими руками протянутую ему руку Никонова, а потом остальных. – Самое главное – здоровье! Много едишь, много смотришь – веселый будешь, аппетит иметь будешь! Что есть будешь? Что пить будешь? После длинной дороги хороший, жирный плов из барана чайку просит. Как думаешь?

– Мне три порции плова, чаю, – сказал Юрий, – и еще дыню, и винограду, и груш, и яблок, и гранатов. И столько же – Шамши!

Такой же аппетит был и у других членов экспедиции. Абдулла весело улыбался и кивал головой.

Рядом с геологами сидели двое. Один из них, худощавый и быстрый в движениях, рослый, ширококостный киргиз лет сорока, вынул из своего курджума большую душистую дыню и с легким поклоном подал Никонову.

– Сколько? – спросил тот.

– Зачем так говоришь? Нехорошо говоришь! Я не торговец. Я раис – председатель колхоза «Свет зари». Попробуй колхозную продукцию! – Последние слова он сказал с особым значением и искоса бросил взгляд на сидящих в чайхане. – Не понравится – сто, тысячу рублей плачу!

Это был вызов единоличникам. А в тот год их было еще очень и очень много. Весьма немногочисленные колхозы среди моря единоличных хозяйств были как светлые маяки среди бушующего океана.

– Спасибо вам! – быстро отозвался Юрий.

Никонов поблагодарил и разрезал дыню на куски. Юрий шумно восторгался ароматной, нежной, удивительно сладкой, охлаждающей мякотью дыни. Федор Лежнев и Никонов тоже хвалили.

– Значит, никто не хочет спорить со мной на тысячу рублей? Значит, никто не хочет выставить лучшую дыню? – весело крикнул председатель и обвел взглядом сидящих в чайхане. Никто не принял вызова.

Председатель был удовлетворен. Никонов еще раз поблагодарил его от имени всех и осведомился, что за колхоз «Свет зари».

– Богатый колхоз, – отозвался раис, и глаза его задорно блеснули. – Вот объясняю раису колхоза «Заветы Ильича», – и он кивнул на своего полного собеседника, – как мы поощряем отличную учебу своих молодых колхозников-курсантов тем, что начисляем им трудодни. У меня пять человек только в автомобильной школе учатся. За отличные успехи мы даем три четверти нашего колхозного трудодня.

– Все равно ты их не увидишь! Они выучатся и уйдут в город работать, – возражал ему собеседник.

– Не пущу!

– Не спросят!

– Обком поможет.

– Конечно, поможет! – горячо отозвался Юрий. Федор насмешливо взглянул на восторженного юношу. Абдулла и его помощник быстро поставили на стол вместительные пиалы с дымящимся пловом, ложки, лепешки, чайники с чаем. Никонов налил в пиалу чаю, поднес раису. Тот, видимо, хотел отказаться, но все же принял пиалу, однако предложенную ему пиалу с рисом отстранил.

– Лучше сделай своих агротехниками, – продолжал разговор раис колхоза «Заветы Ильича». – Пусть египетский хлопок сеют. Мы в своем колхозе так сделали.

– Египетский любит много воды, а у нас в колхозе воды не хватает. И все из-за тебя: ведь ты у меня воду крадешь!

– Я не краду. Вспомни, наш род всегда в это время всю воду брал на свои поля...

– Так это же было когда? Давлет-бай командовал!

– Наш род старше, а старшие берут в первую очередь. Я ведь беру не для себя, а для колхоза.

– Сейчас график райзо распределяет воду, а не старшинство родов. И потом, мой род не ниже твоего. Я поставил охотников с ружьями на плотине – стрелять будем.

Раис колхоза «Заветы Ильича» молча кивает головой: ему не хочется спорить, он занят репетицией предстоящего разговора об этом с председателем райисполкома.

Раис колхоза «Свет зари», видя, что его собеседнику, занятому своими мыслями, не до разговоров, обратился к геологам, которым, видимо, было интересно его послушать. В стране

дело шло к сплошной коллективизации. Классовая борьба обострилась. Были враги открытые, были и скрытые враги. Чтобы нормально работать даже в экспедиции, надо было хорошо разбираться в обстановке, надо было уметь ответить дехканам на вопросы, которые их волновали. Раис колхоза «Свет зари» произнес горячую речь о преимуществах колхозной жизни. Тогда это еще надо было доказывать. Разговор на колхозную тему, когда можно было козырнуть достижениями своего колхоза, доставлял огромное наслаждение раису. Он вызывающе поглядывал на всех, стараясь встретить хотя бы небольшое возражение. Его зычный голос слышался в самых отдаленных углах чайханы. Уже через несколько минут чайхана начала напоминать улей потревоженных пчел.

Угрюмый человек в пестром халате, с колючим взглядом небольших темных глаз громко сказал:

– Говорят: египетский хлопок, египетский хлопок, контрактация... а цены на хлопок на лондонской бирже растут.

– Ага, – воскликнул раис, – я слышу разговор о ценах на лондонской бирже! Почему они вас интересуют? Наш хлопок возвращается к нам как ситец, как байка, как новая жизнь. Зачем тебе знать, сколько он в Лондоне стоит? Или ты хочешь опять эмира бухарского и его блюдолизов к себе на шею?

– Хлопковый клин сократил посев зерновых, – сказал толстый, рыхлый старик, от которого пахло сырыми кожами, – поэтому и количество скота уменьшилось.

– Конечно, – послышался молодой голос, – теперь басмачи, вернее, остатки их, не имеют прежней зерновой базы. Недаром же они и сейчас через своих людей угрожают всем, кто подписывает контракт на посев хлопка.

– А скот? – воскликнул раис. – Всем известно, что за годы басмачества погибло много скота. Ведь только один курбаши⁶ Муэддин нагребил у дехкан тысячи баранов, много лошадей, около четырехсот быков. Недаром же, когда он на суде попросил молиться за его душу, дехкане закричали: «Смерть собаке!»

– Да и не только басмачи, – вмешался председатель колхоза «Заветы Ильича», – баи и сейчас каждый день угоняют контрабандой скот за границу, в Кашгарию. Лишь бы не досталось колхозу. Много скота задержали пограничники за эти месяцы.

– А зачем требуют сдавать в колхоз все, даже кур, почему нельзя оставить себе курицу? – визгливым голосом закричал богато одетый дехканин.

– Это неправильно, – вмешался в разговор мужчина в полувоенной одежде. – Тот, кто заставляет так делать, отпугивает дехкан и вредит колхозному делу. Это или явный враг, или дурак. А услужливый дурак опаснее врага. Вы из какого кишлака? – спросил он у человека, говорившего о цене хлопка на лондонской бирже.

Тот молча допил чай, делая вид, что не слышит вопроса. Он встал и, бросив деньги, вышел.

– Что это за человек? – громко, на всю чайхану спросил раис колхоза «Заветы Ильича». – Я никогда не видел его раньше.

Все разговоры стихли.

– Это бай или кто-нибудь из сдавшихся ранее басмачей, – сказал раис колхоза «Свет зари». – Они все еще никак не могут опомниться. Белая собака, черная собака – все равно собака. У таких свой собственный телеграф новостей. Много бандитов уничтожено пограничниками, но стоит появиться где-нибудь басмачам Тагая или Хамида...

– Хамид уже появился, – раздался старческий скрипучий голос. – Мой сын научился грамоте и стал такой умный, что стыдится отца. Свою сестру, мою старшую дочь, он заставил снять паранджу, а джигиты Хамида ей за это отрезали голову.

---

⁶ Курбаши – главарь банды.

– Джигиты Хамида не джигиты, а проклятые басмачи, продавшие свои души английской разведке, – сказал мужчина в полувоенной форме. – Разве басмачи одной твоей дочери отрезали голову? Ведь когда выбирали место, где быть таджикской столице – в Гиссаре или Дюшамбе, то обнаружили, что в кишлаке Гиссар в то время басмачи оставили только семь дворов, – вот что басмачи наделали! Они попробовали и в этом году захватить Памир. Всех бандитов уничтожила Красная Армия, только двенадцати головорезам удалось унести ноги к своим хозяевам, за границу.

– Кого режут басмачи? – спросил раис колхоза «Свет зари» и сам ответил: – Учителей, агрономов, трактористов, докторов, партийцев, комсомольцев, председателей колхозов, инженеров. А зачем? Чтобы не выпустить в народ Слово. В царстве слепых и кривой – хан. Что может сделать один человек, единоличник, сам по себе? А вместе? Колхозом? Если всем народом топнуть ногой – будет землетрясение, если всем народом дунуть – будет буря, а если плюнуть на врага – будет озеро, в котором враг утонет.

Председатель колхоза торжествующе посмотрел кругом, выискивая несогласных. Никто не возражал.

Три громких хлопка в ладоши прозвучали на всю чайхану. Давно уже никто так, побайски, не призывал к себе чайханщика. Абдулла быстро наклонился, чтобы из-за сверкающего пузатого самовара увидеть этого заказчика. В углу сидел пожилой узбек в темном халате. Абдулла разглядел узкое лицо, изрытое оспой. Левая бровь и скула были рассечены шрамом.

Абдулла схватил самый цветистый чайник, насыпал в него чаю, налил кипятку, взял поднос и сам поспешил к гостю.

– Селям алейкум! – приветствовал он заказчика и бесцеремонно заглянул в его опущенное лицо. – Как доехал, Хамид?

– Алейкум селям, Абдулла, – спокойно процедил сквозь зубы Хамид. – Как живешь?

Мгновенно смолкли все разговоры, пронесся тихий шепот:

– Здесь сидит глава басмаческого отряда – сам курбаши Хамид.

Все взоры устремились на Хамида. Только группа геологов продолжала горячо спорить. Но и они умолкли, удивившись наступившей тишине. А когда раис колхоза «Свет зари» объяснил им, что человек в углу, со следами оспы на лице, не кто иной, как курбаши Хамид, они оживленно зашептались. Ивашко вскочил и подошел к Хамиду.

– Курбаши Хамид? – громко спросил он, опуская руку на наган в кобуре.

Хамид бросил быстрый взгляд в лицо юноши и мгновенно опустил глаза.

– Я Юрий Ивашко. Помнишь группу золоторазведки и перевал Кечик-Алай? Скажи, куда твои басмачи девали наши записные книжки? Ну?

– Стреляй собаку, стреляй! – раздался на всю чайхану пронзительный голос старика, у которого басмачи Хамида зарезали дочь.

Ивашко почувствовал, как чьи-то сильные пальцы крепко сжали кисть его руки. Он быстро оглянулся и увидел улыбающееся лицо пожилого киргиза.

– Пусти! – Юноша попытался освободить руку, но это ни к чему не привело.

– Здесь нельзя стрелять, – улыбаясь, сказал киргиз. – Прячь свой наган!

Ивашко вспыхнул:

– Ты что, курбаши испугался? Хамид один, а ты боишься... Трусись?

Послышались возгласы удивления и смех. Юноша заметил, что окружающие смеются над ним.

– Иди к начальнику, – спокойным голосом произнес киргиз и, обернувшись к толпе, пояснил: – Ничего, он еще молодой, горячий... ничего...

– К начальнику? – вызывающе спросил Ивашко. Он оглянулся: его смутили улыбка и снисходительный тон киргиза.

– К начальнику райотдела, – спокойно ответил киргиз. – Ты на Алай, в запретную пограничную зону, ездил, а к Тысячеглазому не зашел. Теперь кричишь: «Мои записные книжки, мои записные книжки!» Не велика храбрость – угрожать безоружному в чайхане, где много народу. Надо было не трусить, когда напали басмачи...

– Да вам-то какое дело?... А вот здесь сам курбаши Хамид, главарь басмачей.

– Я это вижу, но стрелять нельзя.

Вокруг спорящих собрались все посетители чайханы. Хамид, от которого временно было отвлечено внимание присутствующих, услышал чей-то шепот:

– Прыгай в реку... Белая кобыла у коновязи, крайняя с востока...

Хамид порывся в складках пояса и спокойно вынул оттуда аккуратно сложенную газету. Медленно развернув ее, он достал вчетверо сложенную бумажку.

– Читай, начальник, – произнес он, протягивая ее юноше.

Взяв бумажку свободной рукой и быстро пробежав глазами написанное, Ивашко с возмущением сказал:

– Не верю! Фальшивое... Идем выясним...

– Приехал сам товарищ Максимов, Тысячеглазый! – услышал Юрий. Рядом с ним стоял Рахим, юный помощник Абдуллы. – Вот! – Улыбаясь, он показал на дверь.

Возле чайханы на породистой гнедой лошади сидел стройный, но уже немолодой человек в форме войск ГПУ.

Юрий Ивашко сделал шаг к двери, с сомнением посмотрел на Хамида и сказал:

– Пойдем вместе.

Хамид быстро вышел из чайханы. Остальные вслед за ним поспешили наружу и плотным кольцом окружили Максимова. Максимов приветливо здоровался с собравшимися. Большинство из них он знал по имени и спрашивал о делах, вызывая удивление своей осведомленностью.

– Вот курбаши Хамид здесь, – взволнованно сказал ему Ивашко.

– Знаю. А разве вы не видели его документы?

– Видел, но сомневался... – растерянно ответил юноша.

– А вы не сомневайтесь. Сомнения недостаточно, чтобы хвататься за наган. А вы любите стрелять... Мне это известно. Вы были в Алайской долине много дней. Почему же вы предвительно не заехали ко мне, не зашли в райком партии?

– Не было времени, да и ехали мы другой дорогой...

– Я знаю, но это не меняет дела, – прервал его Максимов. – Зайдите ко мне через час.

Возле чайханы на породистой гнедой лошади сидел стройный, но уже немолодой человек в форме войск ГПУ.

Рахим стоял перед всадником, держа лошадь под уздцы. Неожиданно она попятилась назад, раздвигая толпу, и потащила за собой мальчика, не выпускавшего повод из рук. Максимов, освобождая повод, успел шепотом перекинуться несколькими словами с Рахимом. Мальчик скрылся.

– Товарищи, – обратился Максимов к толпе, – курбаши Хамид разоружил всех своих джигитов и сдался нам. Он помог нам кое в чем. Мы обещали ему свободу и сдержали свое обещание: он волен ехать куда хочет. Я выдал ему удостоверение. Если Хамид хочет жить мирной жизнью дехканина, пусть живет. Умный человек не споткнется дважды об один и тот же камень.

– Ловите белую, ловите белую! – донесся пронзительный мальчишеский голос от коновязи.

И все увидели белую лошадь, возле которой, неумело хватаясь за повод и еще больше пугая ее, кружился Рахим.

– Чья белая кобыла, чья кобыла? Отвязалась! Лови! – слышались голоса в толпе.

Хозяин лошади не находился.

– Лови! – кричал Абдулла. – Хватай за повод! Упустишь – скандал будет. Скажут, чайхана виновата!

Мальчик поймал лошадь и повел к коновязи.

– Почтенные, смотрите, – крикнул кто-то из толпы, – чей-то курджум упал в реку! Вон плывет!

Мешок из красной шерсти быстро плыл по течению, постепенно погружаясь в воду. Рахим мгновенно прыгнул в реку, стараясь догнать курджум. Слышались веселые возгласы, советы. Несколько всадников поскакали по берегу на помощь мальчику. Рахим поймал курджум и, схватившись за конец аркана, брошенного одним из верховых, выбрался на берег под крики одобрения.

– Хозяин! Кто хозяин? Где счастливцев? – спрашивали друг друга в толпе.

Но хозяин не откликался. Большинство предлагало вскрыть курджум. Абдулла, получив согласие Максимова, перерезал шерстяную петлю, на которой висел замок. Все столпились вокруг, забыв о жаре.

В одном кармане переметной сумы был Коран, шкатулка, запертая на ключ, женское покрывало, патроны к браунингу и мешок с золотым песком. Абдулла немедленно его спрятал.

В другой половине были лепешки, завязанные в платок, женский халат, небольшие кожаные ичиги, три пачки денег тысяч на двенадцать, кусок вареной баранины, неполная бутылка с коньяком и десять янтарных мундштуков. Абдулла, понимавший в них толк, сразу поднес к глазу один из них и в светлом глазке увидел изображение обнаженной женщины.

– Кашгарский, – сказал он.

Максимов приказал ординарцу немедленно все отнести к нему в райотдел.

Рахим побежал в чайхану переодеваться.

– Почтенные, – сказал Максимов, – очевидно, хозяин белой кобылы, отказавшись от лошади, побоялся, что курджум может его выдать. Он решил отделаться от улик, сбросив его из чайханы в реку. Но мы, конечно, найдем хозяина.

К чайхане подходили все новые и новые люди.

– Слушайте! – громко сказал Максимов. – Пусть здесь запомнят все: кто обидит моего друга Хамида – обидит меня самого, кто тронет кого-нибудь из его семьи – будет иметь дело со мной. – Голос Максимова звучал властно, а в глазах светилась легкая насмешка.

– Хамид, скажи нам: ты не видел в чайхане никого из бывших единомышленников?

– Нет, – твердо ответил Хамид, – нет!

Оспенные шрамы на его лице побагровели. Он с нескрываемым ужасом смотрел в немигающие глаза Максимова. Он думал о том, что только Максиму мог прийти в голову этот дьявольский план – публично почтить его, бывшего курбаши, своей дружбой. Максимов слишком хорошо все понимает, чтобы сделать это случайно или по неведению. Начальник несколькими словами о своем друге Хамиде порвал все связи, еще сохранившиеся у Хамида с басмачами. Друзья Максимова – дехкане и рабочие – не признают Хамида своим: недобрую память оста-

вил он в тех кишлаках, где побывал со своими джигитами. Да ведь и он не считает единомышленников Максимова своими. Сдался он потому, что невозможно стало воевать. Отряд тает с каждым днем – никто не идет в басмачи. Да кроме того...

Максимов прервал невеселые мысли Хамида.

– Прими по-дружески, – сказал он, доставая из седельной сумки шелковый халат и протягивая его Хамиду.

«Вот для меня и совсем закрыта дорога назад, – подумал Хамид, с поклоном принимая халат и прижимая его ко лбу и сердцу. – Лукав и могуществен „человек, который везде...“».

Хамид, не медля ни минуты, надел подаренный халат. Теперь этот халат предохранит его от выстрелов со стороны советских людей, но привлечет все пули его бывших единомышленников.

– Спасибо! Твой должник и верный раб.

Хамид обвел взглядом толпу. Одни смотрели на него подозрительно, большинство – с ненавистью, немногие сочувственно улыбались.

После отъезда Максимова чайхана сразу наполнилась людьми. Происшествие горячо обсуждалось.

Хамид сидел в глубокой задумчивости. Он снова и снова думал о том, что Максимов отрезал ему путь к спокойной жизни. Теперь никто из друзей не поверит, что это не измена, а уловка. А его друзья? Это люди, с которыми он грабил и убивал, вместе спасал свою шкуру. По-видимому, и сейчас тот человек, который предлагал белую кобылу, сидит где-нибудь здесь, за его спиной, с пистолетом в кармане. «Мы все служим Черному Иمامу. Он беспощаден. Но зачем ему жизнь Хамида, который оказался достойным правой веры и при допросе почти ничего не сказал Максиму? Если бы начальник хоть немного знал о Черном Иمامе, не бывать Хамиду на свободе. А вдруг Максимов знает и о Черном Иمامе? Кто может сказать, что знает или не знает Тысячеглазый!»

– Эй, Хамид! – донесся голос с площади.

Народ расступился, давая дорогу бывшему курбаши. Перед входом в чайхану ординарец Максимова держал в поводу черного коня.

– Бегунчик! – позвал его Хамид. Конь оглянулся, поднял голову и громко заржал.

«Мое седло, уздечка, курджум и... даже моя нагайка. Обо всем подумал начальник...» – мысленно отметил Хамид, не зная, радоваться ему или печалиться.

Хамид, не слушая поздравлений, быстро подошел к коню. Он попробовал подпругу, вскочил в седло и, свистнув, поскакал из кишлака. Вскоре он услышал зов и, оглянувшись, увидел за собой всадника. Хамид осадил разгоряченного коня.

– Начальник приказал передать тебе этот револьвер, патроны, – сказал ординарец Максимова, – и предупредить: «Берегись мести Черного Имама».

V

Ивашко, войдя к Максиму, заметил, что тот отложил в сторону толстую потрепанную книгу.

– Курите? – Максимов раскрыл портсигар.

Юрий не курил и потому отрицательно покачал головой. Он передал Максиму документы и с любопытством оглядел комнату. На чисто выбеленных стенах висели карты. Узкая кровать, на стене – охотничье ружье. Возле кровати – небольшой коврик. В углу – шкаф со стеклянными дверцами, завешанными изнутри бумагой. Несгораемый ящик, полки с книгами. В углу на табурете – таз и кувшин с водой. За открытой внутрь ставней поблескивал карабин. Чувствовалось, что в комнате живет военный.

Максимов просматривал документы. Его продолговатое, темное от загара лицо с узким орлиным носом, немигающими карими глазами и тонкими, плотно сжатыми губами напоминало Юрию лица упорных и бесстрашных путешественников-исследователей. Внимание привлекал шрам, который был ясно виден под левым ухом Максимова. Максимов отодвинул документы на край стола.

– Все это мне уже известно, – сказал он сдержанно.

– В чем же я провинился? – спросил юноша.

– Слушайте меня внимательно. Вы в кишлаке Чак остановились у малоимущего Асана и к вечеру, покинув его кибитку, перебрались в кибитку бая Туякчи. Было это?

– Да. Но у Асана было грязно, а Туякчи пригласил нас к себе в просторную, чистую кибитку.

– Вы, во-первых, нарушили святой обычай гостеприимства и кровно оскорбили бедняка Асана, а кроме того, бай Туякчи у вас украл половину продуктов и навел на ваш след басмачей Хамида. В глазах всех местных жителей вы «потеряли лицо». Во-вторых, вы оставили кибитку бедняка ради кибитки бая – это непростительная политическая ошибка. Вы зарекомендовали себя людьми, «едящими из рук богачей». Так о вас говорят.

– Я никогда не думал... Я не знал, не предполагал, что это так серьезно.

– Вот поэтому вы и должны были перед поездкой в горы зайти ко мне. С Никоновым я еще поговорю. Если бы вы зашли, многого не случилось бы. А самая главная ваша вина – потеря бдительности: ведь результаты вашей работы попали в руки басмачей. Счастье, что те, кто охраняет спокойствие наших границ, вовремя пришли к вам на помощь.

– Пограничники? А почему мы не видели их?

– Вы многого еще не видите и не знаете! А надо быть более осведомленным и внимательным, если вы собираетесь работать в памирских горах, где борьба с бандами Ибрагим-бека и другими продолжалась до весны тысяча девятьсот двадцать шестого года. Очень плохо то, – продолжал Максимов после некоторого молчания, – что вы не умеете обращаться с оружием.

– Что вы! – искренне возмутился Ивашко. – У нас не было ни одного несчастного случая с оружием. Это может подтвердить Попов, начальник нашей золоторазведочной группы. Он задержался в Ташкенте и должен со дня на день приехать.

– Почему-то считается, – задумчиво говорил Максимов, – что уметь обращаться с оружием – это значит держать оружие в незаряженном состоянии, а носить его так, чтобы оно производило как можно больше впечатления. Вам льстит воинственный вид. Уметь обращаться с оружием, молодой человек, – значит выстрелить не позже одной секунды после того, как вы решили стрелять. Но стрелять отнюдь не в воздух, как, например, вы стреляли в урочище Ак-Байтал.

– Я выстрелил вверх, чтобы привлечь внимание киргизов, находившихся в глубокой ложине. Моя лошадь устала, и я...

– Я обо всем осведомлен. Кто посоветовал вам купить по казенной цене барана у этих киргизов, возвратившихся на родину из Кашгарии, куда они бежали еще в тысяча девятьсот шестнадцатом году?

– Туякчи.

– Бай Туякчи вас спровоцировал.

Юноша смутился и старался исправить положение:

– Я помог этим киргизам лекарствами из нашей аптечки, а одного, со сломанной ногой, мы на своих лошадях отправили в больницу в Уч-Курган. Мы читали в кишлаках газеты и рассказывали о колхозах и совхозах, о кино и радио.

– Все знаю. Но этот ваш выстрел в воздух прокатился по всем горам Памира, по Сарыколу и Тянь-Шаню и уже, наверно, пересек Кашгарию и пустыню Гоби. Когда поедете в Алайскую

долину, то уплатите полную рыночную стоимость за барана. Надо понимать обстановку и быть тактичнее. Необходимо изучать обычаи народа.

– Я понимаю... – пытался вставить Юрий, краснея до корней волос.

– Пока вы ничего не понимаете... Нельзя выливать остатки недопитого кумыса в костер. Ведь хозяин пока еще верит, что кобыла после этого не будет давать молоко. Но кое-кто сразу же использовал ваши промахи, стараясь истолковать их как неуважение к обычаям народа и этим восстановить против вас население горных кишлаков.

– Это сделал один из наших! Он знает, что нельзя дуть на кумыс и выплескивать остатки в костер, но именно так он решил бороться с предрассудками. Он утверждает, что задача каждого из нас – революционизировать быт далеких окраин.

– Только не так. Услужливый дурак опаснее врага! Борьба с врагами и так занимает у нас массу времени. Врагами пущен слух, якобы всех колхозников заставят спать под одним одеялом. Эта явная чушь, а приходится тратить время и разъяснять, что этого никогда не будет. Впрочем, это только начало борьбы, и надо не давать врагам своим неумным поведением козырей в руки! Этот край богат. Простые жители в Дараут-Кургане ловят ртуть на шкуры, опущенные в арыки, горцы Памира добывают ляпис-лазурь⁷, которую, по преданиям, вывозили еще египетские фараоны. В горах, говорят, находятся рубиновые копи царя Соломона. – Максимов взглянул на юношу и, улыбнувшись, отвел глаза. – Я могу заранее предсказать, что вы полюбите этот народ, но прежде его надо узнать. Многие богатства края открыты благодаря тому, что помогли местные жители.

Максимов встал и, дымя папиросой, начал ходить из угла в угол. Лицо его потеряло суровость, и он так понимающе улыбнулся Юрию, что у того мгновенно исчезло чувство досады и смутения. Он за одну эту улыбку, будившую в нем уверенность в своих силах, готов был многое сделать для Максимова. Сейчас юноша внимательно слушал его простые слова. Он был благодарен за доверие и дружеское расположение, за то, что этот занятой человек тратит на него, молодого геолога, так много драгоценного времени.

– И вот, – продолжал Максимов, – мы, большевики, должны за несколько лет переделать то, что веками укоренялось в сознании народов Средней Азии как оправдание векового угнетения и произвола. Об этом угнетении таджики говорят так: «Судьба разбила камнем сосуд надежд, и исторгнутые из сердца вопли и крики пронеслись над этой горной страной». Вот почему каждый советский человек, едущий по своим делам в горы, должен действовать так, будто его специально командировали укреплять советскую власть на местах. Здесь прекрасный народ. В трудный момент вам всегда помогут местные дехкане, лишь бы только они увидели в вас настоящих советских людей. Отборная гвардия из национальных добровольческих формирований помогает нам бороться в пограничной зоне с басмачами. Джигиты добровольческих отрядов одеты в халаты, вооружение у них разнокалиберное, но это наши, так сказать, альпийские войска. Они и вам помогут... в случае чего. – Максимов улыбнулся, но вдруг лицо его снова стало суровым: – Мы вам поможем подыскать проводника-переводчика получше Мурзая. Слухи о вас, конечно, будут самые чудовищные, но вы должны разоблачать клевету словом и делом. Откровенно говоря, я бы сейчас не пустил вас дальше Алайского хребта...

Увидев обиженное лицо Юрия, Максимов продолжал: – Вам надо научиться отлично обращаться с оружием и уметь скрывать его. Ваша голова уже оценена.

– Моя? Кому она нужна?

– Тем, кто уже давно стремится овладеть Памиром и, во всяком случае, не допустить его советизации, воспрепятствовать разработке недр, помешать постройке автомобильной дороги Ош-Хорог. Вашу голову оценили в английских фунтах стерлингов, молодой человек!

---

⁷ Ляпис-лазурь – лазурит, красивый синий минерал, ценный поделочный камень. В прежние времена из него изготавливали краску ультрамарин.

– Но ведь мы с Англией в нормальных отношениях!

– Именно так. Королевская Англия была в еще более нормальных отношениях с царской Россией, но, как известно, поцелуи, которыми обменивались цари, короли и президенты, не предотвратили ни одной войны между ними.

Максимов вынул из серебряного с золотой монограммой портсигара папиросу, прикурил от зажигалки и, не выпуская папиросы изо рта, сказал:

– Традиционная политика Англии заключалась в том, чтобы не позволять усиливаться России даже тогда, когда Англия была с царской Россией в наилучших, казалось бы, отношениях. Вы помните историю Отечественной войны двенадцатого года с Наполеоном?

– Конечно, помню! – поспешно отозвался Юрий, не сводя удивленного взгляда с Максимова. Он не понимал, какое это имеет отношение к их разговору.

– Значит, вы знаете о том, как Англия в период нашествия Наполеона организовала в Персии войну против России?... Да вы садитесь! Разговор только начинается.

Юрий покраснел, сел на стул, вытер ладонью вспотевший лоб и промолчал. Этого он не знал.

– А что вы знаете о действиях Англии в тысяча девятьсот четырнадцатом году, в начале войны, направленных на то, чтобы заставить Турцию, предлагавшую России нейтралитет, воевать с Россией на стороне кайзеровской Германии и таким образом ослабить военные силы России, заставить ее воевать на два фронта?

Максимов прошелся по комнате, присел на подоконник и, удерживая папиросу так, что она пряталась в полусогнутой ладони (старая привычка закрывать ночью огонек тлеющей папиросы), не спеша затянулся. Он молча ждал, что ответит юноша: найдется ли у него смелость сознаться в незнании или он начнет юлить и хитрить?

– Ничего этого я не знал, – твердо ответил Юрий. Максимов сочувственно кивнул головой и весело посмотрел на него.

– Ну, а что вы знаете из истории отношений царской России к народам Средней Азии?

– Не слишком много, – осторожно ответил Юрий. – Я кое-что читал. Перед отъездом, по дороге и здесь даже учил киргизский язык. Поехал в Алайскую долину, а там говорят по-узбекски. Пришлось переучиваться... Ну, что я знаю... Знаю о двояком влиянии культуры русского народа. Благодаря этому была запрещена торговля рабами в Бухаре. Общение с передовыми русскими людьми и прогрессивные идеи также сыграли свою роль. Даже на сельском хозяйстве Средней Азии сказалось: появился картофель, распространился овес, развилось пчеловодство, появилось тонкорунное овцеводство, улучшили сорта хлопка, географы и геологи обследовали горы... правда, весьма недостаточно. Ну, а с другой стороны, как известно, царской России было выгодно сохранять отсталость этой своей колонии. Ну, и летом тысяча девятьсот шестнадцатого года под влиянием двойного невыносимого гнета – царя и эмира – начались волнения, переросшие в восстание против двойной системы угнетения.

– Ну, а как вели себя при этом Турция и Англия? – воспользовавшись паузой, спросил Максимов.

– Не знаю! – сознался Юрий и виновато улыбнулся: вопросы Максимова подчеркивали его неграмотность.

– Вы не обижайтесь, я просто хочу помочь вам лучше разобраться в обстановке. А чтобы понять события, надо изучать причины их возникновения и взаимосвязь с другими явлениями. Восстание шестнадцатого года – восстание стихийное и не всегда носило народный характер. Местные националисты-феодалы, чтобы отвести от себя гнев народа, кое-где попытались, по указанию заброшенных из Турции агентов, направить восстание в отдельных городах и районах Средней Азии против русских вообще. Фанатичное духовенство делало попытку провести восстание под лозунгом «джахида», «газавата», то есть войны за веру против всех инаковедующих. Впрочем, англичане приложили руку и к восстанию шестнадцатого года в Средней

Азии. Черный Имам – священная особа, живущая в Кашгарии, – по приказу своих заокеанских хозяев организовал через своих агентов массовое бегство киргизов за границу, в Кашгарию. Это ослабляло тыл русской армии. Авторитет Черного Имама среди религиозных мусульман был очень велик. Десятки тысяч киргизов перекочевали со своим скотом за границу. Так действовала королевская Англия еще по отношению к царской России. Чему же вы удивляетесь? А ведь она была союзницей царской России в войне с кайзеровской Германией... Предательская роль местной буржуазии сказалась также в том, что, боясь гнева поднявшегося народа, она способствовала подавлению этого стихийно вспыхнувшего восстания.

А методы, методы какие! Черный Имам решил выполнить дьявольский план потопа и спустить озеро Иссык-Куль в реку Чу, чтобы затопить переселенцев в Чуйской долине и разрушить ирригационные сооружения. Начали даже рыть такой канал. Следы работ сохранились до нашего времени. Поэтому помните: если в вас стреляют басмачи – пули английские.

– Но, черт возьми, – воскликнул юноша, – какое дело иностранцам до наших научных экспедиций, до строящихся дорог! Я же не вмешиваюсь в их внутренние дела. Я работаю для народа. Это мирное дело.

Максимов не спеша затянулся, выпустил дым и тихо засмеялся.

– Очень давно, – сказал он, – еще в тысяча восемьсот тридцать шестом году, английский путешественник Вуд посетил Памир. В шестидесятых годах, когда мелкие ханы Бадахшана не пустили англичан на Памир, Англией был организован специальный институт шпионов – пандитов, из которых на Памире подвизались пандиты Мирза и Абдул-Меджит. Впрочем, вам эти подробности ни к чему.

– Нет, почему же, это интересно. Я лучше буду понимать обстановку.

– Чтобы понимать, надо начинать с экономики. Ну, что вы, например, знаете о дореволюционной экономике этого края?

– Хотите проэкзаменовать? – задорно спросил юноша.

И так как Максимов молча ждал, то Юрий начал перечислять различные отрасли хозяйства: хлопководство, животноводство и многое другое... Максимов докурил папиросу, сунул окурок в пепельницу и, расхаживая по кибитке, рассказал Юрию много интересного. Оказывается, «Русско-азиатский банк» под контролем финансиста Герберта Гувера имел отделения во всех городах Туркестана и хозяйничал, прибирая к рукам хлопководство, рудники, нефть. Его «Бюро экономических работ», которым руководил американец Рум и компания, собирало сведения экономического и политического характера и даже проводило топографические съемки местности. Американские и английские монополисты Г. Гувер и Л. Уркварт захватили нефтяные районы в Туркестане и организовали «Ферганское нефтепромышленное общество». Надо ли после этого удивляться попыткам англо-американских империалистов захватить Среднюю Азию? Ведь интервенция не всегда означает ввод иностранных войск на чужую территорию, но и вторжение посредством чужих рук. С помощью басмачей английские империалисты стремились захватить каменноугольные копи Кызыл-Кии и Сулюкты, нефтяные скважины, ликвидировать посев хлопка, вызвать голод. Басмачам поручили разрушить всю экономику юга Киргизии и Ферганской области с той целью, чтобы Туркестан оставить без угля, а текстильную промышленность России без хлопка. Например, курбаши Умар-Али в Маргеланском уезде приказал своей банде зарезать пятьдесят четыре крестьянина-хлопкороба в наказание за то, что они посеяли хлопок, и пригрозил хлопкоробам построить курган из голов тех, кто попытается сеять хлопок. Курбаши Маддамин-беку, зачинателю басмаческого движения в Ферганской долине, ставкой Колчака в Сибири был присвоен чин полковника. Ему помогали белогвардейские офицеры. Через генерала Дитерихса и японского полковника Нагомини из Западного Китая шли все директивы Колчака и англо-американского командования в Фергану, Бухару, Хиву. Средняя Азия должна была играть роль моста между войсками Колчака и Деникина.

Конечно, в условиях антисоветской интервенции и внутренней контрреволюции разгромить врагов удалось не сразу. Тем более что вначале басмачи выступали под знаменем газавата – священной войны. Потом население стало убеждаться, что басмачи не только не помогают бедным, но режут бедных и защищают баев и манапов. Особенно неистовствовали джадиды. Они проповедовали объединение всех народов, исповедующих ислам, под главенством Турции. Джадиды выступали заклятыми врагами Октябрьской революции. После народной революции в Бухаре они выполняли задания английских империалистов и организовали контрреволюционные басмаческие банды. Это они поставили Энвер-пашу во главе басмаческих шаек. Басмачи были всяких направлений. Были автономисты типа курбаши Иргаша или отъявленные разбойники типа Ахунджана и Хал-Ходжи, которые переходили на сторону победителей, чтобы удобнее было грабить. Были откровенные контрреволюционеры типа Маддамин-бека и Курт-Ширмата и просто спровоцированные крестьяне Курганской долины.

Часто, борясь против регулярных частей Красной армии Туркестанского военного округа, национальных формирований, добровольческих отрядов или милиции, они вели борьбу между собой. Золото и оружие – из-за границы. Если в годы после революции среди басмачей попадались люди, действовавшие по убеждению, – националисты и религиозные фанатики, то теперешние басмачи – это наемные диверсанты английских империалистов.

– А Хамид какого толка? – спросил молодой геолог.

– Это длинная история. Так вот, новая попытка захватить Памир осуществляется сейчас, в тысяча девятьсот двадцать девятом году.

– Как – сейчас? – удивился Юрий.

– Одиннадцатого апреля английский агент Файзула Максум вторгся из Афганистана в Дарваз и захватил Кала-и-Хумб. С царской Россией Англия боролась за колониальное владение, к Советской же России ненависть английских империалистов беспредельна. Советская Россия, освободив от гнета народы Средней Азии, показала этим путь к освобождению другим колониальным народам. В какие бы личины басмачи ни рядились, повторяю – это все английские агенты и цель у них одна. Теперь англичане засылают к нам басмачей через Афганистан и Кашгарию. Это диверсионные отряды, и их задача, в частности, – уничтожать работников экспедиций, изучающих «белые пятна» на Памире, помогающих нам наладить заводы, колхозы, дороги. А «белых пятен» еще немало, в частности за Заалайским хребтом. Вами английская разведка тоже интересуется. Дневники, захваченные Хамидом, – пример тому.

– А Хамид тоже басмач из этой группы?

– С Хамидом гораздо сложнее, – уклончиво ответил Максимов. Он взял со стола растрепанную книгу. Юрий с удивлением узнал Коран.

– Вы читаете Коран! Зачем? – спросил он.

– Вы иногда задаете воистину наивные вопросы. Коран не только священная книга, он – практическое руководство поведения мусульманина во всех случаях жизни. Мулла⁸, толкователь Корана, нередко состоит членом тайной организации. К этой организации имеет прямое отношение тот же английский агент Черный Имам. Он толкует некоторые положения, например борьбу с неверными, в интересах Англии. Неграмотному верующему дехканину трудно разобраться в вопросах этой борьбы. Перед нами стоит задача: объяснить классовую и социальную сущность этой борьбы. Мы, большевики, должны за несколько лет переделать то, что веками вдалбливалось в сознании народов. Вот почему, повторяю, каждый советский человек, едущий в горы по делам, должен не только выполнить свое задание, но и действовать как представитель советской власти. А теперь скажите: вы не могли бы определить по образцам золота, в каких реках они намыты?

– С большой точностью не могу, но приблизительно – да.

⁸ Мулла – мусульманский священник.

Максимов, подняв с кровати медный поднос, поставил его на стол перед Ивашко. В двенадцати белых бумажках, помеченных цифрами, лежали двенадцать кучек золотого песка и крошечных самородков. Юноша с интересом наклонился над ними. Он осторожно раздвигал кучки и рассматривал их в увеличительное стекло, которое молча подал Максимов.

– Мне кажутся особенно интересными образцы под номером пять. Такие большие примеси платины встречаются только на Памире, по ту сторону Заалайского хребта, в районе Алтын-Мазара. Золото под номером семь, возможно, найдено в районе Ляхша, где Мук-Су впадает в Кизыл-Су. Этот мелкий песок, на котором помечен десятый номер, мог быть собран в реках Алайского хребта, даже по эту сторону. Номер второй – маленькие самородки – собран безусловно поблизости от золотой жилы коренного месторождения. Если вы знаете, где добыто это золото, мы обследуем место и, возможно, найдем богатейшее месторождение... Вы молчите? Это где-то на Памире, да?

– Я сам это хочу от вас узнать.

– Вы просто испытываете мои знания!

– Без шуток. Это золото обнаружено в том самом тонувшем курджуме, который удалось вытащить из реки. Дело в том, что исмаилиты, члены тайной религиозной секты, посылают налог своему живому богу Ага-хану в Бомбей золотом. Мне важно определить, из каких мест послано это золото. И я уверен, вы можете мне в этом помочь.

– Если бы были наши дневники, я бы мог определить точнее.

Максимов открыл ящик стола, вынул толстые пачки записных книжек и молча положил перед юношей.

– Вот здорово! – радостно вскрикнул Ивашко, вскакивая и роняя стул. – Это же наши дневники! Откуда? Каким образом? Ведь их у нас захватили басмачи Хамида! Мы думали, вся работа пошла насмарку. Вот это подарок! Ох спасибо! – Он схватил руку Максимова и потряс ее.

– Теперь вы сможете исполнить мою просьбу, – сказал Максимов, улыбаясь юношеской горячности Юрия.

– Добытые Федором и Никоновым образцы были в курджумах... – начал Юрий.

Максимов открыл шкаф и вытащил два курджума.

– В этих мешках ваши образцы.

– Не знаю, как и благодарить! – воскликнул Юрий. – Могу сейчас же заняться сравнением.

– Не сейчас. Заходите завтра ко мне и здесь займетесь. Вы давно работаете?

– Два года. Один год был в аспирантуре, а здесь я работаю с весны. Мне попался не золотоносный район, но интересный!

Юрий кратко рассказал о результатах своей работы. Упомянул о ротозействе Никонова, временно исполнявшего обязанности начальника группы. Все свои надежды Юрий возлагал на отсутствовавшего начальника группы Попова, который со дня на день должен был приехать.

– Стаж у Попова двадцать лет. Он знает золотые месторождения Памира назубок.

– Так уж и «назубок»? – весело спросил Максимов. – А как зовут Попова? – И серьезно разъяснил: – Чтобы всесторонне изучить Памир, необходим многолетний труд сотен специалистов.

Юрий сейчас же оговорился, что их Попов – однофамилец того известного геолога.

– Войдите! – вдруг крикнул Максимов, поворачиваясь к двери. Вошел вестовой и, увидев постороннего, вопросительно посмотрел на Максимова.

– Говорите по-киргизски, – приказал тот.

– Вернулся третий гонец. Пять кишлаков не приняли курбаши. Он наткнулся на засаду. В него стреляли. Он остался жив, свернул на горные тропинки и едет обратно.

– Я этого ждал. Кто устроил засаду, выяснили?

– Двоих поймали, привезли. Говорят, кровные счета.
– Пусть мой новый помощник допросит. Идите... Ну, а теперь пойдемте к моему заместителю Козубаю, – по-русски сказал Максимов Юрию, – подберем вам проводника. Вы ведь слышали о Козубае? Этому человеку цены нет... Эх, выкупаться бы в реке, да все некогда! Вы плаваете?

VI

Юрий Ивашко и Максимов, разговаривая об особенностях плавания в горных реках, прошли к дому, расположенному в глубине сада. Оттуда слышались звуки музыки и чей-то голос пронзительно и тонко тянул высокую ноту. Звук оборвался. В доме распахнулась дверь. В большой, ярко освещенной комнате Юрий увидел пять человек. С удивлением он заметил среди других Рахима, юного помощника Абдуллы. С дивана, покрытого белой кошмой, поднялся невысокий круглолицый киргиз и поспешил навстречу входящим, протягивая обе руки. Четыре человека, сидевших на кошме, при виде Максимова вскочили, застыв в почтительной позе. Максимов жестом пригласил их занять прежние места.

– Соревнуемся, кто припев «Лейли-ханум» дольше вытянет, – весело сказал хозяин.

– Познакомьтесь. Это заместитель начальника золоторазведки Юрий, а это мой помощник, киргиз Дада, – сказал Максимов, усаживаясь.

Ивашко с изумлением смотрел на киргиза: это он не позволил ему стрелять в Хамида.

Киргиз понимающими глазами посмотрел на смущенное лицо юноши и весело сказал, похлопывая его по плечу:

– Да-да! Я самый, который боится... Ничего, садись... Э, нет, не садись, – вдруг озорным тоном сказал он, – плати штраф – все забуду, другом будешь... А ну, товарищ начальник, давай гостя попробуем, пусть вытянет, да? Смотри, делай так...

Киргиз три раза глубоко вдохнул воздух и запел: «Лейли-хану-у-у-у-у...» Шли секунды, десятки секунд, а Дада тянул высокую ноту, и лицо его наливалось кровью. Присутствующие выражали живейший восторг.

Оборвав пение, Дада обратился к Юрию:

– Ну, теперь ты сделай так.

Юноша отнекивался, но в глазах Максимова он заметил искры мальчишеского задора, и ему показалось, что даже строгий чекист сбросит здесь свою военную подтянутость и будет петь наравне со всеми. Юрий набрал в грудь воздуха и запел, напрягаясь изо всех сил. Все с любопытством смотрели на него. Не продержавшись на ноте и трети времени Дада, он замолк. Дада похлопал его по плечу:

– Сразу никто не может вытянуть, да. А я на пари, кто кого перепоеет, один раз человеку жизнь спас.

Юноше Козубай сразу понравился своей непринужденностью и простотой.

Комната была вся в коврах и вышивках. В нише, сверкающей белым алебастром, стоял патефон, на стенах висели винтовки различных образцов и охотничьи ружья, а одна стена сплошь была увешана ножами и кинжалами.

– У вас замечательный голос, – не зная, как себя вести, сказал Юрий, обращаясь к тому, которого называли товарищем Дада.

– Он что угодно и кому угодно напоеет, – сказал Максимов.

– Я вел себя в чайхане как идиот, как мальчишка! – горячо сказал Ивашко. – Мне просто стыдно...

– А, забудем это, все бывает...

– Вот потеха! Козубая называли трусом. Дождался! – весело рассмеялся Максимов. – Это хоть кого развеселит... Однажды Козубай безоружный ходил покорять басмачей. Самое же

интересное, что благодаря его красноречию более трехсот басмачей в плен сдались. С тех пор слава о его слове гремит по горам. Враждебно настроенные муллы объявили его слугой дьявола. Он не только храбр, но и хитер.

– Вы хотите сказать, – удивленно воскликнул Юрий, – что товарищ Дада пошел...

Теперь уже засмеялись все.

– Нет, меня не обманете, – сказал юноша несколько обиженным тоном.

– А они смеются по другому поводу. Вы сказали «товарищ Дада», а его зовут Козубай. Дада – это прозвище, мы так дразним его за привычку каждую фразу кончать словом «да». Теперь он от этой привычки почти отучился.

– Вы утверждаете, что товарищ Козубай один, безоружный явился к нескольким сотням басмачей и сразу уговорил их сдаться?

– Неужели вы не слышали об этом поразительном случае? Он зафиксирован в военной литературе. Расскажи, Дада, товарищу, ему это будет полезно.

– Кто много вспоминает, тот быстро седеет, – сказал Козубай, досадливо махнув рукой. – Некогда, сейчас будем плов есть.

– Придется мне самому рассказать, – усмехнулся Максимов. – В Гармском вилайете оперировали басмачи Султан-Ишана. А вы ведь знаете, что кое-где в горах бывает только один путь, одна-единственная тропа. Вверх над карнизом – километр отвесной стены. Вниз – тоже. Разминуться можно только на поворотах, в специально вырубленных углублениях. Пробовали посылать отряды для борьбы с Султан-Ишаном – безуспешно. У него несколько сот бойцов, и они оседлали тропинки. Никого не пропускают. Тогда послали Козубая. Он пошел один, безоружный, и позволил себя захватить в плен... «Вы меня можете убить, но позвольте раньше сказать вам слово», – заявил он.

Собрал Султан-Ишан почти всех своих басмачей, кроме караульных, а среди собравшихся было много местных дехкан. Колоритность речи Козубая потрясающая, но, если перевести ее на русский язык, она очень много потеряет. Надо вам сказать, что Козубай заранее подготовился. От пленных и перебежчиков он узнал подноготную многих басмачей, был осведомлен об их спорах, распрях, личных счетах... Он обратился не только к присутствующим, но и к их отсутствующим отцам и дедам, воззвал к памяти их прадедов и пращуров. Он поведал о том, как неправда богатых убила правду бедных. Он затронул самые больные струны бедняцкой судьбы. Напомнил, что большевики сожгли «Кабальную книгу», по которой каждый должник, не оплативший в срок долга, становился рабом того, кто заплатил за него долг.

Он напомнил имена малолетних дочерей дехкан, взятых в погашение долга богатыми... «Разве это вода в реках? – говорил он. – Вы пьете слезы таджикских сирот. Разве не жгут они вам сердце?...» И так далее... Он рассказал о том, как хорошо жить без баев и без насилия, и сказал, что, если басмачи разоружатся, он, Козубай, гарантирует им свободу. Тут он пустился фантазировать, какой радостной будет советская жизнь через несколько лет. Зная способности Козубая, я думаю, это выглядело красочнее, чем седьмое небо Аллаха.

«Кто же мешает строить вольную жизнь? Кто же украл смех, улыбки и радость?...» И Козубай назвал двух старших басмачей, требовавших от Султан-Ишана активных действий вопреки желанию остальных басмачей, решивших выжидать. Затем он слегка коснулся истории басмаческого движения. Он призывал не верить английским шпионам, раздувающим огонь неверия.

Он так красочно говорил о страданиях жен, потерявших мужей, о страданиях матерей и сирот, потерявших сыновей и отцов, изображая это в лицах, а потом так ярко описал их радость, если Султан-Ишан сложит оружие и покажет всему миру пример истинного человеколюбия, что Султан-Ишан прослезился. Может быть, он только сморкался, но Козубай ухватился за это. «Ты плачешь? – воскликнул он. – Это слезы раскаяния!»

Вот тут-то Козубай и разошелся. Я говорю вам, что это поразительный агитатор! Конечно, его речь не смогла бы быть напечатанной в газете и не слишком бы понравилась ортодоксальным начетчикам, но это была речь!.. Может быть, вы скажете, что я басни рассказываю, что такого не бывает? Так это же исторический факт, что Султан-Ишан приказал сложить оружие... В пяти кучах было больше трехсот винтовок. А как вы думаете, Ивашко, что после этого сделал Козубай?

Козубай, все время сидевший с простодушной усмешкой на лице, вынул из-за пояса крошечную тыкву с насвоем и, отсыпав немного табачного порошка на ладонь, порывистым движением бросил его под язык, а тыкву передал Максиму.

– Думаю, что Козубай расстрелял курбаши Султан-Ишана.

Максимов досадливо поморщился:

– Он возвратил все винтовки Султан-Ишану и сказал, что он ему верит и поручает разбить другие басмаческие банды, мешающие народу жить спокойно. Удивляетесь? Обычный начальник милиции так бы не сделал?

– Конечно!

– Но это привело к тому, что сдалось еще несколько банд. А вы – расстрелять! Поговорите, потолкуйте с Козубаем, это вам пойдет на пользу.

Внесли большое блюдо дымящегося плова. Козубай пригласил всех сесть за стол. Гости вымыли руки и принялись за еду. Вдруг в комнату вошел киргиз с винтовкой за плечами. Он быстро заговорил по-киргизски, обращаясь к Максиму. Максимов встал.

– У меня срочное дело, – сказал он по-русски. – Ты, Козубай, оставайся. Я поеду сам и возьму десять человек.

– Товарищ начальник, возьмите меня! – по-русски взмолился Рахим. – Я уже исправился, честное слово!

– Опять будешь своевольничать, воображая себя великим полководцем?

– Товарищ начальник, ведь я уже почти бывалый пограничник. Как интересная операция, так всегда без меня! А кто для вас открыл рябого исмаилита? Кто отвязал для вас белую кобылу? Товарищ начальник!

– Уговорил. Седлай для себя Серого. Скачи с моей запиской к начальнику милиции. Я все, что нужно, напишу. Потом жди меня в зарослях у мельницы. Выполняй.

– В чем дело? Что такое случилось? – спрашивал Ивашко, когда они остались вдвоем с Козубаем.

– Так, – нехотя ответил Козубай. – Банда захватила одного человека.

– Крупного партийца?

– Бывшего курбаши.

– Из-за бывшего курбаши такая тревога? Кто же этот курбаши?

– Имя ему Большая Тайна, – с нарочитой таинственностью сказал Козубай, прикладывая палец к губам и прищуривая левый глаз.

– Не скажете?

– Нет, – решительно ответил Козубай.

Юрий обиделся по-мальчишески. Выражение досады появилось на его лице. Он быстро замигал глазами, незаметно удаляя неожиданно появившуюся влагу на глазах. Он же спрашивал не из простого любопытства, а Козубай, как только он захотел узнать больше, сразу провел резкую черту между собой и им. Он интересуется случившимся из желания помочь. Ведь он тоже советский человек. Более того – он комсомолец!

Максимов мог бы его взять с собой, но не взял. «Максимов гордец, – мгновенно решил Юрий. – Гордец, гордец!» – мысленно твердил он. А потом подумал, как бы он поступил на месте Максимова, и сразу почувствовал, что неправ, называя этого скромного человека гордецом.

Козубай заметил выражение оскорбленного самолюбия на лице юноши. Ему понравился этот порывистый, но не в меру обидчивый и, видимо, смелый юноша, которому еще не хватало гибкости и тактичности, рождаемых жизненным опытом и так необходимых в этих краях.

Козубай весело засмеялся, ткнул Юрия пальцем в бок и сказал:

– Будешь много знать – будешь плохо спать, да! А будешь плохо спать – лысым станешь, девчонки любить не будут, да! Это военная тайна. Не обижайся.

Юрий улыбнулся Козубаю. Он улыбался, чтобы показать, что ценит его дружеское расположение и не намерен дуться, так как неправ. «Именно „неправ“ – точное определение найдено!» – обрадовался Юрий и вдруг ощутил прилив большой симпатии к Козубаю, человеку обаятельному и к тому же умеющему и воевать и веселиться.

– А как насчет проводника? – спросил он деловым тоном, подчеркивая, что забыл обиду.

– Я тебе дам Ахмеда. Пожилой уже, но золотой человек. Он был в особой татарской бригаде. Служил пограничником. Знает горы как свои пять пальцев. Только, если не захочет, не требуй от него, чтобы он ездил в кишлаки за кумысом, да... У него с исмаилитами особые счета.

– А кто такие исмаилиты? Я много о них слышу.

– Не знаешь? Ай-ай! Это надо очень хорошо знать.

Козубай рассказал, как исмаилитские главари превратили религиозную секту в широкую боевую конспиративную организацию, связанную крепкой и строго соблюдаемой дисциплиной. Исмаилитами командовал Ага-хан, очень крупный капиталист, которого члены секты считали воплощением Бога на земле. Этот «живой бог» учился в Англии, в Оксфорде, женился на богатой француженке и живет в Бомбее, где он построил молитвенный дом со всякими «чудесами». За вознаграждение Ага-хан помогал колонизаторам Германии и Англии, французской буржуазии в Сирии и турецким богачам. Козубай охарактеризовал Ага-хана как заклятого врага трудящихся. Многие исмаилитские духовники – пиры и имамы – те же баи, и даже хуже. Пир заставляет мюридов, то есть своих «пасомых», выполнять все свои приказания. Мюрид принадлежит тому пиру, предкам которого подчинялись предки этого мюрида. Мюриды – вроде преданы пиру не только телом, но и духом. Повиновение мюридов своим пирам безгранично. Козубай привел в пример слова одного пира: «Если бы я приказал отцу убить собственного сына, то он не осмелился бы ослушаться приказа». Пир заставляет мюридов содержать принадлежащий ему скот, и те выдают его скот за свой. Поэтому узнать по степени зажиточности, по скоту, кто бай-пир, а кто дехканин – невозможно.

Нужно пройти много ступеней обмана, испытаний, клятв, чтобы из простого мюрида стать посвященным. Козубай рассказал о показаниях одного басмача-диверсанта, как тот поверил в божественность и всесилие Ага-хана. Этого фидоя, то есть человека, согласившегося обречь себя на все, даже на смерть, чтобы выполнить приказ Ага-хана, спросили: хочешь видеть рай? Кто же откажется отведать райской жизни? Этого фидоя усыпили и перенесли в дом. Он проснулся, слышит – музыка играет, перед ним стоит плов и другие яства. Красивые женщины развлекали его. Фидой наслаждался жизнью три дня, а потом его снова усыпили и перенесли обратно. А когда он проснулся, ему сказали: «Если хочешь вечно наслаждаться в таком раю, выполняй все наши приказания, и, если тебя убьют, ты снова очутишься в этом же раю». И фидой верил этому. А чтобы еще сильнее убедить простаков, приводят фидоя в комнату, где на ковре стоит блюдо с отрезанной головой. Этот фокус делается так: в яму под ковром сажают своего человека – актера, и он высовывает голову через отверстие в блюде, политом кровью. Посмотришь – ожившая голова на блюде.

Исмаилитами командовал Ага-хан, очень крупный капиталист, которого члены секты считали воплощением Бога на земле.

И вот начинается разговор пира с «ожившей головой». Пир уговаривает фидоя – смертника, погибшего при выполнении задания, возвратиться на землю, а «голова» увлекательно рассказывает о поразительных радостях рая, не соглашается вернуться. И простаки этому верят. Верил и басмач-фидой.

Много ли надо для темного, неграмотного, чтобы удивить его? Козубай рассказал о молитвенном доме Ага-хана в Бомбее. Побывавшие там исмаилиты рассказывают об этом с

чувством священного трепета. Там из стены, стоит нажать кнопку, льется то холодная как лед, то горячая вода. Раз – и комната взлетает к небу и вдруг оказывается на крыше дома. Молитвенный дом полон такими чудесами, как водопровод, лифт и прочее.

Но как рассказать исмаилиту об этих проделках, если нельзя узнать, кто исмаилит, а кто нет. Исмаилит скрывает от всех, что он исмаилит. С иудеями он – иудей, с огнепоклонниками – огнепоклонник. Он будет петь советский гимн и делать свое дело. Конечно, подрывная деятельность некоторых исмаилитских вожakov на Памире с его труднодоступными горами и бездорожьем очень мешает быстрому осуществлению многих советских мероприятий. Закончил Козубай так:

– Если услышишь от кого-нибудь пароль: «Люби свою веру, но не осуждай другие», то остерегайся этого человека: это исмаилит. Многие из них – преданные агенты своего английского бога Ага-хана, а значит, враги советской власти. Ахмед хорошо знает всякие фокусы-покусы исмаилитов. Только слушайте его... Хватит о делах, да!.. Тебя сегодня Максимов ругал? – добродушно спросил Козубай. – Эй, Ахмед! – крикнул он неожиданно. – Зови наших, и пошли за русскими в чайхану Абдуллы... Ничего не имеешь против?

– Нет, – ответил Ивашко. – Мне и самому хотелось их позвать, да не знал, удобно ли.

– Удобно, очень удобно. Твои подойдут – всем вместе рассказывать буду, чтобы, если один пропадет, другой знал обстановку.

– Вы думаете, будут потери? – спросил Ивашко, стараясь говорить спокойно.

– В горах? – удивился Козубай. – А зачем вы тогда винтовки с собой берете? Кто может поручиться, что лошадь не сломает ногу и не сорвется в пропасть, да?

Появление дежурного прервало беседу. За ним, разговаривая, вошли пятеро русских.

– Попов! – воскликнул обрадованно Козубай. – Ах ты, старый бродяга, вечный охотник за камнями, как тебя горы до сих пор носят, да!

– А ты, барсук, сидишь в норе и боишься высунуться, чтобы басмачи скальп не сняли? Ну, скажи по секрету, сколько ты платишь отступного басмачам, что они дают тебе возможность людям зубы заговаривать? Дай мне хоть пощупать, сколько ты жиру накопил. Давненько не видались!

Приятель крепко обнялись. Посмеиваясь, они закружились по комнате. Козубай подставил ногу. Попов, падая, успел зажать его голову под мышкой. Гости бросились их разнимать. Вскоре оба борца, глядя друг на друга влюбленными глазами, с аппетитом уплетали плов, а остальные дружно им помогали. Гора плова на большом медном блюде быстро уменьшалась.

– Так вот, – сказал Попов, – в этом году далеко в горы уже не поедem. Отменили. Во-первых, поздненько, зима на носу, а во-вторых, получили небольшое задание неподалеку.

Юрий огорчился. Он взволнованно сказал Попову, что ему надо обязательно побывать на Алае, отдать долг за барана.

– Слышал, – сказал Попов. – Нехорошо это у вас получилось. – И главное – результаты всей работы проморгали.

– Да нет же, нет! – закричал Юрий, поднимая с ковра и подбрасывая вверх кипу связанных записных книжек. – Вот они! Образцы тоже спасены.

– Ну что бы вы делали без нас? – спросил весело Козубай, глядя на обрадованных гостей.

Молодежь увлеклась разбором вновь обретенных записей, а у старых друзей начался разговор, который бывает не часто, но, уж раз начавшись, ведется по душам, начистоту. Юрий восторженно слушал обоих.

– Козубай, Козубай! – вдруг донеслись крики со двора. Дверь распахнулась, пропуская окровавленного пожилого киргиза. Юрий узнал в нем нового знакомого из чайханы, раиса колхоза «Свет зари». Он быстро говорил по-киргизски, размахивая руками.

Козубай устремился к двери.

– Помочь? – спросил Попов и вышел вместе с остальными во двор.

– Сами справимся. Уезжаю, – ответил Козубай, быстро шагая к коновязи. – Максимов ранен. Ты представляешь, в стычке участвовал сам Тагай! Да, ты-то знаешь, Попов, кто такой этот Тагай, а вот они еще не знают, да! Ну, скажи, кто бы подумал, что сам Тагай очутится осенью здесь, вместо того, чтобы находиться за границей! Он вмешался в историю с Хамидом. А если Хамид умрет от ран, целый курджум тайн и секретов пропадет. Это невозможно!

С этими словами Козубай вскочил на коня, и всадники исчезли в темноте. За ними, громяхая железными ободьями по камням, покатила пустая арба.

– Товарищ Попов, Николай Сергеевич, – умоляюще произнес Юрий, – разрешите, я поеду с Козубаем! Мне будет это полезно, я смогу помочь. А срочной работы сейчас нет.

– Что же, поезжай. За одного обстрелянного сто необстрелянных дают. Только будь осторожнее.

Вскочив в седло, Юрий почувствовал такую жажду деятельности, что, задыхаясь от нетерпения, поскакал, нахлестывая коня, туда, откуда слышалось громяханье арбы.

VII

Выпущенный Максимовым на свободу курбаши Хамид был захвачен внезапно налетевшими басмачами и увезен в неизвестном направлении. Максимов понимал, что смирение Хамида – только маска, прикрывающая его тайные планы.

Человек с ясным умом, огромной энергией и инициативой, осмотрительный и выдержанный, Максимов испытывал наслаждение, решая самые трудные задачи. Дело Хамида было особенно трудным и требовало быстрого решения. У Максимова в руках было много нитей, тянувшихся за границу, но были и пробелы.

Хамид был связан с Черным Имамом, в этом Максимов был твердо уверен и постарался сделать все так, чтобы Хамид вынужден был сам явиться к нему, Максиму, искать защиты от своих бывших единомышленников. Максимов рассчитывал, что Хамид пробудет дома не более суток и, вернувшись назад, расскажет все начистоту. И вдруг Хамид повернул обратно, не доехав домой. Видимо, для этого были очень серьезные причины. Максимов вспомнил судьбу сдавшегося в плен курбаши Маддамин-бека. Басмачи из другой шайки захватили его и убили.

Хамида не убили, а похитили. Для чего? Хотят выпытать, что он успел рассказать Максиму на допросе? Значит, есть какие-то очень важные тайны, разглашения которых боятся его единомышленники, так как допрос Хамида не дал особо интересных сведений. Предположений было много, и, чтобы все узнать, Максиму было важно увидеть Хамида живым.

Максимов и еще двое киргизов, служивших ранее в киргизском кавалерийском эскадроне, ехали крупной рысью. Остальные скакали сзади коротким галопом.

Военный, не знакомый с тактикой басмачей, предпочел бы темной ночью ехать осторожно, шагом, выслав во все стороны дозоры, но Максимов в таких случаях предпочитал именно быструю езду. Басмачи, неплохие стрелки по неподвижной цели, не умели стрелять по быстро движущимся целям. Этим и объяснялось такое, казалось бы на первый взгляд странное явление, что не пехота, маскирующаяся в камнях, а кавалеристы, большая и удобная мишень на поле боя, когда они быстро, во весь опор неслись на басмачей, не только разбивали их наголову, но почти не имели при этом никаких потерь. Эта тактика не раз выручала Максимова. Вот почему и сейчас он быстро гнал лошадь по узкой дороге, густо заросшей по краям деревьями, за которыми все равно не увидишь басмача, и только быстрое движение предохраняло всадника от пули. Максимов меньше всего думал об опасности, которая подстерегала его за кустами. Он привык к ней. Сейчас он думал о возможных связях Хамида с одним ответственным районным работником. Этот работник, когда Максимов говорил ему о необходимости срочных мер, даже в самых, казалось бы, простых вопросах, как, например, уничтожение сапных лошадей и противосапные прививки, вместо того, чтобы принять экстренные меры, любил фантазировать о

будущих годах, когда этого не будет. Он говорил о химической очистке арычных вод, о полном истреблении мух газами, о постройке крематория для сжигания трупов павших лошадей и полной замене лошадей тракторами, не болеющими сапом. Так он мог говорить без конца, серьезно и вдохновенно, убеждая, что «незачем организовывать товарищество по совместной обработке земли, когда мы можем создать коммуны».

Максимов сразу понял, что Хамид отнюдь не так прост, хотя и старается казаться простаком. Да и материал, полученный о Хамиде, характеризовал его как умного, хитрого и опасного врага. Что же заставило Хамида сдаться даже без попытки прорваться за границу? Зимнее бездорожье? Но ведь Хамид был в горах и вблизи границы еще до наступления бездорожья. Что же побудило его сменить короткий путь до границы на более длинный путь в Ферганскую долину? Может быть, Хамид не ладил с единомышленниками? Хамид заявил, что он на личном опыте убедился в совершенной безнадежности басмаческих попыток помешать советскому строительству, что он раскаивается в совершенном и поэтому решил сложить оружие и просить о помиловании.

Хамид, человек отнюдь не глупый, конечно, не мог не понять того, что даже если бы он попытался тайно укрыться в кишлаках до весны, его все равно выдали бы, – так велика была ненависть трудящихся к басмачам. И все же, поддавшись на уговоры агента, посланного Максимовым, Хамид шел на риск, и, видимо, этот риск он считал оправданным.

Возможно также, что, решив отказаться от всякой борьбы с советской властью, Хамид боится мести своих заграничных хозяев и поэтому не желает возвращаться за границу. Или появление Хамида с повинной – только маневр, чтобы весной снова организовать банду, а зимой Хамид попытается наладить связь с врагами советской власти – националистами – и, в частности, с тем, который был у Максимова на подозрении?...

Он наизусть помнил слова генерала Малессона, члена английской военной миссии в Средней Азии: «У меня было несколько прекраснейших офицеров, говоривших на нескольких языках, были агенты на расстоянии тысячи миль, даже в правительственных учреждениях большевиков, был контингент людей, постоянно разъезжающих в местностях, которые я считал важными. Едва ли был хотя бы один поезд по Среднеазиатской железной дороге, в котором не было бы нашего агента и не было ни одного значительного пункта, где бы не было двух-трех наших людей. Когда мы начинали, у нас не было ни одного агента, а окончили с большой организацией». А ведь выловили не всех.

– Не гони так, товарищ Максимов, кони в мыле, – сказал начальник милиции, молодой исполнительный Шарафутдинов.

Всадники переехали реку. Из далекого кишлака донесся сиплый лай собак. Максимов остановил лошадь.

– Шарафутдинов! – тихо позвал он. – Шарафутдинов, возьми двух бойцов. Узнай, в чем дело. В кишлак не въезжайте. Пустите в разведку Рахима: он способный малый. Действуйте.

Группа уехала. Максимов с бойцами стоял на месте минут двадцать. Лошади нетерпеливо фыркали. Максиму не давала покоя мысль: жив Хамид или нет?...

Вдруг тишину ночи разорвал выстрел, за ним последовал второй, третий.

– Вперед! – крикнул Максимов.

Конная группа быстро мчалась по дороге. Из темноты показался всадник.

– Тысячеглазый, это я! – услышал он возбужденный шепот Рахима. – У кишлака дерутся две группы басмачей. Одни обороняются, другие нападают.

Ветви кустов на обочине дороги зашумели. Все навели туда оружие.

– Кто там?

– Начальник, – послышался голос, – я председатель колхоза «Свет зари». Тагай с басмачами везет Хамида не в горы, а по нашим садам, к Кызыл-Кие. Я их сам видел. Наверно, думают обмануть погоню, чтобы потом свернуть в горы.

– Проще всего, рассыпавшись цепью, прочесать сады в направлении Кызыл-Кии, но тогда басмачи, заметив погоню, прирежут Хамида, чтобы он не попал нам в руки, – высказал Максимов свою мысль.

Он приказал одному из бойцов взять к себе на лошадь председателя колхоза, чтобы тот показывал путь. Ехать было трудно. Силуэты деревьев напоминали расплывчатые тени всадников.

– Вправо, вправо! – крикнул председатель.

Вдруг конь Рахима, вырвавшись вперед, захрапел и попятился назад.

– Осторожно! Здесь полив. Грязь! – сказал, подбегая, какой-то дехканин.

Председатель колхоза окликнул его. Они зашептались.

– Басмачи Тагая проехали здесь, – сказал председатель, – и направились на северо-восток.

Максимов быстро разделил свой отряд на две части. Басмачи, ехавшие гуськом возле топей, по краю затопленного поля, слышали позади топот лошадей. Они приняли бойцов за своих джигитов, задержавшихся в кишлаке. Басмачи были настороже, но все случилось так быстро, что они не сразу поняли свою ошибку. Максимов сбил выстрелом из нагана басмача, ведущего в поводу лошадь с лежащим на седле человеком, которого он принял за Хамида. Это оказался раненый басмач. Только после этого Максимов увидел на скакавшей впереди лошади двух всадников.

Выстрелы по лошади не сразу свалили ее. Упавшие были связаны веревками. Когда Максимов подоспел, один из них, освободившись от веревок, позвал басмачей на помощь и начал стрелять. Максимов пристрелил его. Произошла схватка, которая возможна только ночью, когда каждый боится стрелять издалека из опасения попасть в своего и сражается главным образом вблизи, пуская в ход револьверы и шашки. Максимов готов был поклясться, что видел самого курбаши Тагая.

Центр свалки быстро переместился дальше. На земле осталось несколько трупов. Раздался стон. Стонал тот, который был привязан к басмачу. Он упал вместе с ним и остался лежать на земле. Максимов спешил и, наклонившись, узнал Хамида. Свою рану, повыше локтя, Максимов почувствовал только тогда, когда начал перевязывать грудь Хамиду. Левая рука онемела, кровь склеила пальцы и пачкала приготовленный бинт. Максимов свистнул, и к нему подскочил Рахим. Он помог Максиму перевязать Хамида, хотя всем своим видом старался дать понять, что это ему не нравится. Увидев, что Максимов тоже ранен, Рахим перевязал ему руку.

– Товарищ начальник, я сейчас арбу привезу... Сейчас мы заберем вас в кишлак! – говорил мальчик взволнованно.

– Это пустяки, – ответил ему Максимов. – Скачи к начальнику милиции! Мой приказ: чтобы ни один басмач не достиг гор. Кого-нибудь из легкораненых пошли к Козубаю передать, что Хамид ранен. Да не забудь сказать, что я видел Тагая.

Рахим ускакал.

Мимо Максимова проносились всадники. Они осторожно сближались. Гремели выстрелы. Басмачи поскакали в горы, но попали на затопленное поле и, спешившись, скрылись в придорожных кустах.

– Как себя чувствуешь? – спросил Максимов, освещая электрическим фонариком лицо Хамида.

Хамид молчал. Его губы были в крови.

– Как чувствуешь себя? – опять спросил Максимов.

– В живот ранен. Плохо, – простонал Хамид и закашлялся, захлебнувшись кровью.

– Эх, не заметил раньше! – сказал Максимов сокрушенно, нагнувшись над Хамидом.

– Тагай, – прошептал Хамид еле внятно, – в тебя стрелял... в меня стрелял... У Тагая фирман Ага-хана есть. Он много замыслов Черного Имама знает. Поймаешь его – узнаешь много... А я теперь умирать буду.

– Хамид, я не хотел, чтобы рука Черного Имама достала тебя. Я думал, ты сам приедешь ко мне.

– Я уже ехал к тебе... – с трудом проговорил Хамид.

– Скажи мне сейчас, какой последний фирман послал Ага-хан своим пасомым, какой приказ он дал Черному Имаму? Не таись, я знаю, ты имеешь великий чин исмаилитского генерала Дайями...

– Разве об этом мои мысли? Дай умереть спокойно...

– Ты не умрешь. За нами сейчас приедут. Скажи мне все. Неужели ты хочешь, чтобы твой сын проклял твою память?

– Сын мой? Что ты о нем знаешь! Он исчез пять лет назад. Он умер.

– Он жив. Он солдат Красной армии, служит на Дальнем Востоке и стыдится твоего имени. Если ты все откроешь мне, я напишу ему: твой отец пал в бою с басмачами Тагая. Я напишу об этом в газете, которую читают миллионы людей.

– А моя семья? Длинные руки Ага-хана и его Черного Имама!

– Я переселю твою семью в Узбекистан. Там исмаилиты ничего не сделают твоей семье.

– Ты не знаешь исмаилитов. Им известно даже расписание смены на пограничных постах.

– Расскажи мне все о Тагае, и я отомщу за тебя и за всех, кого он убил. Кто он?

Воцарилось молчание. Наконец Хамид открыл глаза и произнес:

– Ага-хан хотел назначить Тагая Верховным Дайи, вместо того чтобы назначить меня... Дайи имеет право повышать истинно верующих в сани... А сам Тагай хочет стать... У него... фирман Ага-хана...

– Кем хочет стать Тагай? А Черный Имам? Как зовут его в жизни? Хамид, очнись!

– Это имам Балбак... в правой глазнице у него искусственный глаз. Он ближе всех к Ага-хану.

– А пиры? Ты ведь должен знать пиров и их помощников. Назови же их. Где они? Кто? Хамид попросил пить.

– Потерпи, я отвезу тебя в больницу, – говорил Максимов, – ты будешь жить. Но скажи мне: в чем секрет фирмана Ага-хана?

– Он называется «дивана». Чем хуже, тем лучше. Дивана... сумасшедший... дервиш... кто против – смерть... вступить в комсомол... коммунистическую партию... готовиться... готовиться... чтобы все было готово... и потом... потом... потом... – Максимов прикинул ухом к губам начинающего бредить Хамида. Басмач бормотал: – Снимите угли – не надо жечь... Двадцать семь лет, как я... как и почему, но я в темнице...

Хамид замолчал. Он был без сознания. Максимов вылил из фляжки остатки холодного чая ему на голову. Хамид забормотал что-то невнятное... Максимов уловил слова:

– Остров... остров... потоп... потоп...

Лошадь Максимова, стоявшая рядом, заржала.

– Это я, Козубай! – донесся голос из темноты.

– Козубай, скачи к Кызыл-Кие, подыми шахтеров, переверни горы, но поймай Тагая: у него новый фирман Ага-хана... Кто с тобой?

– Это я, Юрий Ивашко! – не сразу отозвался юноша. Он не знал, как Максимов примет его присутствие здесь.

– Какие острова вы знаете в Средней Азии? – вдруг спросил его Максимов.

– Острова? – растерялся юноша. – Здесь нет островов.

– Остров, остров, – повторил Козубай по-киргизски.

«Остров... Ведь так называются двенадцать стран, где упрочился исмаилизм, – пришло в голову Максиму. – Но что такое потоп?...»

– Отправляйся домой. Арба тебя ждет, – быстро сказал Козубай. – Три бойца помогут тебе и Хамиду.

– Действуй! – сердито крикнул Максимов.

VIII

Приказав начальнику милиции продолжать теснить басмачей к шахтам, преграждая им путь в горы, Козубай с бойцами и молодым геологом поскакал вслед за председателем колхоза «Свет зари». Через полчаса они достигли голых холмов и проехали через осыпавшиеся старые окопы и оборванную колючую проволоку прямо во двор управления кызыл-кийских каменно-угольных рудников. На окрик сторожа Козубай назвал себя и прошел с не отстававшим от него ни на шаг Ивашко в контору. Дежурный тотчас же позвонил секретарю партийной организации.

– Смотри, Юрий, – сказал Козубай, – Кызыл-Кия – это не просто шахты, да! Старые окопы видел? Колючую проволоку видел? Кызыл-Кия – это пролетарский бастион революции. Здесь работают шахтеры: киргизы и узбеки, русские и таджики, украинцы и татары. Пролетарская дружба, как скала. Курбаши Маддамин-бек имел больше тринадцати тысяч басмачей и то захватить Кызыл-Кию не смог, да! Было четыре тысячи шахтеров, работали в три смены. Одна смена работает, другая отдыхает, третья смена с винтовками рудники охраняет. Я сам шахтером был.

Кызыл-Кийская республика! Да! Зачем улыбаешься? Так ее сами шахтеры называли, когда их во времена «кокандской автономии»⁹ со всех сторон окружили басмачи. Думаешь, шахтеры только в окопах сидели? Нет! В Уч-Кургане шайку курбаши Джелала наголову кончили, да! К кызыл-кийцам за помощью против басмачей дехкане из кишлака скакали. Когда мы шли, ты видел старый колокол?

– Не заметил!

– Зачем не заметил?

– Ну, не обратил внимания! Не до того!

Козубай недовольно причмокнул языком:

– Это колокол тревоги! Если шахтеры «бам-бам-бам» слышали, то хватали винтовки, на коней и айда басмачей кончать. Басмачи нас, как джиннов, боялись и «карашайтанами» – черными чертями и «караадамами» – черными людьми называли. Если шахтер не умылся, он черный, только зубы белеют, когда смеется. Кызыл-кийцы и уголь на-гора давали, и «кокандскую автономию» помогли разогнать, и банды Маддамин-бека и Курширмата помогали громить, и нам сейчас помогут. Ты хорошо стреляешь из винтовки?

– Ворошиловский стрелок!

– Очень хорошо! Я дам тебе пять комсомольцев, таких же горячих, как ты, – огонь ребята! Ваша задача будет не пропустить басмачей мимо шахт, там, где тополи, в сады у подножия гор. Стрелять будешь только в том случае, если басмачи побегут в вашу сторону. Но я знаю их повадки. Сейчас они выбрались из залитых садов и ждут удобного случая, чтобы уйти в горы. Мы их пугнем, и, скорее всего, они побегут прямо на меня. Если всех не перехватим, то оставшиеся свернут прямо на вас. Услышишь выстрелы – никуда не беги, сиди на месте, жди. Задерживай всех, кто будет идти мимо вас. Пусть это будет женщина под паранджой. Сады залиты, и сейчас дехкане здесь не ходят. Не горячись! – сказал Козубай и подал Юрию две гранаты.

---

⁹ «Кокандская автономия» – контрреволюционное движение в Туркестане (ноябрь 1917 года – февраль 1918 года). Объединение русской и национальной буржуазии в целях борьбы с советской властью.

Вскоре Ивашко с молодыми шахтерами, поднявшимися прямо из шахт, сидел в засаде у тополей. Взошло солнце. Стало жарко. Прошел час, второй, третий. Юноши томились от нетерпения. Вдруг трава возле бугра зашевелилась, и перед Юрием очутились два потных запыхавшихся мальчугана.

– Скорее, скорее! В камышах крадутся басмачи! Что же вы лежите? Мы видели с бугра... Скорее, а то убегут!

Мысль, что он упустит басмачей, ужаснула Юрия. Он поднял комсомольцев, и все они, прячась за кустарником, поспешили к камышам. Вскоре они увидели басмачей совсем близко. Пригибаясь, басмачи быстро бежали к зарослям, где должен был находиться Козубай с бойцами, и никто в них не стрелял.

– Убегают, убегают! – в отчаянии шептали сзади мальчишки.

Вне себя от ярости, забыв о приказе Козубая, Ивашко вскочил и метнул во врагов гранату. Зеленоватый дым от гранаты не успел еще разойтись, как он опустился на одно колено и начал стрелять по басмачам из винтовки. Молодые шахтеры не отставали от него. Басмачи, не отстреливаясь, резко повернули от них в сторону, рассыпались и побежали во весь рост.

И тогда из дальних зарослей, куда вначале направлялись басмачи, послышались частые выстрелы. Юрий, потный и разгоряченный, забыв обо всем на свете, побежал за басмачами, стреляя на ходу.

А из дальних зарослей скакали к Ивашко всадники.

– Упустил! – сердито крикнул Козубай, проносясь мимо юноши на коне к тому месту, где, согласно его приказу, должен был находиться Ивашко и где теперь виднелись удиравшие басмачи. Позже выяснилось, что Тагай все же прорвался мимо тополей в горы, используя оплошность Юрия, принявшего басмаческих разведчиков за их основной отряд.

– Я арестую тебя! Где твои глаза были! – кричал взбешенный Козубай, возвратившись к шахтам на взмыленной лошади. – Правильно говорил Максимов: услужливый дурак опаснее врага! И как я, старый, стреляный волк, мог так ошибиться в человеке? Ведь от тебя требовалось немного – быть на своем посту и выполнить приказ. Ну что я теперь скажу Максиму? Эх я, синий осел! – И Козубай в сердцах ударил себя кулаком по лбу.

– Я ведь хотел, чтобы лучше было... – начал было оправдываться молодой геолог, но, поняв по выражению лица Козубая, что все это пустые и ненужные слова, сказал: – Что я должен сделать, чтобы исправить ошибку? – И быстро добавил: – Попов разрешил мне принять участие в операции и не ограничил временем... Клянусь, я поймаю Тагая, чего бы мне это ни стоило! Скажи, что я должен сделать?

Козубай кусал губы, и черные усики его сердито шевелились:

– Да ведь ты мест не знаешь!

– Я знаю Исфайрамское ущелье. Только вчера оттуда приехали.

– Исфайрам? Сделаем так: поедут два комсомольца-шахтера и два моих бойца. Командовать будешь ты, Гафиз, – обратился Козубай к худощавому бойцу-киргизу, сидевшему на вороном коне. – Поедете по Исфайрамскому ущелью вверх, к Каменному перевалу. Два дня пути, если не спешить, но вы спешите. Там, Гафиз, и засядешь. Исфайрамское ущелье – горная дорога в Даравт-Курган. Есть и другие. У этой дороги есть немало ответвлений... Вот что ты наделал, Юрий! Поезжай с ними. Все мои бойцы будут искать Тагая... Но кто встанет его пути!

– Хоп! – сказал Гафиз. – Двух лошадей мы возьмем в кишлаке.

На крыше мира – у подножия смерти

I

Несколько групп отправились в погоню за Тагаем. Над бурной рекой Исфайрам, среди каменных осыпей, по узенькой тропинке, где не разминуться двоим, Гафиз с группой пробирался в горы, к перевалу Тенгиз-бай.

Далеко позади осталось преддверие гор, область аддыров – невысоких желто-серых холмов – и хорошая дорога. Одинокие скалы слились в горные теснины, прорезанные поперечными ущельями, заполненными синеватым туманом. Голубое небо протянулось над головой узкой неровной полосой.

Уже к вечеру они заметили басмачей, выезжавших из ущелья слева. У входа в ущелье и выше по исфайрамской тропе лежали уже знакомые Юрию огромные глыбы мрамора. Басмачи, прячась среди этих глыб, погнали коней вверх, к перевалу. Тагай не хотел принять бой, понимая, что его спасение только в поспешном бегстве, но оставил заслон.

В Исфайрамском ущелье с массой естественных преград преимущества были не на стороне преследователей. Обойти врагов не позволяли отвесные скалы, и пришлось спешиться и наступать в лоб, чтобы выбить басмаческий заслон из «каменной крепости». Басмачи отошли, оставив в камнях двух убитых.

Тропинки на узких карнизах спускались к мостам отвесно и так же отвесно поднимались. Лошади выбивались из сил и часто останавливались. Переправ через реки было много, и там, где бревна не были укреплены, басмачи сбрасывали их и приходилось перебираться через бурный поток на другую сторону. Становилось все круче и круче.

В Уч-Кургане была жаркая осень, но чем выше они поднимались в горы, тем становилось холоднее. Они двигались по снежной тропе, и, чтобы напоить коней, приходилось рубить лед.

Когда приблизились к Каменному перевалу, в группе Гафиза оказалось трое раненых: двое были ранены при первой стычке. Всех их Гафиз сразу же отослал назад с донесением Козубаю. Юрий и Гафиз были одеты по-летнему и мерзли. На Юрии был штормовой альпийский костюм из брезента, мягкие ичиги и ушанка; на Гафизе была гимнастерка, галифе, сапоги и буденовка. С первых же убитых басмачей они сняли теплую одежду и надели на себя. Басмачи уходили отстреливаясь, а перед Каменным перевалом, этим последним, очень трудным подъемом на голый перевал Тенгиз-бай, они оставили в засаде двоих. Гафиз полез на крутизну, чтобы зайти сверху, а Юрий стрелял по ним, чтобы отвлечь внимание басмачей, сидевших в засаде, на себя.

На рассвете вершины гор окутались непроницаемой пеленой снежного вихря.

Как только выстрелы со стороны басмаческой засады прекратились, Юрий двинулся вперед, ведя за собой коня Гафиза. На месте засады он обнаружил раненного в плечо Гафиза и два басмаческих трупа.

– За перевалом, у выхода из ущелья, находится Дараут-Курган, – сказал Гафиз. – Надо идти за басмачами и стрелять. Когда будем ближе к Дараут-Кургану, там услышат.

Юрий перевязал Гафиза, и они поехали вверх. Буран усилился.

– «Не бойтесь ста богов», – сказал Юрий, оставшись почти один против десятка басмачей, маячивших темными пятнами сквозь снежную завесу далеко вверх, уже за Каменным перевалом, на заснеженном склоне.

Басмачи оказались хитрее, чем думалось Гафизу, и не пошли вправо, на перевал Тенгиз-бай, к ущелью, а уходили влево, по крутому заснеженному склону, на южные скаты Алайского хребта, чтобы, видимо, спуститься по одному из «носов» – отрогов – в Алайскую долину.

Для стрельбы дистанция была велика. На перевале и в ущелье началась снежная выюга, заметавшая следы басмачей. Как физкультурники приобретают во время бега на дальние дистанции второе дыхание, так сильные ощущения первого боя вызвали у молодого геолога скрытый запас какой-то яростной энергии, рожденной ненавистью к басмачам и настойчивым желанием достичь цели. Увидев, что басмачи один за другим исчезают за гребнем, Юрий начал стрелять на дистанцию более чем в тысячу метров. Гафиз сказал, что стрелять так далеко нет смысла, а надо идти по следам басмачей и в первом же кишлаке поднять тревогу. Бушевавшая снежная буря усилилась. Ветер срывал с окружающих скал снег и швырял вниз, в ущелье, в поперечную ложбину между Каменным перевалом и вершиной Тенгиз-бай. В ущелье, этом каменном коридоре, ревел ветер, бешено метался снег и скоро совсем ничего не стало видно. Юрий и Гафиз попытались было ехать верхом, но лошади заваливались в образовавшиеся сугробы и выбивались из сил. Юрий отвел лошадей немного вниз, к скале, где он увидел остатки стены каменной кибитки, и, оставив здесь Гафиза, пошел пешком по следам басмачей. Проблуждав в буране около часа в поисках следов, Юрий вернулся обратно. Он принес с собой охапку сухих арчовых веток и начал разжигать костер, чтобы согреть раненого. Гафиз был очень обеспокоен бураном и не скрывал этого. Он хорошо знал Каменный перевал и советовал не ждать, пока затихнет буря, ибо к тому времени все завалит непроходимыми сугробами рыхлого снега и не будет никакой возможности отсюда выбраться. Если лошади уже и сейчас проваливаются в некоторых местах чуть ли не по уши, то, когда совсем завалит снегом ущелье и перевал, им уже никак не пройти. И если людям в таком положении и удастся выбраться из снежного плена по крутым склонам, где мало снега, то для них это невыполнимо, так как он, Гафиз, не сможет карабкаться по склонам. Поэтому оставаться никак нельзя, а надо как-нибудь пробиваться отсюда, пока их не засыпал снег. Пусть Юрий идет впереди, протапывая дорожку, и ведет своего коня. Вслед за ним будет ехать Гафиз. Надо спускаться с перевала не в ущелье, где тоже непроходимый снег, а пробираться по гребню и в ущелье спуститься на полпути к Дараут-Кургану. Может быть, лошадей придется бросить в пути, а потом послать за ними. Юрий покинул Алайскую долину в буран и в буран же возвращался обратно. Пройдут ли они? Но ведь сумел же Тагай пройти... В том году Юрий и Гафиз были последними перевалившими Тенгиз-бай с лошадьми. Бесконечное протапывание тропинки в снежной трясине, так как ее все время заносило снегом; подъем на гребень горы в буран, причем лошади то не хотели идти, то карабкались, как кошки, то становились на колени, чтобы не запрокинуться, – все это совершенно измотало Юрия и привело его в состояние сонного безразличия. Ночь застала их на гребне горы. Пути они не знали. Одна лошадь сорвалась в пропасть, другая, на которой сидел Гафиз, – устала. Надо было дать лошади отдохнуть и покормить ее. Пришлось заночевать у костра.

II

Перевалив Алайский хребет и оставив в стороне Дараут-Курган, Тагай повернул на восток, чтобы через перевал Кизил-Арт пробраться в Маркан-Су, а оттуда через границу – в Кашгарию. Он разделил свой басмаческий отряд на две группы, оставив при себе пятерых; остальных семерых он послал вперед. Со своей группой он ехал по руслу реки Кизыл-Су, стараясь оставлять меньше следов. Первая группа ехала обычным путем, возле Алайского хребта. Уже днем, у Кашка-Су, эта группа басмачей наскочила на один из отрядов, высланных Максимовым через перевал Кичик-Алай наперерез басмачам.

Тагай понял, что здесь ему не прорваться. Он не поспешил на помощь к своим, а повернул в чукуры – моренные холмы у подножия Заалайского хребта, недалеко от перевала Кизил-Арт. Он вовремя заметил разъезд пограничников и резко повернул на юг, к Алтын-Мазару, а потом на восток, в неизведанные дикие горы Памира. По дороге к Алтын-Мазару он бросил

лошадей и захватил двух яков. Хозяин яков проследил путь басмачей до реки Мук-Су и сообщил о них в Дараут-Курган.

Упустив басмачей, Юрий, ведя в поводу заиндевевшую, шатающуюся от усталости лошадь, на которой сидел Гафиз, еле пробрался в Дараут-Курган. Весь в снегу, он ввалился в кибитку председателя сельсовета. Следом за ним местные жители внесли раненого Гафиза.

– Чего сидите? – крикнул Юрий председателю, пожилому киргизу. – Басмачи рядом!

– Ты чаю выпей, – спокойно сказал ему председатель.

– Я говорю: басмачей догнать надо! – волновался Ивашко.

Председатель, прищутив глаза, посмотрел на него и спокойно сказал:

– Зачем кричишь? Я сам был начальником добровольческого отряда. Мы сами все знаем. Садись, пей чай.

От него Ивашко узнал о том, что по приказу Максимова еще несколько отрядов послано наперерез басмачам. Председатель сельсовета рассказал, что, по слухам, Тагай пересек Заалайский хребет в направлении Алтын-Мазара и углубился в места, куда не ходят даже охотники.

– Где это? – недоверчиво спросил Ивашко.

Председатель взял с книжной полки листок бумаги и показал его Ивашко. Это был схематический набросок местности, сделанный неумелой рукой.

– Это здесь! – сказал председатель. – Но там снег и лед, голые скалы. Топлива нет. Проникнуть туда невозможно.

Ивашко сердито спросил его:

– Да вы сами-то пробовали?

– Да, – ответил председатель. – Я пытался много раз, но это не удавалось. Вряд ли там есть население. Я ни разу не слышал, чтобы хоть один человек пришел оттуда, да и туда тоже никто не добирался. Говорят, там находится узел гор Гармо. И если басмачи уйдут туда, они наверняка погибнут.

Юрий Ивашко задумался.

– А если басмачи прорвутся в Китай?

– Не прорвутся. Они все равно пропадут, – невозмутимо заявил председатель.

– А если не пропадут? – рассердился было Ивашко, но, помолчав, сказал: – Видно, страшное это место. Все ж если я взялся за дело, то доведу до конца. Я читал книги людей, побывавших возле «белого пятна». О пути венецианского путешественника Марко Поло, проехавшего через Памир и встретившего огнепоклонников, вряд ли стоит говорить. Это было очень давно. А вот в книге Касименко «По тропам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза», который путешествовал еще до революции, есть очень интересное указание. Я помню его наизусть. Касименко писал так: «Только в ста десяти верстах от Алтын-Мазара, в урочище Кокджар, этой большой горной котловине, мы встретили людей и первую киргизскую летовку». А вы, товарищ председатель, говорите: «Там снег и лед, голые скалы. Проникнуть туда невозможно». А там даже людей встречали. Значит, вы сами толком не знаете и меня путаете.

– Зачем опять кричишь? Я не глухой. Что знаю, то говорю. Слышал о Кокджаре. Может, Касименко и видел там киргизов на джейлау, по-вашему – на летовке. Так это было давно и летом. Зимой нет туда пути.

– Нет, есть! – упрямо сказал Юрий Ивашко.

Он сослался на книгу русского путешественника Поггенполя «К истокам Мук-Су через горные перевалы Памира». Поггенполь писал о Зулумбартском перевале, служившем для сообщения с малоисследованными местами, лежащими в истоках и по течению Мук-Су.

Молодой геолог на память процитировал следующие строки из книги:

– «Южный Каинды впадает в Биллянд-Киик из столь узкой теснины, что проникнуть в нее нет возможности... – Тут Юрий запнулся и затем продолжал: – ...Путь вступает в дикое

ущелье, заваленное обломками... Единственно возможный путь – русло бешено мчащегося потока». Значит, – сделал Юрий вывод, – путь, хотя и по руслу, все же есть?

– Нет, – решительно возразил председатель. – Зимой там не может быть пути. Я не слышал, чтобы хоть один человек побывал в среднем течении реки Мук-Су. Там лед и снег, понимаешь! Там нет корма для скота и нет топлива. А если этого нет, то ни человек, ни животное там долго не проживут. Кто идет туда – умрет.

– Если басмачи не хотят сдаться в плен – значит, они на что-то рассчитывают, отправляясь в горы. И потом, я дал слово Козубаю, что привезу Тагая живым или мертвым, понимаете? Я не могу вернуться назад ни с чем. И я поеду... хотя бы затем, чтобы убедиться в гибели басмачей.

– Так... – сказал председатель.

Ивашко испытующе смотрел на него.

– У меня есть один такой, как ты, – задумчиво промолвил председатель.

– Что он за человек? – заинтересовался Ивашко.

– Муса. Джигит из добротряда, комсомолец, залечивал у нас раны после одной операции. На днях собирается ехать в свой отряд. Ничего не боится, смерти не боится...

Не прошло и десяти минут, как в комнату, плечом вперед, как будто раздвигая толпу, вошел рослый молодой киргиз, одетый в желтый костюм из кожи яка. Небольшие черные усики придавали ему молодцеватый вид. В правой руке он сжимал нагайку с узорной деревянной ручкой; с ней он никогда не расставался. Председатель рассказал, зачем он позвал его.

– Хоп, поеду! Я буду начальником, – быстро согласился Муса, всем своим видом показывая полное равнодушие к тому, что скажет его собеседник.

– Максимов поручил мне, и начальником буду я, – нахмурился Ивашко.

Муса даже бровью не повел.

– Слышишь, мое слово будет последним...

Но, не дождавшись ответа, Ивашко снова спросил:

– Или ты боишься?

Муса опять ничего не ответил и окинул Юрия оценивающим взглядом.

– Ну что ж, – сказал Ивашко, – тогда я пойду один.

Муса не любил лишних слов.

– Хоп, я поеду с тобой, – быстро сказал он. – Пусть никто из нас не будет начальником.

– Хорошо, – ответил Ивашко, и они крепко пожали друг другу руки.

– Эй, председатель! – подумав, сказал Муса. – На лошадях и до Заалайского хребта не доедешь, дай нам яков. Я знаю здесь двух подходящих: один – черный бык с надломленным рогом, другой бык рябой, с рваными ноздрями.

– Не могу, самому нужны, – ответил председатель. – Это лучшие быки во всей долине. Их недавно прислали нам на племя из далекого Мургаба. Быки наверняка пропадут, и я буду в ответе.

– Ты что же, заранее нас хоронишь? – насмешливо спросил Ивашко.

– Председатель шутит, – заметил Муса, – председатель даст. Он захочет спокойно дожить свои годы. Председатель знает, что другие яки не пройдут там, где пройдут эти.

– Хоп, – со вздохом сожаления ответил председатель. – Я прикажу накормить их хорошенько и приспособить к ним кавалерийские седла. Ложитесь спать, потому что это последняя ночь, которую вы можете спать спокойно. А за товарища не беспокойтесь – мы его вылечим.

Юрий Ивашко чуть было не забыл о своем долге – уплатить деньги за барана. Посоветовавшись с председателем, он передал ему деньги для хозяина барана. И едва прилег на кошму, как заснул.

На другое утро чуть свет комсомольцы Юрий и Муса выехали в погоню за басмачами. За плечами у них висели винтовки. Председатель дал им меховые халаты, валенки и варежки.

Юрий надел зеленые очки, оказавшиеся в нагрудном кармане, Мусе же председатель дал свои черные. Без очков многодневная езда по сверкающим и слепящим снегам привела бы к воспалению глаз и слепоте. К седлу каждого яка председатель прикрепил по курджуму. В одной половине курджума, висевшего справа, были: смена белья, бинты, вареное мясо, баурсаки – галушки, варенные в масле, чтобы не замерзли, сухари, сахар и чай; в другой половине, слева, был насыпан ячмень для яков. Обе половины курджума были уравновешены и не перетягивали одна другую.

Юрий с опаской впервые сел на яка. Это был крупный волосатый, как мамонт, черный бык с длинным хвостом и огромными, закинутыми назад рогами. Конец левого рога был сло-ман. Яка звали Тамерлан, и вид у него был устрашающий.

Как только як почувствовал всадника, он рванулся вперед и побежал. Юрий на ходу вддел валенки в стремянные ремни. Необычно было Юрию видеть перед собой большие рога и управлять вместо уздечки веревкой, продетой в носовой хрящ животного. Як очень быстро шел, опустив голову, и было такое впечатление, что кавалерийское седло само несет всадника.

Впереди на огромном пестром яке ехал Муса, прокладывая путь через глубокие снега Алайской долины к видневшимся вдали горам Заалайского хребта. Муса был опытный проводник в памирских горах, но и он плохо знал пути в те места, куда они ехали. Они решили добраться до Заалайского хребта и, следуя совету председателя сельсовета из Дараут-Кургана, разыскать следы басмачей у реки Туз-Су.

III

Перед тем как весной 1929 года попасть на Памир с бандой Файзулы Максума, Тагай совершил большое путешествие с имамом Балбаком из Кашгарии в Индию. Они ехали через перевал Гилыгит, открытый только для весьма ограниченного круга влиятельных лиц. Теперь Тагая занимали дела, сулившие бо́льшую наживу, чем поездки в кишлак Мин-Архар. Кроме того, ему удалось прикончить китайского купца; теперь только он один знал дорогу в Мин-Архар. Приезжая в кишлак, Тагай тщательно изучал горные тропинки по заданию имама Балбака.

В Бомбее, после многодневного пребывания во дворце Ага-хана, Тагая срочно отправили на самолете в Афганистан, к Файзуле Максуму. Он вез с собой фирман от Ага-хана, в котором предписывалось всем пирам беспрекословно выполнять любое приказание Тагая. В Афганистане Тагай встретился с курбаши Хамидом, человеком, который тоже пользовался милостями Ага-хана. Они оба с войсками Файзулы Максума проникли на Советский Памир. Целью Тагая и его сообщников было поднять на Памире восстание против советской власти. Хамид должен был всячески этому содействовать. Банды Файзулы Максума не устроили народ Советского Памира. Первая неудача постигла басмачей в горах: пулеметный взвод красноармейцев, окруженный басмачами, отбил все их многочисленные атаки. На пути к Гармо басмачей ждала новая неудача. Небольшая группа сотрудников ГПУ и других советских работников целые сутки отбивалась от врагов. Эти люди погибли, но у басмачей время было потеряно: подоспели части Красной армии, которые окружили их и уничтожили. Двенадцать басмачей бежали обратно в Афганистан. Тагаю и Хамиду с немногими басмачами удалось проскочить через горы к Алайскому хребту. До самой осени Тагай орудовал в горах, выполняя то, что ему было предписано в случае провала басмаческого вторжения на Памир. Басмачи из его банды нападали на активистов, партийцев и на работников экспедиций. Сам Тагай с небольшой группой налаживал порванные связи. Его задача состояла в том, чтобы озлобить дехкан против советской власти, а кроме того, взимать зякет¹⁰ в пользу Ага-хана, предупреждать пиров, чтобы те были

¹⁰ Зякет – налог.

наготове... Он должен был передать один из двух фирманов своему человеку, работавшему в советской заготовительной организации. Он еще не успел это сделать, как неожиданно получил приказ захватить Хамида.

Теперь Тагая занимали дела, сулившие большую наживу, чем поездки в кишлак Мин-Архар.

Хамид уже давно говорил о тщетности всяких попыток без поддержки народа захватить Советский Туркменистан. Теперь, обиженный, что его обошли высоким званием Верховного Дайи, он добровольно сдался вместе с остатками банды.

Тагай послал в чайхану своего человека с лошадьми, который должен был помочь Хамиду скрыться. Но Хамид не воспользовался этой возможностью бежать. Тогда Тагай понял, что налицо измена. Черный Имам, не слишком рассчитывая на Тагая, дал такой же приказ курбаши Сарыбеку, прибывшему из Кашгарии. Произошла стычка с басмачами Сарыбека, которых Тагай в темноте принял за переодетых милиционеров.

IV

И вот теперь, преследуемый по пятам, Тагай убегал в горы. Много дней прошло с тех пор, как Тагай со своими басмачами покинул последний кишлак. Давно уже блуждали они в горах Заалайского хребта. Без дорог, положившись на чутье яков, двигались они в восточном направлении. Где-то там, в горах, затерялся кишлак Мин-Архар, известный Тагаю.

День за днем басмачи взбирались все выше и выше. Они достигли вечных снегов. Влажная изморозь покрывала льдом их одежду и сковывала движения. Каждый шаг в рыхлом снегу давался с трудом. Басмачи, как рыбы, широко разевали рот, и все же им не хватало воздуха. От мороза распухли и почернели языки. Мучила жажда. Приходилось глотать снег, от которого еще больше хотелось пить. Впереди на лохматом яке ехал Тагай с собакой на руках и двумя вязанками сухих веток. За ним шел второй бык. Он вез помощника Тагая, обморозившего ноги, и винтовки, которые басмачи уже не считали нужным нести на себе в этой безлюдной снежной пустыне. Следом, шатаясь от усталости, брели еще два басмача. Пятого унесла река во время переправы.

Еле плетущиеся позади басмачи умоляли Тагая бросить собаку и сажать их по очереди на круп яка. Тагай был неумолим.

– А если появятся медведь или волки? Кто будет сторожить? – зло спрашивал он, не доверяя обозленным басмачам, и гладил дрожащего, ослабевшего пса. А вдруг им встретятся дикие горные люди, снежные люди?

А сзади, по их следам, на расстоянии полутора дней пути ехали Юрий и Муса. Юрий Ивашко не только преследовал басмачей. Как только они переехали Мук-Су и вступили в область «белого пятна», он снова почувствовал себя исследователем. Им овладела жажда познания неизведанного, великих открытий. Все свои наблюдения, описание местности он заносил в записную книжку, дополняя их зарисовками. Ориентироваться помогал компас, укрепленный на кисти руки. Надо бы определить высоту, а нечем. Жаль, не захватил барометр-анероид. Не до того было. Скалы покрывал снег. Он мешал вести геологические наблюдения, и это тоже мучило Юрия. С трудом удерживая карандаш почти негнущимися пальцами, он выводил каракули и линии в записной книжке и потом бережно прятал ее во внутренний карман и застегивал его на пуговицу. Их окружал безграничный океан заснеженных горных гребней и снежных пиков. Будто разбушевавшиеся океанские хляби вздыбились до небес и мгновенно застыли.

На дне узких ущелий, сквозивших синеватым туманом, ревели и грохотали потоки. Вода стремительно налетала на обломки скал и выступы, поднимая тучи брызг, тотчас же застывавших на скалах. Юрий видел причудливые ледяные фигуры фантастических людей, зверей, птиц, рыб, ледяные замки, ледяные тоннели. Только по таким ледяным мостам и можно было перебраться с одного берега бурной реки на другой. Так перебрались басмачи, а за ними и Ивашко с Мусой.

Глубокий снег на вершинах заставил диких животных спуститься вниз, на малозаснеженные склоны. Здесь они и паслись. Киики, а их были сотни, удивленно поднимали головы

при виде яков и людей, но не убегали. Здесь же были и архары, и дикие индейки, издававшие приятный свист, и множество горных куропаток, неторопливо отходивших с их пути с криком «кек-алик».

Это был воистину край непуганых зверей и птиц, в сравнении с ним горы Алайского хребта, которые Юрий считал охотничьим раем, показались бы просто пустыней.

Они ехали уже несколько дней. Слева виднелись вершины Заалайского хребта. Узел гор Гармо оставался справа, позади. Здесь не было ни лесов, ни кустарников, чтобы развести костер. Встречались следы басмаческих стоянок. Басмачи жгли крошечные костры. Видимо, топливо у них было с собой, и Тагай знал, куда едет.

Ночью Юрий все время дрожал от холода. Было что-то унижительное в том, что он не мог сдержать дрожь челюсти и прекратить лязгать зубами. Он сжимал зубы и старался вспомнить, не осталось ли еще чего-либо способного греть. Они сожгли все лишние бумажки, пустые мешочки и даже пытались жечь шерсть из седел. Утром было особенно невтерпеж, Юрий вырывал чистый листок из записной книжки и сжигал его. Они оба засовывали пальцы в огонь пылающего листка. А когда и листов не осталось, Юрий, положившись на свою память, сжег часть исписанных. Но листки с набросками местности он берег.

Чтобы согреться, они пробовали бороться и прыгать, но первое же резкое движение вызывало сильнейшую одышку и она очень долго не проходила. Даже небольшое усилие, необходимое, чтобы сесть в седло, и то вызывало одышку. Юрий пытался определить высоту: если плоскогорья Памира выше тибетских, а они ехали на километр-полтора выше, значит – они находятся на высоте от пяти до шести километров, то есть на высоте Эльбруса.

V

Днем мела пурга. На привале яки разгребали снег и выгрызали сухую траву и мерзлый мох высокогорных тундр. Юрий и Муса грызли мелко наструганное вареное мясо, теперь еще и подмороженное. Продукты были на исходе.

Путники устали. Им все время хотелось спать. Дежурили по очереди, спали урывками и, чтобы не замерзнуть, часто будили друг друга.

Юрий плохо спал еще и от возбуждения, вызванного необычной обстановкой, разреженным воздухом и постоянным холодом. О том, что Памир лежит на широте Италии и что здесь холоднее, чем на полюсе, геолог знал, но впервые ощущал сильный и, главное, постоянный холод и переносил его тяжело. Когда же приходила его очередь спать, он проводил в странном состоянии какой-то полудремы безмерно длинные и морозные ночные часы. Сон для Юрия превращался в простое пережидание ночи.

Небо то и дело перечеркивали падающие во множестве звезды. Черные силуэты яков резко выделялись на белом снегу. Яки громко лязгали зубами и то дружелюбно сопели, то хрюкали. Наконец и они замирали, как черные молчаливые и неподвижные изваяния. С ледников доносился непрерывный треск и грохот. А вокруг высились белые горы.

Наступил рассвет. В этот четвертый день пути случилось многое. Среди массы огромных острых каменных глыб, загромождавших склон, потерялись следы басмачей. Яки, как козы, прыгали с камня на камень. Муса сорвался с яка и сильно ушибся. Юрий вытер кровь с его лица и забинтовал руку. Юрий искал следы басмачей на склоне, а Муса, у которого кружилась голова, – у реки. Муса нашел следы. Они вели в реку, но на противоположном берегу следов не было видно. Муса уверял, что басмачи погибли в реке, а если и не погибли, то обязательно погибнут в этих горах, и под влиянием минутной слабости даже предложил Юрию вернуться домой. Но Юрий окинул его таким взглядом, что Муса больше не повторял своего предложения. Юрий вызвался подняться повыше и поискать следы басмачей с подветренной стороны «жандармов», как называются отвесные каменные глыбы, преграждающие путь наверх. Может

быть, у их основания басмачи прошли дальше, а следы у потока замела пурга. Муса остался внизу и обещал искать следы басмачей на берегу. Он шел, сильно хромя, и стонал от боли.

Все склоны горы были крутые, и этот оказался таким же. Юрий оставил винтовку и курджум внизу, сел на яка и направил его вверх. Мощный бык двинулся на гору, сопя и выпуская клубы пара. Кое-где он подгибал колени, чтобы не запрокинуться назад, и Юрий ложился грудью на луку седла и спускал руки вниз, пытаясь помочь яку. Як Тамерлан то и дело останавливался, тяжело поводил боками, поворачивал голову налево и смотрел своим темным злым глазом на него, как бы негодуя, что на такой крутизне тот все еще сидит на нем. Юрий чувствовал себя неловко перед Тамерланом. За время пути бык тоже измучился и похудел. Юрий, памятуя советы и наставления Мусы о том, что всадник при езде в горах не должен слезать с седла, а если конь устанет, то надо дать ему отдохнуть, не торопил яка, и тот отдыхал. Так, шаг за шагом, як поднял его высоко на гору. Но следов басмачей нигде не было видно. Муса и его пестрый як виднелись далеко внизу.

Тамерлан нашел проход среди «жандармов» и вывез Юрия еще выше, к подножию каменного выступа, опоясавшего склон и нависшего над ущельем.

Юрий решил осмотреть выступ. Тамерлан, опустив голову, раскрыв рот и высунув язык, как это он делал, когда шел в снежную трясику и пробивал тоннель в снегу, наконец пробился сквозь сугроб, засыпавший щель в выступе, и поднялся наверх. Но и здесь Юрий не увидел следов басмачей.

Тогда он направил яка вдоль выступа. Выступ был шириной в два метра. Это был тонкий слой базальта, выдвинувшийся наружу. Он не был ровным, правый край его поднимался кверху, образуя гребень настолько острый, что снег не задерживался на нем. Левее, между гребнем и склоном, был снег, куда Юрий и направил яка. Тамерлан недовольно засопел. Не слушая веревки, он вскарабкался на узкий гребень и, балансируя, пошел вдоль него.

Гребень перешел в отдельные каменные глыбы, свисавшие над ущельем, и Тамерлан двинулся по обнаженным острым вершушкам. Юрий боялся шелохнуться, чтобы не нарушить равновесие. Тамерлан с легкостью козы перепрыгивал зияющие расселины. Юрий увидел реку на глубине около тысячи метров и больше не смотрел вниз. Молодой геолог опять вспомнил прочитанные дневники памирских путешественников, пестревшие словами: «сорвался», «разбился насмерть», «упал в пропасть», «раздавлен лавиной», «унесен течением», «исчез в ледниковой трещине», и ощутил все муки канатоходца, который не просто идет по канату, а движется на яке, ибо верхние острые края каменных, а кое-где и обледенелых глыб, свисавших над бездной, были не лучше каната, протянутого над землей.

Отвесный «жандарм» преградил дальнейший путь. Юрию удалось заставить упрямого яка спрыгнуть с голого острого гребня влево, в снег, и полезть на гору в обход «жандарма». И Тамерлан полез. Наконец як упал на передние колени, чтобы не запрокинуться, и так посмотрел на Юрия, что тот поспешно слез. Склон был крутой и скользкий. Тамерлан поднялся на ноги и стал боком к вершине, под нависающим камнем. Вверху, метрах в двухстах, виднелась площадка. «С нее и осмотрю окрестности», – решил Юрий и, оставив яка, полез наверх. Но скоро он начал задыхаться. Виски сдавило. Заболела голова. Юрий не шел, а лез на четвереньках, проклиная басмачей, лез, боясь остановиться, страшаясь посмотреть вниз. Огромным усилием воли он заставил себя вползти на площадку. Посмотрел вниз и вдруг испугался.

Он не смог бы объяснить, почему на него вдруг напал такой страх. Ничего подобного с ним до сих пор не было. Он так боялся упасть вниз, что в исступлении обхватил руками большой валун и прижался к нему. Страх сковал его. Страх обессиливал. Болела и кружилась голова. Из носа капала кровь и мгновенно замерзала на камне... И вдруг Юрий заплакал. Он понимал свое жалкое состояние, негодовал на себя, но не мог преодолеть охватившую его слабость. Потянулись тягуче-томительные, мучительные минуты. Надо было что-то делать. Юрий

отпустил выступ, за который он держался правой рукой, и вытер кровь, заливавшую губы. Он поймал себя на том, что левая рука сильнее вцепилась в камень.

– Какая ерунда! – громко сказал Юрий и не узнал своего охрипшего голоса. – Ерунда! – произнес он громко, и звук собственного голоса несколько отрезвил его.

Ему хотелось говорить, кричать, как иногда кричит летчик для облегчения, делая фигуры высшего пилотажа. Юрий закричал, а потом начал громко читать запомнившиеся строки:

Не хнычь, будь каждый день готов вступить с коварной жизнью в бой!
И в том бою иль победы, или расстанься с головой!
Ты говоришь: «Я проиграл, не вышло, счастья не догнать».
Все ж не сдавайся и за ним пускайся в запусты опять.
Коль будешь ты в бою за жизнь великодушен, бодр и смел, – Ты победишь.
На свете нет совсем невыполнимых дел. Бодрись.
Приниженным не будь и гнись не давай плечам,
Не трусь, как заяц, и пустым не поддавайся мелочам.
Тогда судьба пред смельчаком преклонит гордое чело.
Волнуйся, двигайся, дерзай, покуда время не прошло!¹¹

Звук собственного громкого голоса успокаивал. Юрий начал пытливо осматривать окрестности. Увидел кииков, архаров. И далеко внизу, по ту сторону каменного коридора, в котором шумела река, он увидел басмачей и обрадовался. Он даже попытался махнуть рукой Мусе, чтобы привлечь его внимание. Он отнял правую руку от камня и опять испугался. Юрий выругался. Непонятный страх не оставлял его, и, спускаясь ползком, судорожно цепляясь за камни, юноша чуть не плакал от страха.

И вдруг произошла непонятная перемена. На полпути к яку страх оставил его. Возле яка Юрий совсем не чувствовал только что испытанного страха и недоумевал, что же с ним случилось. А вдруг он так же испугается басмачей? Этого не должно быть! Юрий решил себя проверить и снова полез вверх, и снова все повторилось почти как прежде, хотя сознание Юрия как бы со стороны отмечало все моменты его состояния. И опять в каком-то определенном месте спуска или, вернее, на границе какого-то высотного предела страх исчез. Исчез на полпути к яку. Юрий задумался. Что же могло вызвать эту странную высотобоязнь? Особое влияние радиоактивной породы? Ерунда! Или это болезнь сердца? Но у него здоровое сердце! Вернее всего, это одна из разновидностей горной болезни – тутека: боязнь высоты и пространства. Но как сделать так, чтобы преодолеть эту мерзкую болезнь, превращающую смелого человека в труса?

Этот вопрос так и остался нерешенным, так как надо было не упустить басмачей.

Юрий сел на яка и направил его вниз. До сегодняшнего дня он только поднимался на яке, спускаться ему не приходилось. Вначале Юрий решил, что Тамерлан сорвался и несется вниз, не в силах остановиться, а только старается удержаться на ногах. Як несся по крутизне вниз прямо к пестрому яку, он нырял в сугробах, пронизывая их насквозь, скользил на копытах по каменным плитам и косогорам, прыгал через камни... Внизу он остановился и как ни в чем не бывало принялся пастись.

Юрий слез с яка и чуть было не упал от охватившей его слабости. Снова начала капать кровь из носа. Муса подошел к нему, вынул бутылочку с насвоем, насыпал табак себе под язык

---

¹¹ Стихотворение Машида Гафури.

и сказал, чтобы то же самое проделал и Юрий – для здоровья. Порошок насвая был едкий от добавленного к нему поташа, но головокружение и тошнота исчезли, перестала идти кровь.

– Тебе надо пить свежую кровь киика и сосать насвой, тогда тутек не возьмет, – сказал Муса.

Юрий рассказал о том, где он видел басмачей. Муса сразу оживился.

– Надо кончать! – сказал он. – Туда, где ты их видел, есть только один путь: надо идти против течения по дну реки.

Он предложил подождать и дать басмачам уйти подальше, а ночью напасть врасплох.

Настало время ехать. Муса предупредил, чтобы Юрий при переезде через реку не поднимал ноги из воды на седло. Юрий уже на собственном опыте знал, что при переправе через бурную реку всаднику нельзя поднимать ноги на седло, иначе произойдет смещение центра тяжести и течение может опрокинуть яка. Они решили снять валенки, чтобы потом надеть их сухими. Надвинулись тучи. Посыпался снег. Подул ветер, и стало еще холоднее.

Яки не хотели идти в воду, но их заставили. Всадники не вынимали голых ног из стремян. Сначала они почувствовали обжигающий ноги холод, потом страшную боль в ногах и ломоту в суставах. К концу пути они вообще перестали ощущать ступни. Выехав на берег, они пустили яков и начали оттирать ноги снегом. Они так терли ноги, что стала слезать кожа. Наконец ноги обрели чувствительность. Появилась сильная боль. И Юрий не вытерпел. Он вынул остатки записной книжки, и листок за листком они сожгли все схематические наброски местности. Теперь они немного согрелись. Потом надели теплые шерстяные носки и валенки, поели и отдали две последние пригоршни ячменя якам.

Выехали они в предутренней темноте и ночью достигли ледника. Треск льда пугал животных. Юрий погнал Тамерлана на лед, но Муса сказал:

– Не надо, пусть сами.

Яки сошлись и стали хрюкать, будто совещались, и затем Тамерлан без понукания пошел вперед. Он опустил морду к снегу и сопел, обнюхивая путь. Следом за ним двинулся пестрый як. На полпути через ледник Тамерлан лег, и теперь Пестрый пошел вперед, а за ним следовал Тамерлан.

На другой день утром они заметили басмачей совсем близко. Ночью, когда бандиты расположились на ночлег, Юрий, взяв гранаты, направился по крепкому снежному насту к басмаческой стоянке. Он шел медленно и подолгу отдыхал. Наконец подошел к узкой, но глубокой пропасти; по ту сторону ее были басмачи. Их следы вели через снежный мост, образовавшийся, очевидно, от упавшей здесь недавно лавины. Юноша, с трудом удерживаясь на этом скользком и узком мосту, переполз его. Ему оставалось пройти совсем немного, но его остановил собачий лай. «Вот черти, пса держат!» – подумал Ивашко и, прячась в тени, за сугробами, вернулся обратно. Ночь выдалась ясная и морозная. Луна светила ярко, и тысячи снежинок искрились огнями. Опередив басмачей, Ивашко и Муса решили устроить засаду. Они отвели яков подальше, за сугробы, а сами полезли на скалу, чтобы выбрать место для засады. Они остерегались подниматься по пологому склону со стороны плато, чтобы их следы не насторожили басмачей. А подниматься по крутому заснеженному склону, примыкавшему к большой горе, было и очень трудно, и опасно. Подъем занял слишком много времени. За это время басмачи могли бы миновать гору. Когда Ивашко и Муса поднялись на гору, оказалось, что басмачи еще далеко и двигаются очень медленно. Для комсомольцев планы басмачей, забравшихся в эту белую пустыню, оставались загадкой. Стемнело. Взошла луна.

Метрах в ста впереди двух яков и трех басмачей шел басмач с винтовкой в руках. Это было неожиданно. Неужели басмачей насторожил ночной лай собаки и они обнаружили их следы? Рядом с басмачом плелась сторожевая собака. У скалы собака злобно залаяла, причем ее голова была обращена не в сторону сидевших в засаде, а куда-то выше. И оттуда, сверху скалы, донесся ответный лай. Или это эхо? Нет, лает другая собака. Но если это не одичавшая

собака, то должен быть и человек. Муса увидел этого человека. Вначале он даже не поверил своим глазам и, тронув Юрия за рукав, молча указал на пришельца. Это был мужчина с ружьем. Какой поразительный случай! Значит, поблизости есть кишлак, а в Дараут-Кургане их уверяли, что эти горы необитаемы. Теперь понятно, куда шли басмачи. Они шли домой. Не басмачи попали в засаду, а Ивашко и Муса оказались в ловушке меж двух огней. В это время собака охотника обнаружила чужаков на горе и залаяла в сторону Ивашко и Мусы.

А затем произошло неожиданное. Юрий и Муса приготовились стрелять, когда басмач, подошедший первым, начал звать охотника и угрожать, а когда другие басмачи приблизились и охотник попытался удрать, скользя по снегу, выстрел сорвал огромную лавину.

Нежданные гости

I

Когда шум обвала затих, из-под сугроба поднялся невредимый Ивашко:

– Идем!

Он толкнул соседнюю кучу снега.

Муса встал, отряхнулся и, протирая глаза, спросил:

– А где кишлак?

– Не в кишлак пойдем, а к обвалу.

Сорвавшийся с ледника снег спрессовался в ледяные кирпичи, и груды их высились большими холмами. Пробираясь по сугробам, Ивашко и Муса слышали визг. Рыжий с белыми пятнами пес сидел на куче снега. Цепочка-поводок была придавлена льдом. Муса срезал с собаки ошейник. Пес, еще недавно лаявший на них, прижался к Мусе. Куда ни смотрел Ивашко, все было мертво.

Туча снежной пыли висела в воздухе, скрывая дали. Решив, что басмачи погибли, юноши вернулись к якам и, посоветовавшись, решили ехать в ту сторону, куда ушел молодой охотник. Изнемогающие яки хрюкали и фыркали. Закатывая налившиеся кровью глаза, они брели по следу охотника.

После гибели басмачей Юрий почувствовал страшную усталость и полное безразличие к опасностям, таившимся в этих незнакомых горах.

Вдруг пес басмачей громко залаял. Яки пошли быстрее. Впереди на снегу шевелилось черное пятно.

– Медведь! – хрипло сказал Муса.

Морозный воздух синей ночи, казалось, таил в себе тревогу. Пес поджал хвост и тихонько скулил от страха. С трудом сняли винтовки. Еще проехали и остановились. Черное пятно оказалось дымом. Обычным дымом, пахнувшим теплом костра, напоминавшим продрогшим путникам о горячем чае.

– А я думал, мы замерзнем, – сознался Юрий и впервые за много дней засмеялся.

– Теперь не пропадем, – весело отозвался Муса. Всадники с усилием оторвали примерзшие к седлам брюки и спешили. Спотыкаясь, еле ступая одубевшими ногами, они взошли по насту на крышу кибитки и наклонились над дырой. Юрий протянул руку к дыму, он был холодным. Муса отшатнулся: в нос ударил сладковатый, приторный запах. Муса испуганно прошептал:

– Гульджан! Понимаешь? Когда людям нечего есть, они едят мучнистый корень гульджан.

Снизу доносился многоголосый собачий лай. Какая-то собака мучительно выла. Пес басмачей дрожал как в лихорадке. Страх толкал его назад, но жгучий мороз заставлял ползти к дымящейся дыре, где была жизнь.

Неведомый край! Неизвестно, чьи кибитки. Может быть, там сообщники погибших басмачей.

Однако выхода не было. Нужно было или идти назад, на верную смерть, или в кибитку.

Решили спуститься в кибитку. Подошли ко второму чернеющему дымоходу, откуда не шел дым, и обнаружили волосяную лестницу.

– Эй! Кто там? – крикнул Юрий по-русски.

Яростный и злобный лай с новой силой наполнил кибитку. Собаки собрались под лестницей и щелкали зубами. В бледном лунном свете, проникавшем через дымоход, мелькали их ребра, дугой выпиравшие наружу, и сбитая космами шерсть.

– Эй! Кто там? – закричал опять Ивашко, покачиваясь на лестнице и размахивая наганом.

Но лай голодных, остервеневших от ярости псов заглушал его голос.

Муса по-киргизски окликнул обитателей кишлака. Кто-то внизу отогнал собак. Юрий и Муса спустились в темное помещение. Появился рослый юноша со светильником и жестом руки пригласил их следовать за собой. По проходу под снегом они вошли в другую кибитку, где тлел костер. Юноша предложил им сесть у костра и ушел.

Из темноты слышались шум и испуганный шепот людей. Держа наган в поднятой руке, Юрий настороженно оглядывался. Муса взял его за руку и сказал:

– Не надо. Если даже обитатели и против нас, то в жилище нас не тронут: таков закон мусульман.

Огонь в костре дрожал от движения воздуха; тени и блики сплетались в узоры на черных от сажи столбах кибитки. К пришельцам подкрадывались испуганные обитатели кишлака. На груди у каждого висел талисман от злых духов. Старуха Айше шептала заговор. Как знать, может быть, это не настоящие люди, может быть, это джинны или альбесты¹². Чужие, непонятные слова первого пришельца казались ей заклинаниями.

Ивашко так трясло от холода, что даже столб, к которому он прислонился, дрожал. Не доверяя мусульманским законам, он напряженно всматривался в темноту и стискивал рукой револьвер. Люди, прятавшиеся в углах кибитки, раздражали его. Осмелев, старуха Айше подошла ближе и стала разглядывать гостей. Шум в кишлаке усилился. Юрий не выдержал и, шагнув через костер в темноту, хрипло закричал по-киргизски:

– Эй, мужчины, идите сюда!

Муса по-узбекски крикнул:

– Не расходись, не шевелись!

Обитатели кишлака испуганно завопили:

– О аксакал! Придешь ли ты спасти нас?... Где ты? Где ты, голодному пища, пешему лошадь?

– Они, кажется, говорят по-узбекски? – с удивлением заметил Юрий.

– По-узбекски, – подтвердил Муса. – В Алайской долине и на Сарыколе все киргизы говорят по-узбекски.

– О аксакал! Придешь ли ты спасти нас?... Где ты?

Пока они кричали, Муса быстро подбросил в огонь полыни. Костер разгорелся, и жители кишлака, оставив плакавшую от страха маленькую девочку, убежали через дверь в стене. В кибитке стало жарко, как в бане. Одежда путников оттаивала, от нее отламывались льдинки и со звоном падали на пол. Полынь сгорела, и костер еле тлел. А Юрий стоял, все так же пристально всматриваясь в наполненную звуками темноту.

К костру, медленно переваливаясь с ноги на ногу, походкой жирного гуся подходил аксакал в старом китайском халате из голубого шелка с золотыми драконами. Так он, по старинному обычаю, одевался в торжественных случаях.

Не узнав прадеда в непривычной для него одежде, затихшая было девочка опять заплакала.

Юрий машинально поднял наган. Стараясь не показать страха, аксакал продолжал важно шествовать.

– Арвахи, – шептал аксакал, обращаясь к духам добра, – держите меня за руки и поддерживайте под мышки.

---

¹² Джинны и альбесты – по поверьям, злые духи.

Вслед за аксакалом вошли Джура и низкорослый Кучак. Джура взял аксакала под правый локоть, Кучак – под левый, и они бережно посадили старика у огня. Аксакал, желая казаться слабым и беспомощным, кряхтел и стонал: он хотел вызвать к себе сочувствие пришельцев.

Ивашко, смахнув со лба пот, сел у костра.

– Угостите путников чаем, – прошамкал аксакал.

– Зейнеб! – позвал Кучак.

В кибитку быстро вошла юная красивая девушка и поставила на угли высокий железный чайник.

– Кто вы? – спросил Ивашко.

Старик молчал.

– Спроси их, кто они такие, – сказал Ивашко и толкнул локтем разомлевшего у огня Мусу.

– Пока не выпьем чаю, спрашивать не полагается.

Помолчали.

Чайник зафыркал, заливая огонь. Красавица Зейнеб принесла фарфоровые китайские чайники, сполоснула их кипятком и поднесла аксакалу.

Старик размотал длинный шелковый пояс, достал из его складок чай и бросил щепотку в чайник. Зейнеб подала тяжелую пиалу из красного камня. Сполоснув ее, аксакал налил туда немного чаю и подал Юрию.

– Что он мне наливает на доньшке? Пусть нальет полную, я пить хочу, – обиженно сказал Юрий.

Муса пояснил:

– Бери. Чем меньше в пиале чаю, тем больше уважения гостям.

Воспаленные сверканием снегов глаза слезились от дыма. Юрий огляделся. Они сидели в комнате, богато убранной коврами, шкурами и подушками. Здесь были сшитые в одеяла шкуры лисиц, сурков и горностаев. Пол был покрыт шкурами кииков. На женщинах были домотканые одежды. Они сидели у стен и с любопытством смотрели на пришельцев.

За стеной хрюкали яки. У Мусы отлегло от сердца: если в кишлаке есть скот – значит, гульджан не был признаком голода. Впрочем, мучнистый гульджан любители ели и не голодая. Муса сообщил о своих наблюдениях Юрию, но тот даже не ответил. Он сидел, пристально глядя на костер, но не огонь, а горячий сланец привлек его внимание. Возможно, что это вынужденная поездка окажется весьма богатой открытиями.

После чая захотелось есть. В курджуме все сухари, сахар и мясо смерзлись в один ком.

Отогрев у огня ножны, путники вытащили ножи и разрубили продукты. Половину они отдали аксакалу.

Муса расспрашивал аксакала, сколько в кишлаке людей, где мужчины. Узнал о единственном имеющемся в кишлаке карамультуке и о том, что мужчин осталось только трое: сам аксакал, Джура и Кучак. Аксакал говорил нехотя и тихо:

– Это было давно, так давно... В те времена еще журавли полки водили, а лукавая лисица, желавшая войти в доверие ко льву, творила суд над разными зверями...

Муса усмехнулся и подтолкнул локтем Ивашко.

– Сказки для девчонок, не хочет правду сказать, – шепнул он. Юрий мало что понимал из речи аксакала, но слушал внимательно.

Старик поведал им о былой славе рода. Рассказал о том, что кишлак уже давно не имеет общения с внешним миром, что обитатели его живут как одна семья, разводят скот и занимаются охотой. Добывают кииков, архаров, уларов¹³, барсов, лисиц, сурков. Они никуда не ездят,

---

¹³ Улар – дикая индейка.

к ним никто никогда не приезжает. Правда, когда-то приезжали, но это было так давно, что он ничего не помнит.

Искандер поглядывал то на одного пришельца, то на другого. Ему хотелось отгадать по выражению их лиц, не чувствуют ли они, что он хитрит, но лица пришельцев были непроницаемы.

– А сейчас очень плохо, – закончил аксакал. – Мор был. Все овцы подошли, козы подошли, много кутасов пропало. Гульджан едим. Скот бережем. Дожди были. Везде под снегом ледяная корка. Киики и архары ушли в горы. Так мало скота, что нечем угостить путников.

Мусе не терпелось осмотреть кибитки. Не прячутся ли в них басмачи? Может быть, аксакал врет. Муса завел очень хитрый разговор. Аксакал понял желание Мусы.

– Покажите им нашу бедность, – прошамкал он.

Кучак взял большой, сильно чадающий светильник. Горящее масло не могло так чадить, и молодой геолог в силу укоренившейся привычки окунул палец в жидкость, наполнявшую светильник. Юрий обнаружил нефть. Это открытие сразу разбудило в нем азарт, свойственный «охотнику за камнями». В нем проснулся искатель кладов природы. Безмерной усталости последних дней как не бывало. Юноша сразу почувствовал прилив энергии и необычайный интерес к «белому пятну», которое, по-видимому, сулило ему всяческие неожиданности. Ивашко начал жалеть, что была зима и он не мог обследовать окружающие горы.

– Поспешим, мелочи потом. Наган не прячь! – тихо сказал ему Муса, которого не покидало недоверие.

Из кибитки в кибитку они проходили через ходы, прорубленные в сугробах снега. Эти ходы напоминали шахты.

Обошли пять кибиток, похожих одна на другую. Осмотрев кибитки и убедившись, что басмачей и оружия в кишлаке нет, Ивашко и Муса вернулись в первую кибитку. Айше что-то торопливо прятала в темном углу кибитки. «Оружие прячет», – решил Ивашко и бросился к старухе. Она закричала и прижала к груди узел.

– Покажи! – громко приказал ей Джура.

В узле были меха.

– Почему она прячет? – спросил Ивашко.

– Они думают, что мы разбойники, – объяснил Муса.

II

Джура, усевшись возле Мусы, любовно поглаживал приклад его винтовки. Весь вечер он не спускал с нее глаз. Он твердо решил, что этой же ночью завладеет винтовками, а если джигиты будут сопротивляться, он убьет их. Пусть гnevаются арвахи за нарушение обычаев гостеприимства. Он должен иметь такое хорошее оружие. На углях трещала полынь, разбрасывая искры. Искандер, кряхтя, снимал падающие угольки с колен Ивашко, показывая этим свое внимание гостю. Юрий попросил Мусу переводить, и Муса с готовностью переводил. По просьбе Юрия он спрашивал Джуру:

– Есть ли здесь дороги?

– Дороги есть, но только для тех, кто в горах умеет ходить по льду, пьет свежую кровь кииков и архаров, кого горные духи поддерживают над безднами.

– А реки?

– Есть реки, есть бешеная река Сауксай. Много ичигов изорвал я на скалах, всюду излазил, но в верховьях Сауксая не был. Туда никому нельзя ходить. Там живет арвах и водятся драконы. Всякий, кто пойдет туда, умрет страшной смертью.

Юрий засмеялся и тут же скривился от боли: кровь выступила на его потрескавшихся губах.

– Гости смеются. Не верят? Спросите мудрого аксакала Искандера...

Джура замолчал. Его густые черные брови сурово сошлись над переносицей. Прищуренными глазами смотрел он на насмешников-гостей.

Старуха Айше, кряхтя, принесла тяжелый курджум и поставила возле Кучака. Юрий с любопытством посмотрел внутрь мешка. Там был горячий сланец.

Юношу занимало все вокруг. Затерянный в горах кишлак, люди, которых не коснулась ни революция, ни современная цивилизация, – все это было таинственно и обещало массу неожиданностей. Он первый открыл этот кишлак. Будет о чем рассказать Максимову и Козубаю. А тут еще нефть, горячий сланец, а может быть, есть и золото.

– Может быть, у вас есть золотой песок? Я куплю, – сказал Ивашко и вынул деньги.

Муса перевел.

Джура с интересом тер пальцами бумажки. Он не понимал их значения. Аксакал отрицательно покачал головой. Джура отошел к проходу в стене и поманил Юрия пальцем. Ивашко пошел вслед за ним. По дороге Джура взял горящий светильник, и они вошли в пустую кибитку.

– Дай нож, – сказал Джура, показывая пальцем на охотничий нож Ивашко. – За него дам золото и камни.

Ивашко сразу понял, о чем речь, и немедленно согласился. Он плохо знал узбекский язык, но отдельные легкие фразы были ему уже понятны.

Джура вышел, сунув нож за пояс, и вскоре принес мешочек золотого песка и несколько рубинов.

– Не говори аксакалу, – предупредил он и пояснил это жестами.

– Хоп, хоп, – улыбаясь, ответил Ивашко.

– Сколько хочешь за твою винтовку? – спросил Джура, сначала сделав вид, что прицелился, а затем показав на камни и на свою пустую горсть.

Ивашко отрицательно покачал головой.

– Это все не мне, а для изучения, понимаешь? – сказал он, мешая русские и киргизские слова. – Понимаешь?

Но этого Джура не понимал.

– Я хочу выменять твоё ружьё, – повторял упрямо Джура. Ивашко отрицательно качал головой. Джура двинулся со светильником назад. Ивашко заметил, что стены излучают странный свет. Он взял светильник из рук Джуры и поднес его к стене, сложенной из камня.

– Молибденит! – закричал он, пытаясь выдернуть один камень из стены.

Джура, боясь, что завалится стена, отбросил его руку. Не понимая друг друга, они ссорились. Наконец Джура нашел в углу кусок молибденита и отдал его Юрию. Ивашко совершенно успокоился и весело поблагодарил. Джуру удивило, что пришелец положил в сумку простой камень вместе с дорогими.

– Зачем? – спросил Джура.

– Этот камень делает железо крепким, – так, не совсем точно попытался объяснить Юрий. Подумав, Джура вышел и скоро вернулся с куском железной руды.

– Откуда? – спросил Ивашко.

Джура насмешливо сделал широкий жест.

Они возвратились к остальным.

– Я объяснил аксакалу, – сказал Муса Ивашко, – что мы преследовали басмачей, грабящих народ. А он все интересуется, как мы прошли через пропасть. Я говорю – по снежному мосту, а он уверяет, что никакого моста не было.

– Ты им скажи, – ответил Ивашко, – что мы преследовали бандита Тагая и что он погиб. Скажи ему, что, если у них когда-нибудь появятся басмачи, пусть расправятся с ними сами.

Скажи, что басмачи – это те, кто помогает баям держать народ в темноте и невежестве, как рабов. Это те, кто приносит бедность, слезы и несчастья...

Муса говорил долго, но Джура не все понимал и не всему верил. Он давно знал из рассказов аксакала: раз человек с ружьем и не охотник – значит, это басмач, угоняет чужие табуны скота, грабит купцов. Эти пришельцы вооружены – значит, они басмачи и гонятся за другими басмачами. Первые награбили, вторые отбирают.

– Мы комсомольцы, – продолжал переводить Муса. – А в Коммунистический Союз молодежи вступают самые смелые из молодых. Они ничего не боятся – ни врагов, ни трудных дел. Комсомольцы хотят все знать и все уметь, чтобы сделать жизнь народа счастливой. А это нелегко, и коммунисты – старшие братья комсомольцев – направляют их на верный путь. Сейчас мы учимся и воюем с басмачами и помогаем отбирать у богачей земли и скот, чтобы ими сообща могли пользоваться трудящиеся. Кто не работает – тот не ест...

Последнее Джуре понравилось. Значит, аксакалу тоже надо будет работать и наравне со всеми есть гульджан.

– Это все хорошо, – сказал Джура, хитро прищурившись, – но почему гости одеты в простые овчины, а не в горностаевые или лисьи халаты? Плохие вы, наверно, джигиты, если не только бедным, но и себе не смогли достать хорошую одежду.

– Настоящий джигит не о себе думает, а обо всем народе. Когда весь народ одет – и он одет, когда весь народ сыт – и он сыт. А кто думает только о своем благополучии, тот мелкий человек. – Муса разошелся. – Хорошо за горами! Сядем в железную кибитку на колесах. Вы не знаете, что такое колесо? Это такая круглая штука, она катится... Не понимаете? – Он покатил по кошме пиалу. Присутствующие не поняли и недоверчиво засмеялись. – А еще есть другая вещь, называется кино. Придешь ночью в большую кибитку, в сто раз больше этой...

– В ханскую? – подсказал Кучак насмешливо.

– Правильно, в ханскую: мы отобрали у ханов кибитки. Так вот, смотришь на белую стену, а кругом большевистские светильники горят, огонь в них холодный, белый, и когда его тушат, так не дуют на огонь, а только нажимают пуговку в стене. Понимаете? А на стене, – продолжал Муса, – тени живых людей бегут, стреляют, по саду гуляют, пьют и едят.

– Вай, вай, вай! – закричали в испуге старухи. – Он чародей, он может вызывать тени умерших людей. Может быть, его подослали снежные люди?!

Джура сердился и исподлобья смотрел на пришельцев. В его душе боролись зависть и недоверие.

Аксакал беспокоился. Ему было не по душе, что на пришельцев обращено такое внимание всех жителей кишлака и что страна, откуда они приехали, может показаться лучше его родного кишлака Мин-Архар. Смутно он представлял себе опасность, которая таилась в словах комсомольца Мусы. Если Джура и Кучак захотят отправиться в другую страну и покинут родные горы, что будет делать он, дряхлый и беспомощный старик? Искандер, стараясь казаться равнодушным, кивал головой и приговаривал: «Знаем, знаем, нас не удивишь», – хотя о многом он слышал впервые.

Муса рассердился:

– Аксакал все знает, так пусть и расскажет.

Наступило молчание. Все с нетерпением ждали. Старик начал говорить:

– Нет молодца, который не тосковал бы о своей родине, равной в его глазах священной Каабе. Белый сокол в неволе грустит по своей стае, вспоминая, как парил в заоблачной синеве. Нет мужа, который не заботился бы о безопасности рода своего; нет птицы, которая не заботилась бы о гнезде своем.

Аксакал говорил неспроста: он хотел удержать молодежь от необдуманных поступков и поднять свой авторитет. Каждый может гнуть молодые деревья на свой лад, только старый согнутый ствол выпрямить нельзя. Аксакал рассказывал сказки о какой-то неведомой стране –

так казалось обитателям кишлака. Но гости кивали головой в знак того, что все это им хорошо известно. Пятый раз Айше подливала в светильник нефти, а аксакал все говорил. В речах старика было много непонятного, но Джура поверил, что где-то наяву существует эта сказочная страна.

Все слушали затаив дыхание. Аксакал говорил о летающем железном ковре.

– Это аэроплан, – пояснил Муса.

– Есть плавающая кибитка... – продолжал аксакал.

– Пароход, – вмешался Муса.

– Только, – закончил аксакал, – это все далеко за горами, а глупые киргизы, которые прельстятся этими чудесами и бросят родной кишлак, пойдут туда, – поплатятся головой. Даже гости наши подтвердили, что я все знаю. А я знаю еще больше.

И он искоса посмотрел на Джуру.

– Отвечай, старик, – сказал Муса, – где ты видел все то, о чем рассказываешь? Почему ты убежал в эти безрадостные горы? Бай ты или мулла?

– Здесь я родился, здесь и умру. Ниоткуда я не бежал и никуда не убегу. А показали мне все это арвахи – духи...

– Давно это было? – спросил Муса.

– Много лет назад... – И, помолчав, старик добавил: – Был у нас Идыге. Батыр был. Такой батыр раз в сто, раз в триста лет родится. Однажды пошел на охоту. Очень далеко. В чужие горы забрел. Большой водопад увидел, пить захотел. Стал у водопада на колени, чтобы напиться, вдруг сверху вместе с водой упал зеленый плод. Полез Идыге наверх. Долго лез Идыге, чуть не пропал. Влез в гору и видит – глубоко внизу большой лес. Там людей с белым лицом встретил. Они его у себя оставляли, но не захотел Идыге. Домой пришел, сладких красно-зеленых плодов принес... Много рассказывал мне...

– Эх, аксакал, ты рассказываешь так, как будто видел все это собственными глазами! – опять усомнился Муса.

– Пусть я буду проклят и не есть мне мучной лепешки! – прошамкал старик, ломая лепешку дрожащими костлявыми пальцами. – Всю жизнь прожил я в этих горах.

Искандер после небольшого молчания шепнул Джуре несколько слов. Джура швырнул шапку в сторону, крикнул что-то Бабу, и собака принесла ему шапку. Джура крикнул ей что-то еще, и Бабу умчалась. Вскоре она за халат втянула упирающуюся старуху.

– Идыге нас научил, видите: что скажем – собаки все делают, – важно сказал аксакал. – Он сам все умел. Беркуту крикнет – беркут лисицу ловит. Барс у него был. Барсу прикажет – барс для него кииков в горах добывает. Идыге у самого хозяина зверей любимцем был. Великий батыр был Идыге. Все знал и все видел.

Старик кряхтел от волнения, смахивая слезы ногтем. Вдруг гости услышали тихое пение. Это пел Кучак. Внимание гостей и молчание аксакала ободрили певца: его робость исчезла, голос окреп. Муса с радостным удивлением слушал знакомые каждому киргизу стихи о Манасе¹⁴. Ивашко не мог уловить смысл песни, но мастерское исполнение увлекало помимо воли. Некрасивый маленький Кучак преобразился, он даже стал как-то выше ростом. Кучак прекрасно владел голосом и умел мгновенно перевоплощаться. Он бил рукой наотмашь, как саблей, делал пальцами очки, вытирал слезы, вязал узлы, гнусавил, подражая говору богатого купца, воздевал руки к небу, хватался за сердце, махал руками, как бы взлетая, говорил в кулак, зажимал уши, гладил бороду и «играл» плечами, танцуя на месте. Он то тихо говорил, то заунывно пел. Он делал вид, что стреляет, отбивается, прикладывал ладонь, всматриваясь вдаль. Это была песня-спектакль. Быструю скороговорку сменял торжественный речитатив.

---

¹⁴ Манас – легендарный герой киргизского народа.

Зрители видели перед собой то мрачного злодея, то добродушного старца, то влюбленного юношу.

Очарованные слушатели следили за Кучаком затаив дыхание. Юрий понял, что перед ним настоящий артист.

III

Як, на котором сидел Тагай, услышав шум налетающего обвала, захрипел и в смертельном испуге метнулся назад. Прыжок был так неожидан и стремителен, что Тагай выронил из рук пса. Тагай мгновенно поднял над головой полы халата, пытаясь сдержать стремительный натиск засыпающего его снега. Над ним образовался снежный потолок, в котором виднелась небольшая щель. Это спасло его от удушья. Як, зажатый снегом, судорожно дрожал. От каждого неверного движения снежный потолок мог обрушиться, и они бы задохнулись.

Тагай осторожно опустил руки и начал подминать под себя снег. Вначале Тагай увидел белую снежную пелену, потом своего пса, вылезшего из-под снега. Заметив двух незнакомых бойцов, Тагай притаился. В разреженном воздухе высокогорий он явственно слышал слова, сказанные юношами о его гибели, и, дождавшись, когда они ушли, вылез наверх. Потом осторожно освободил яка. Из всех басмачей живым остался только он один. Тагай все эти дни берег свои силы, и они ему теперьгодились. Дрожа от холода, он с трудом привязал яка к камню и пошел по следам к кишлаку. Собаки встретили его ожесточенным лаем. К нему вышла Айше и, узнав, чего хочет Тагай, оставила его наверху ждать. Внизу Айше подозвала к себе аксакала и рассказала о приходе Тагая.

Аксакал увел Джуру в темный переход под снегом.

– Я совсем старый и больной, а Тагай требует пристанища, – прошамкал старик. – Он убьет джигитов, а за кровь мы заплатимся своей кровью. Негоже мне, аксакалу, нарушать обычай приюта. Пойди ты, Джура. Ты молод и храбр. Поговори. Пусть уходит. Там Зейнеб сторожит, чтобы Тагая не порвали собаки. А я немощен. – И он стал громко кашлять.

Джура услышал голос Тагая:

– Очень хорошо, что я не заблудился и пришел в ваш кишлак. Я привез много шелков, чтобы одарить тебя, но они остались с караваном в одном переходе отсюда. О Зейнеб, моя звездочка, ты, чьи брови пьяны и чей глаз разбойничает, – даже я не имею цены в твоих глазах! Будь моей женой. Аксакал стар, Джура мальчишка... Кто у вас остановился на ночлег?

Тагай старался держаться с достоинством.

– У нас чужие люди, Тагай, они называют себя красными джигитами. Они говорили, что ты басмач и погиб под обвалом.

– Видишь, они врут. А много их? – поспешно, с тревогой спросил Тагай и, услышав в ответ: «Двое», добавил: – А какие жемчужные ожерелья, какой пояс, украшенный серебром, я привез тебе, моя козочка! Проведи же меня, дорогая, погреться у костра.

Джура хотел послушать, что ответит Зейнеб, которую он, Джура, хотел взять себе в жены, но звук поцелуя заставил его выбежать наверх.

– Ты! – крикнул Джура, не находя слов выразить свой гнев.

Зейнеб юркнула в кибитку. Тагай повернулся к Джуре.

– А-а-а! – с притворной радостью закричал он. – Это ты, дорогой? – Но, заметив злобное лицо Джуры, сердито сказал: – Почему не приветствуешь путника? Что ты, забыл обычай?

О Зейнеб, моя звездочка, ты, чьи брови пьяны и чей глаз разбойничает, – даже я не имею цены в твоих глазах! Будь моей женой.

– Уезжай! – сказал Джура. – Сегодня мы принять тебя не можем.

– Мальчишка, щенок!.. – презрительно ответил Тагай, решив, что этот ответ Джуре подсказала ревность. – Позови сюда аксакала, и он научит тебя обращению со старшими!

Джура окончательно рассердился и запальчиво крикнул:

– Так сказал сам аксакал!

– Врешь! Врешь, как баба! Аксакал не может сказать такие слова мне, своему благодетелю. Или он отрекся от Аллаха? Ага, – яростно хрипел Тагай, – я все знаю: старая лиса хитрит! Он приютил красных шайтанов. Он пожалеет... Ты, батыр Джура, забудь мои гневные слова: я испытывал тебя. Мы ночью зарежем пришельцев и возьмем себе их винтовки. А завтра я тебя возьму с собой в далекий край. Будешь помогать большому человеку воевать с красными чертями... Ну?

Он дрожал мелкой дрожью, зубы его стучали.

Джура нахмурился:

– Уходи, Тагай. Я и сам могу их убить.

– Слушай! – продолжал Тагай. – Твоего отца отравил аксакал. Он боялся, что тот захватит его богатства. Давай вместе зарежем красных шайтанов, и тогда я убью аксакала. Кровь убийства не падет на тебя. Ты станешь аксакалом рода. Ну?...

Джура хорошо помнил загадочную гибель своего отца, всеми уважаемого и любимого в кишлаке. Так, так... Он запомнит это!

– Уйди! – решительно сказал Джура и взялся за нож.

Тагай вынул револьвер.

Молодой охотник засмеялся:

– Стреляй! Красные джигиты услышат выстрел – прибегут и убьют тебя.

Тагай спрятал револьвер.

– Запомни, – сказал он, – ты и весь род твой ответите мне кровью.

Тагай молча повернулся, и наст заскрипел под его ногами. Сев на яка, по знакомому пути Тагай поехал к тайнику, в котором с прошлого года были им спрятаны теплая одежда, продукты и топливо.

IV

В дальней кибитке беспокойно метался на шкурах Джура. Айше, взглянув на сына, спросила:

– Блохи, что ли, тебя кусают?

Джура не ответил. Ему хотелось попасть за горы, в мир иных людей, и летать высоко в небе на железном ковче-самолете. Голодный Кучак у себя в кибитке мечтал о сказочном сытом мире. Старухи и подростки шептались в темноте.

Как только гости заснули и костер погас, к спящим начала подбираться Бабу. Почувяв ее, пришлый пес насторожился. Когда Бабу подошла ближе, он оскалился и игриво вильнул хвостом. Бабу, извиваясь всем телом, быстро помчалась из кибитки. Вслед за Бабу к спящим с ножом в руке кралась старуха Айше. Она нагадала себе, что для лечения болезней надо получить пучок волос от даванашти¹⁵.

Пес, не оставлявший юношей, услышав крадущиеся шаги, заворчал. Старуха убежала. Пес бросился за ней, но тотчас же испуганно метнулся назад, заметив за дверью единственный глаз собаки аксакала, по прозвищу Одноглаз. Ощетинившись и оскалив зубы, пес остановился возле спящих и начал рыть задними ногами землю.

Утихомирившись, пес снова улегся, положив голову на вытянутые передние лапы.

За дверью послышался едва уловимый шум. Джура тихо и хищно приближался с топотом – тишой – на длинном топорище. Пес заворчал, спящие громко застонали. Смерть была рядом с ними, но юноши крепко спали. Пес ворчал тоскливо и злобно. Боясь, что лай разбудит пришельцев, Джура отступил в темноту и неожиданно столкнулся с матерью, старухой Айше.

---

¹⁵ Даванашти (дословно: переходящий перевалы) – чужестранец.

Они поспорили. Айше нужен был пучок волос с головы живого, а если начнется борьба за оружие, то всякое может случиться. А ведь Джура не испросил разрешения старшего в роде, и гнев аксакала будет ужасен.

Поладили на том, что прежде всего надо убрать собаку, сторожившую сон пришельцев. Айше отрежет пучок волос, а затем Джура выкрадет винтовки, и лучше, если это обойдется без крови. Но как убрать собаку без шума?

Джура позвал Бабу...

Издалека донесся жалобный вой собак, собравшихся за кишлаком. Старая истеричная собака, принадлежавшая старухе Айше, выла громче всех: раз начав выть, она никак не могла остановиться. Бабу прокралась в кибитку к спящим и направилась прямо к чужой собаке. Почувяв и увидев Бабу, пришелец насторожился. Бабу приближалась тихо. Губы у нее отвисли, и она помахивала обрубком хвоста. Хотя Бабу была самка, тем не менее пес испугался, поджал хвост и прижал уши к голове. Но когда Бабу подошла ближе, он оскалился и игриво вильнул хвостом. Бабу понюхала его в нос и, припав головой к земле, заюлила поднятым хвостом. Пес осмелел и тоже завилял хвостом.

Бабу, почесав передней лапой ухо и глаз, несколько раз прыгнула, припадая грудью к земле.

Пес совсем осмелел. Тогда Бабу, извиваясь всем телом, прыгнула вперед, в темноту. Пес бросился за ней. По следу Бабу он промчался к вырытому в снегу ходу и выскочил наверх, в слепящую искристым снегом лунную ночь.

Пес рванулся догонять Бабу, но наскочил на другую собаку и упал. Пришлый пес испуганно вскочил и прыгнул назад. Но дыру загородил огромный черный одноглазый пес, и все собаки в одно мгновение окружили чужака кольцом.

Он убрал уши подальше назад, поджал хвост и запрятал его под самое брюхо, так что кончик его высунулся около передних ног. Бедняга оскалил зубы, выгнулся дугой и взерошил шерсть: он хотел казаться больше и страшнее, вертелся во все стороны и грозно щелкал зубами. Но собаки неподвижно сидели вокруг. Пес чувствовал их взгляды и кружился как бешеный, ожидая нападения со всех сторон. Собаки не шевелились и только стали чаще дышать. Чувствуя смертельную опасность, пес завыл. У него дрожали лапы, он выл и просил о пощаде. И если бы они завыли, то, наверно, не тронули бы его. В тишине послышался шорох: это Айше подкрадывалась к аскерам¹⁶. Но псу было не до нее.

Огромные собаки, злые и голодные, сидели и ждали сигнала вожака.

Самый молодой пес не выдержал и бросился на чужака, но, сильный, упитанный, тот вовремя отскочил в сторону, разорвал ухо у тощего пса и опрокинул его на снег.

Нападавший с визгом отбежал, но и тогда собаки не пошевелились. Чужой пес растерялся.

Наконец Одноглаз поднялся, шагнул вперед и, выпучив единственный глаз, помахал хвостом. Чужой так обрадовался, что потерял всякую осторожность. Он сам потянулся навстречу, хотя все еще боялся и поджимал хвост. Одноглаз опять шагнул к нему. Чужой смалодушничал и опрокинулся на спину, подняв ноги вверх. Он без боя сдавался на милость сильнейшего.

В тот же момент Одноглаз неожиданно схватил гостя за горло. Через секунду на него набросилась вся стая. Даже предсмертный визг не успел вырваться из его горла. Над тесной кучей собачьих тел поднялся пар и, замерзая в воздухе, заиндевел на их шерсти. Бабу подняла к луне голову и жалобно завывала. И все собаки, усевшись вокруг, тоже завыли. Сильные голоса, полные тоски, таяли в необъятном заоблачном пространстве, не повторяемые ни одним отголоском.

---

¹⁶ Аскер – солдат, боец.

Джура осторожно прошел в кибитку и после непродолжительной борьбы связал полусонных юношей, приговаривая:

– Не раскрывайте глаз – я выколю их! Не говорите ни слова – я отрежу вам языки!

Это была традиционная угроза.

Он взял винтовки и начал их внимательно рассматривать.

– Я мусульманин! – кричал Муса. – Развяжи меня! Я только переводчик!

Но хитрость не помогла.

– Ничего, – отвечал Джура, – и белую и черную овцу – привешивают за ноги.

На шум и крики, кряхтя от волнения, в кибитку быстро вошел аксакал.

– Мальчишка! – прошипел он. – Дурак! Какой же правоверный грабит гостей и убивает их в своем доме? Ты их накорми, дай им уехать, а по дороге убей и ограбь.

– Уйди, старик! – злобно сказал Джура. – Я сам нахожу в потемках дорогу. Я отнял у них оружие и, если они не покорятся судьбе, убью их.

– Ты безумец! – продолжал аксакал. – Я много видал и слышал на своем веку и скажу тебе, что три года назад бывалый проводник, отец Тагая, говорил мне: если убивают одного даванашти, на его место приходят сто.

– Тысяча! – закричал Муса. – Сто тысяч придут! Лучше отпустите! Я обещаю, что мы не тронем Джуру, хотя он и напал на нас.

Юрий катался по полу, стараясь разорвать ремни.

– Я прокляну тебя, мальчишка! – хрипло кричал аксакал. – Знай, что я гадал на «Юй-Ся-Цзи», священной книге, подаренной мне купцами, и узнал, что гостей надо отпустить, иначе Бог страшно накажет и тебя и весь кишлак.

Джура растерялся и положил винтовки. Комсомольцы были спасены.

V

На рассвете аксакал разбудил гостей. Чай был уже готов. Юрию захотелось задержаться на день-два, но Муса решительно воспротивился этому и назвал множество причин: оказалось, что в поисках прошлогодней травы их яки ходили всю ночь, пытались разбить копытами нижнюю ледяную корку и не смогли. Голодные, они и сейчас бродят по склону в поисках корма. Если же якам придется поголодать день-два, они совсем ослабеют. Кроме того, снежные мосты на пути могут быть снесены обвалом или обрушиться, а самое главное – после ночного происшествия Муса совсем перестал доверять жителям кишлака и требовал самого срочного отъезда. Больше того: Муса обязательно хотел увезти с собой карамультук Джуры. Несмотря на все случившееся, Юрию все же нравился Джура, этот не по летам сильный и рослый юноша, пусть чрезмерно азартный, самобытный, но человек цельный и искренний. Юрий не хотел лишать Джуру карамультука, Муса же был непреклонен и ссылался на свой опыт.

– Ты не знаешь, – сказал Муса, – а я знаю очень хорошо, на что способен горец-охотник, если ему очень понравилось оружие и он очень хочет его добыть. Если на обратном пути не ты и не я, а як получит пулю в бок, тогда и один из нас может не вернуться домой.

Пока Кучак ходил за яками, Юрий Ивашко даже за чаем спешил побольше выведать у аксакала и Джуры о горах, древних рудниках, ископаемых, перевалах и прочем. Переводчику Мусе пришлось прикрикнуть на аксакала за нежелание отвечать. Зато Джура отвечал охотно. Он рассказывал об охотничьих угодьях, о повадках зверей. После чая Юрий осмотрел камни, из которых были сложены хижины, обнажения скал в щели возле кишлака, выходы горного сланца и даже заметил пар горячих источников в ущелье рядом, куда сейчас уже нельзя было спуститься по обледенелой тропинке. Джура повел Юрия и показал небольшую каменную печь для выплавки руды. Как рассказал Джура, печь наполовину заполнялась горючим сланцем, а сверху насыпался слой железной руды в две-две с половиной ладони шириной. Пять женщин

посредством мехов из киичьих шкур нагнетали воздух через пять нижних отверстий в печи. За день железо расплавлялось и стекало на дно. Получалось около пяти чэрэк, то есть чуть больше тридцати килограммов. Джура повел Юрия и в крошечную кузницу и показал образец выплавленного железа. Оно было низкого качества, но все же мастерство жителей восхитило молодого геолога.

Джура опять попросил у Юрия винтовку. Тот объяснил, что оружие принадлежит не ему и он не вправе передавать, а тем более дарить его другому. Джура не захотел после этих слов ничего ни рассказывать, ни говорить.

Он замолчал и насупился.

Уезжая из кишлака, Муса все-таки забрал с собой карамультук Джуры. Айше и Искандер просили оставить оружие для охоты, но Муса сказал:

– Спасибо тебе, старик, ты дал нам кров и согрел нас, ради тебя мы помиловали Джуру. Но мы не хотим, чтобы пули Джуры догнали нас на обратном пути. Летом мы снова приедем сюда и привезем с собой не только карамультук. Мы привезем муку, сахар, чай, рис и еще десять охотничьих ружей и боеприпасы к ним.

На прощанье Ивашко сказал Джуре:

– Тебе учиться надо! Если ты сам не в состоянии найти дорогу через горы, иди по нашим следам или жди нас летом. Будешь нам помогать и с нами уедешь – человеком станешь.

Муса перевел слова Юрия. У аксакала от злости тряслась голова. Он сердито чмокал и шептал заклинания. Как только Юрий и Муса направили яков по старым следам и яки, видимо, поняли, что возвращаются домой, они радостно засопели, и в дальнейшем их уже не пришлось подхлестывать.

Все так же высились снежные громады.

Все так же сверкали и искрились снега.

Молодой геолог с еще большей жадностью смотрел кругом, стараясь запечатлеть в своей памяти очертания еще не описанных гор, направление еще не известных ущелий и ледников. Он не мог себе простить сожженных дневников, отсутствие хотя бы клочка бумаги не давало ему покоя. Он даже пытался набросать схематическую карту местности чернильным карандашом на руке. В своем страстном, романтическом увлечении совершать открытия Ивашко был согласен на любые жертвы. Он готов был идти пешком по руслу реки, но ни за что не хотел облегчать курджум. Он вез с собой много ценных геологических образцов, но уже остерегался принимать на веру то, чему так хотелось верить. Чтобы определить богатства края, ему очень хотелось вернуться сюда летом и, конечно, не одному, а в составе большой изыскательской партии.

Было очень холодно. Юрий тер то нос, то щеки. Кожа стала сухая, жесткая, как пергамент, и приобрела бронзовую окраску. Изменилась не только внешность – Юрий удивлялся открывшимся в его характере новым качествам: необычайному терпению, осторожности и способности переносить лишения, но не хватало тренировки. «Воистину, – думал Юрий, – только сильные ощущения позволяют нам понять самих себя».

Плохи дела на Биллянд-Киике

I

Беда никогда не приходит одна. После суровой зимы уже в начале марта подул теплый ветер и начал таять снег. Женщины и дети радовались, а Кучак пропел песню, посвященную ранней весне. Аксакал не разделял всеобщего восторга. Весна обычно начиналась в этих горах с мая, и раннее потепление не предвещало ничего хорошего. Аксакал, озабоченный и невеселый, каждый вечер поднимался, несмотря на ревматические боли, на южный склон ущелья – единственное место, где после зимнего джута ледяная корка стала хрупкой и крошилась под ударами копыт яков. Джура разгребал снег, и аксакал замечал, что с каждым теплым днем количество снега на склонах уменьшалось, а слой льда под снегом делался толще. Однажды поднялся сильный буран, и на следующий день кутасы уже не в силах были разбить своими копытами толстую ледяную корку. Аксакал творил заклинания, приносил жертвы духам, но земля по-прежнему была покрыта плотной коркой льда. Тогда он обратился к крайнему средству: вынул священную книгу «Юй-Ся-Цзи». Ее с таинственными телодвижениями вручил как-то Искандеру купец, приехавший из Китая, в обмен на рубины. Зная страх старика перед всем необыкновенным, купец в витиеватых выражениях сообщил ему, что эта книга поможет ему в самые трудные минуты жизни. «Только, – предупредил его купец, – попусту нельзя к ней обращаться: она может навсегда утратить свои волшебные свойства». Аксакал уединился с книгой в свою кибитку. Он избегал Джуры, требовавшего по несколько раз в день, чтобы аксакал использовал чудодейственную силу этой книги для возврата увезенного карамульку или для того, чтобы найти засыпанное обвалом оружие басмачей. Тогда бы Джура не побоялся обвалов и добыл кииков и архаров.

Джура несколько раз наведывался к месту обвала, надеясь достать из-под снега оружие басмачей. Но там образовалась такая большая гора снега, спрессованная в смерзшиеся ледяные кирпичи, что разрыть ее было невозможно.

Шли дни, и корка льда не исчезала. Книга оказалась бессильной. Об этом громко сказал Джура.

Старик поморщился: последнее время Джура разрешал себе слишком много.

Когда стало очень холодно и отошавшие яки уже не могли подняться, аксакал приказал жителям снести к нему в кибитку всю сухую траву, чтобы кормить скот.

Сухой травы нашлось немного: она была подостлана под шкуры, на которых спали обитатели кишлака.

– Надо с осени сушить траву, и побольше: скот будет чем кормить, – сказал Джура и этим очень разозлил аксакала.

– Где это видано, чтобы подростки учили аксакалов! – сердито закричал старик. – Никто в роду не занимался таким пустым делом! Животные сами должны добывать себе корм из-под снега. Так было заведено исстари, и не мальчишке менять обычаи предков.

Между тем Искандер отдал всю собранную траву животным, которые принадлежали лично ему.

Старуха Айше объясняла все беды отказом Тагаю в гостеприимстве.

Аксакал, после того как духи добра, талисман и книга «Юй-Ся-Цзи» оказались бессильными, решил вызвать джиннов – духов зла, чтобы привлечь их на свою сторону. Он проделал все, что полагалось в таких случаях, и ждал чуда. Но чуда не было. Пришлось резать скот, и в кишлаке вкусно пахло мясным бульоном. Вареного мяса было вдоволь. Этому радовался один

Кучак. Он жил текущим днем и не задумывался о будущем. Кучак искренне удивлялся Джуре, безразлично относившемуся к еде.

– Ты макай мясо в соленую воду, вкуснее будет, – советовал Кучак, недоумевающий, почему Джура ест безо всякой охоты.

Джура долго не отвечал, а потом сказал:

– Скучно!

Этого Кучак никак не мог понять. Вот если бы нечего было есть...

– Может, ты болен? – спрашивал Кучак.

Юноша не отвечал. Он тосковал. И раньше он был безразличен к еде, болтовне. Зато он мог так долго слушать песни Кучака о героических подвигах Манаса, что иногда сам Кучак просил дать ему передышку.

Джура не мог сидеть без дела и когда занимался чем-нибудь, то вкладывал в работу всю душу. Поэтому ковал ли он нож в кузнице, делал ли ошейник Бабу или резал по дереву – все спорилось в его руках. Джура часто в свободные минуты вырезал из дерева фигурки животных и птиц. Однажды он так удачно сделал изображение аксакала, что тот ужаснулся: так верно схваченное сходство граничило с колдовством. Аксакал запретил Джуре это занятие.

– Твои силы бередят джинны. Это они не дают тебе покоя и хотят твоей гибели. Работай больше, – советовал аксакал, глядя на беспокойного юношу.

И Джура работал, лишь бы руки не были без дела. Он не мог, как Кучак, часами бездумно валяться на шкурах. С тех пор как в кишлаке побывали комсомольцы, Джура потерял покой. Наслушавшись диковинных вещей об иной жизни, Джура не мог долго усидеть дома и убегал в горы, стремясь увидеть, что за ними дальше. Но дальше высились такие же суровые, безмолвные горы, сверкавшие на солнце вечными снегами.

Все больше Джурой овладевало страстное желание пройти через горы, туда, где, по словам аксакала, обитали только арвахи – духи умерших – и куда был закрыт доступ живым людям под угрозой смерти. Джура верил аксакалу и его рассказам о том, что китайский купец и комсомольцы знали особые заклинания, поэтому их и пропускали арвахи. Но все-таки он был готов иногда бросить все и пойти попытать счастья. Он вдруг начал спешить: ел торопясь, ходил торопясь, будто бы боялся опоздать. Все вдруг ему опостылело, и если и был человек, которого он взял бы «туда», это была Зейнеб. Без нее он не представлял себе жизни в том или ином мире. Он не мог уйти один. Да и куда уйдешь зимой? Он ждал лета. После ссоры с Тагаем взор Джуры все чаще и чаще останавливался на стройной фигурке порывистой и своевольной Зейнеб, ни минуты не сидевшей на одном месте. Он почувствовал, что любит ее, но боялся высказать свою нежность. Он сердился, когда аксакал ругал ее, а порой и бил, но стыдился вступить за нее. С каждым днем росла его ненависть к аксакалу; он твердо запомнил слова незнакомцев о том, что в их стране все люди равны между собою.

Наконец произошло событие, на время отвлекшее Джуру от его дум: Бабу родила щенка.

Бабу была охотничьей собакой отменных качеств. Ее способность отыскивать и настойчиво преследовать зверя, а самое главное – исключительная сообразительность выделяли ее из числа других собак. Аксакал, а особенно Джура с нетерпением ждали от нее потомства.

Каково же было их огорчение, когда родился только один-единственный щенок! Большого потомства никто не ждал: у этих собак, родственных тибетским догам и монгольским волкодавам, оно не бывает многочисленным: два-три щенка. Но рождение только одного щенка было несчастьем для кишлака. Тагай, знавший отменные качества Бабу, еще раньше обещал за каждого щенка по яку, и аксакал долго не соглашался отдать щенка Джуре. Наконец после ожесточенного спора Джура переселил Бабу с ее потомком к себе в кибитку. Он боялся, что жадный старик раздумает. Щенок был очень крупный, с белым пятном на груди. По обычаю, ему обрезали хвост. Чтобы щенок был добычливым, Джура назвал его Тэке, как называли самцов горных козлов – кииков. Тэке быстро рос, и Джура почти все дни проводил с ним, ста-

раясь поскорее выдрессировать хорошую охотничью собаку. Щенок же, по молодости, плохо поддавался дрессировке, и это сердило Джуру. Кучак в отсутствие Джуры, греясь на солнце у кибитки, дразнил Тэке. Он давал щенку кусочек мяса и, едва тот успевал схватить его, тянул кусочек к себе. Тэке не выпускал мясо, упирался всеми четырьмя лапами и рычал. Так Кучак таскал его вправо и влево, а когда вырывал мясо, щенок яростно бросался на обидчика и кусал. Кучак заливался счастливым смехом. Если щенок такой сердитый, значит, он будет псом добычливым и страшным для врагов. Кишлак голодал. Тихо стало в кибитках, как будто все вымерло. У людей не хватало сил принести топлива. Аксакал оберегал последнюю козу и козла от голодающих людей. Еще более злой, еще более сморщившийся, он стерег скот днем и ночью. Изголодавшиеся женщины вместе с Кучаком пробовали выкрасть козла, но каждый раз аксакал их прогонял. Наконец старухи так осмелели, что чуть не придушили аксакала. Тогда Джура поручил Бабу стеречь кибитку аксакала, и собака никого к ней не подпускала. Хуже всех приходилось собакам. Люди хоть и не досыта, но ели мучнистый корень гульджан, собак же почти совсем не кормили, только Бабу, лучшей охотничьей собаке, и ее щенку Тэке давали есть наравне с людьми.

Приближалась весна. Обтаяли вершины холмов. Ветер сдувал с них песок и глину. Желтые песчинки оседали на снегу и накалялись под солнечными лучами.

– Сарыкар – желтый снег – пришел! – радовались все в кишлаке. Собаки теперь по целым дням грелись на крышах кибиток. В предгорьях, возле кишлака, Джура ловил силками куропаток. В кишлаке вновь появилось мясо, стало веселее.

II

А солнце все пригревало и пригревало, слизывая своими лучами снег.

– Кучак, Кучак! – разносился по утрам на весь кишлак крик Джуры.

Но Кучак никогда не откликался.

Тогда Джура давал Бабу понюхать старый халат Кучака и посылал ее на поиски. И обычно собака находила его дремлющим на крыше какой-нибудь кибитки, под теплыми лучами солнца. Джура и Кучак поднимались на обнажившуюся вершину холма. Там, опустившись на корточки, они осторожно соскребали ножами серый налет с просохшей, успевшей потрескаться щербенистой глины. Это была селитра¹⁷. Они горстями ссыпали ее в кожаные мешки.

Бабу подолгу внимательно смотрела на работавших, нюхала землю и потом ретиво принималась рыть когтями; комья глины и щебень летели во все стороны.

– Ложись! – приказывал ей Джура.

Бабу нехотя ложилась. Соскучившись, Бабу убегала к девушкам, рывшим гульджан на склонах гор. Кучак со вздохом смотрел ей вслед.

– Она разыщет все гнезда и соберет все яйца куропаток, а я их так люблю! – со слезами в голосе говорил Кучак. За работой Кучак пел, а Джура слушал его песни.

...Есть там призрак Джабырбаян,
Есть там сказочный великан,
По имени Ачалык.
Не расскажет о нем язык:
Он высок и четырехглаз,
Он всю землю видит зараз,
Может он вперед и назад
Свой удвоенный кинуть взгляд.

¹⁷ Селитра – калийная, аммониевая соль; идет на изготовление пороха.

Всякие там чудовища есть,
Там у них становища есть...
Там – народ, с которым войну
Ведет неустанный джинн.
Этот джинн в пещере живет,
Он любимцем пери слывет...¹⁸

Выходя по утрам из кибитки, аксакал прищуренными глазами вглядывался в сай – долину реки, туда, где из вечно горячих источников поднимались водяные пары.

– Эй, Джура, ну как? – спрашивал он и жевал губами.

– Нет еще пути, обвал не прошел, – отвечал Джура, поглядывая на ближний склон горы, покрытый смерзшимся снегом. Однажды ночью весь кишлак проснулся от грохота. Лаяли собаки и испуганно блеяла коза.

Джура пришел к аксакалу в кибитку:

– Обвал прошел, путь свободен.

Аксакал молча кивнул головой.

Лавина завалила снегом пропасти, пересекавшие горы, и проложила сплошной снежный путь вниз.

Утром Джура и Кучак пошли вслед за аксакалом вниз, к саю, захватив с собой топоры и кожаные мешки. Шли по снежному пути, насыпанному лавиной. Потом спустились в глубокое ущелье и берегом горной реки, протекавшей внизу, вскоре достигли горячих источников.

Клубился пар. Кругом зеленела трава и водоросли. Пахло серой. Осторожно переступая через потоки, подошли к большой яме с горячей водой. Джура разгреб горячую землю и, сунув туда яйца куропатки, засыпал их.

Помолившись, аксакал сбросил халат и, не снимая рубахи и штанов, чтобы не простудиться, полез в воду.

– Лезь сюда, – сказал он Кучаку, – ты тоже исцелишься от злых духов – арвахов, которые причиняют людям боль в суставах и костях.

Кучак попятился.

Джура быстро сорвал с него одежду и, раздевшись сам, потащил его за собой. Вода была горячая, и сидеть в яме было приятно...

В кишлак возвратились к вечеру, довольные и веселые. Несколько дней подряд Джура охотился с капканами. Подолгу стоял он на вершине горы Драконов, внимательно вглядываясь в горы, и удивлялся. Где же киики? Куда ушли архары? Не видно даже волков и барсов. Неужели все животные перекочевали на юг? Однажды, возвратившись вечером с куропатками, Джура пришел в ярость, узнав, что Кучак все еще не заготовил пули. После долгих поисков Бабу нашла Кучака в камнях, куда он забился.

– Ну зачем тебе пули? Ведь карамультука-то нет! – жалобно говорил Кучак.

– А ты забыл о двух карамультуках, спрятанных у Биллянд-Киика? – напомнил ему Джура.

Кучак, обжигая пальцы, всю ночь усердно помогал Джуре обливать камешки расплавленным свинцом, который они сами топили из добытых ими свинцовых камней. Пуль заготовили много. Но охотничий закон требовал: на двух козлов – одну пулю.

Ранним утром, когда солнце еще не взошло, Джура пришел в кибитку к аксакалу. Старик вопросительно посмотрел на Джуру, черного от несмытой копоти.

– Кииков нет. Архаров нет. Все ушли на юг. Ждать до осени, пока киики откормятся и вернуться сюда, нельзя. Пошли меня с Кучаком на охоту!

---

¹⁸ «Манас». Перевод с киргизского.

– Сам знаю, – сердито сказал аксакал, недовольный тем, что Джура слишком смело смотрит ему в глаза. – Я посмотрю в книгу судеб и тогда скажу тебе, когда и в какую сторону нужно идти на охоту.

Пока аксакал гадал, Джура разыскал Кучака и разбудил его.

– Вот что, – сказал он. – Аксакал сейчас гадает, куда мы должны идти. Но что мы будем делать, если он пошлет нас не на юг, к Биллянд-Киикку? Ведь только там есть у нас карамульки.

– На запад пойдем – плохо, – сказал Кучак, – на восток пойдем – очень плохо, на север пойдем – еще хуже. Пальцем киика не убьешь, а капканом много тоже не наловишь. Разве попросить аксакала, чтобы он вымолил для нас у хозяина зверей счастливую охоту с капканами? Для этого надо принести в жертву белого лунорогого киика, а где его поймаете?

Джура влез на крышу кибитки и осторожно заглянул через дымоход к аксакалу. Огонь костра освещал коричневое морщинистое лицо старика.

Аксакал сидел у костра, поджав под себя ноги. На его коленях лежала толстая старая книга. Он закрывал глаза, раскачивался, потом, внезапно раскрыв книгу, тыкал в нее своим костлявым пальцем с длинным кривым ногтем.

Джура прислушался к шепоту:

– В сторону восходящего солнца, на восток, указывает книга, но там они ничего не убьют...

Подумав, аксакал захлопал в ладоши и приказал вбежавшей девочке позвать всех обитателей кишлака.

Вскоре все собрались.

Аксакал встал, поднял над головой растрепанную книгу и торжественно показал на юг. Его глаза насмешливо и хитро сверкали.

– Благодарите мудрость судьбы, она посылает вас на юг, – торжественно сказал аксакал. – Там, у Биллянд-Киика, водится множество жирных архаров и кииков. Да будет ваша облава добычлива!

Джура улыбнулся. Значит, духи говорят так, как это выгодно аксакалу! Пожалуй, и он, Джура, сможет заставить духов предсказывать события в свою пользу.

Аксакал опустил книгу. По обычаю, он не употреблял при сборах слова «охота»: иначе не будет успеха.

– Да побольше колбас из уларов принеси, – добавила Зейнеб, обращаясь к Джуре.

– Это Кучаку надо сказать, – ответил Джура, – мое дело – охота. Больше голодать тебе не придется.

III

Рано утром Джура и Кучак, одетые в пушистые козы шкуры, отправились в путь. Кучак, славившийся умением заготавливать впрок мясо, был сам не свой от радости. Высокий широкоплечий Джура шел впереди и нес в ружейном чехле, разрисованном головами барсов, свинец и порох. Кучак, навьюченный множеством мешочков с пахучими травами и перцем, еле поспевал за ним. Кроме того, он нес в мешке две горсти муки и немного табачных листьев. Это был подарок аксакала из его личных запасов. Соли не брали. Много каменной соли – голубой, розовой и серой – было в горах у Биллянд-Киика. Напускная важность Джуры, как только он покинул кишлак, растаяла под лучами солнца.

Кишлак давно остался позади. Вооруженные палками и тишой, шли они по хрустящему насту, скованному утренним морозом. С охотниками шли собаки: проворная, умная Бабу и Рыжая. Тут же бежал Тэке, сын Бабу, черный, с белым пятном на груди. Он старался не отставать от матери, но в рыхлом снегу это ему плохо удавалось.

Умчавшись далеко вперед, Бабу вдруг останавливалась, нетерпеливо поджидала охотников и снова бежала, улавливая запах козлов.

Альпийские галки с красными носами и красными лапами кричали, летая над ними.

Все выше поднимались охотники, переваливая через горы. Путь они узнавали по своим приметам, шли над обрывами, шли по узким киичьим тропинкам, где даже не разминуться двоим, шли, стараясь держаться солнечной стороны. На солнце было тепло, зеленели альпийские луга, а в тени лицо стыло от мороза. Охотники переходили лужайки. Тюльпаны задевали их за ноги. Фиолетовые, розовые, желтые, с разноцветными крапинками и полосками цветы кивали головками под слабым южным ветерком.

– Эй, блошинный батыр! Подпевай! – кричал он Кучаку. Но Кучак, еле поспевавший за ним, только качал головой: где уж тут петь, когда едва успеваешь цепляться за выступы скал, чтобы не сорваться в пропасть!

Голодные и усталые, они часто садились отдыхать. Джура жадно осматривал склоны гор, на которых виднелись киики, а Кучак любовно гладил цветы руками.

Наконец они дошли до перевала. Сильный ветер валил их с ног. Сугробы снега, доверху забившие широкие ложбины, преграждали путникам дорогу.

– Попробуй перейти эту белую трясику! – испуганно кричал Кучак.

Кучак знал, как опасен рыхлый, мокрый, подтаявший на солнце снег. Ступишь в него – провалишься, и тогда – смерть. Прощай, архарья печенка с жиром!

– Рано идем! – ворчал Кучак. – Архары еще не обросли жиром. Вот осенью и дороги хороши, и у архаров на три пальца жира под шкурой.

Джура молчал. Он приказал Бабу идти вперед. Бабу подошла, ступила на снег передней лапой и быстро отпрыгнула назад.

– Вперед! – крикнул ей Джура.

Но Бабу легла и отвернулась в сторону, делая вид, что не слышит.

– Теперь вижу, что идти нельзя, – сказал Джура. – Надо дожидаться утра, когда подмерзнет.

На ночевку спустились к обнаженным синим скалам. Ночевали под нависшим камнем у летнего пастбища – джейлау, где еще с осени женщины оставили заготовленные кучки хвороста. Растопили в казанке снег, вскипятили воду, засыпав туда три щепотки муки, и с наслаждением, до пота, пили аталу – мучную болтушку. Джура протянул было пиалу с болтушкой Тэке, но Кучак вырвал ее у него из рук.

– Ты голову потерял? – закричал он. – Собака – нечистое животное, и своим черным, нечистым носом она будет лезть в пиалу, откуда едят мусульмане!

Он, ворча, отошел в сторону, разыскал в камнях углубление и налил туда немного аталы. Остальное он хотел доест сам.

– Не жадничай! – крикнул Джура.

Кучак вылил остальное в другое углубление.

Рыжая, толкнув Кучака, бросилась к атале. Она начала жадно глотать, обжигаясь и повизгивая. Бабу тоже была голодна, но она подождала, пока атала остынет, и не спеша принялась за еду. Рядом с ней, урча от удовольствия, лакал болтушку Тэке. Утром, до восхода солнца, охотники начали переправляться через снежные препятствия. Они ложились на подмерзший снег и ползли, загребая руками. Когда снег с хрустом оседал под тяжестью их тел, они замирали в ужасе, стараясь даже не дышать. Бабу, Рыжая и Тэке осторожно следовали за ними. Это была самая опасная часть пути.

Так шли охотники через горы, реки и ледники. На склонах они замечали стада пасущихся животных. При виде охотников они уходили в горы, и тогда Джура громко проклинал людей, увезших его карамультук.

Путь подходил к концу. У водораздела соляной реки Тууз-Су, свергавшейся двумя водопадами с огромной высоты в разные стороны, Джура свернул к красным скалам. Внизу, в расщелине горы, мчалась бурная река Сауксай. Гигантская каменная стена была рассечена трещинами. Выбрав одну из трещин, доходившую до реки, Джура решил по ней спуститься.

– Обойдем, поищем тропы, – попросил Кучак.

Но Джура вспомнил слова отца: «Прокладывай путь первым, пусть по твоим следам идут караваны. Только люди-овцы ходят по одной и той же дорожке, а храброму охотнику-батыру стыдно ходить козьими тропами. Как козел-вожак прокладывает тропинку и идет впереди стада, так и ты должен идти впереди племени».

Джура привязал Тэке к камню, позвал Бабу и уложил ее на плечи. Бабу лежала спокойно, свесив ноги по обе стороны шеи Джуры. В ее карих глазах видны были покорность и доверие к хозяину. Придерживая ее за ноги, Джура стал на колени, спустил ноги в щель, которая была как раз по ширине его тела, и, упираясь локтями и коленями в выступы, начал спускаться.

Кучак, предварительно помолвившись, кряхтя от волнения, приготовился было тоже спускаться, но Рыжая ерзала у него на плечах и жалобно выла. Тогда он привязал ее арканом к спине и полез. Ноги и руки его дрожали от страха и сильного напряжения; он стонал, зывал к добрым духам – арвахам.

«Глупый Джура! – думал он. – Из-за его гордости мы погибнем здесь».

Джура спускался лицом к реке, а Кучак – спиной, до боли зажмурив от страха глаза.

Уже совсем внизу, когда Джура стоял на высоком берегу, у Кучака под рукой сорвался камень.

– Падаю, держи меня! – закричал он, но удержался, открыл глаза и увидел, что ему остается сделать только шаг, чтобы стать на берег.

Джуре пришлось проделать обратный путь и спуститься вниз с Тэке за плечами.

Подожли к Сауксаю.

Гром и стон стояли над вспененной рекой, затуманившейся от брызг. Даже Джура удивился: он никогда не видел, чтобы весной река была так многоводна. Летом – другое дело: тогда тают ледники и Сауксай разливается во всю ширину своего огромного русла. В недоумении стоял Джура на берегу. Подумав, он усмехнулся и сказал перепуганному Кучаку:

– Смотри, вода уменьшается с каждым мгном. Видишь куски снега в воде? Это где-нибудь вверху лавина завалила русло и остановила воду, а сейчас вода прорвалась.

Через два часа вода спала. Поток, оставаясь таким же бурливым и страшным, стал значительно уже. Джура взял длинный аркан и метнул его через реку. Петля попала на камень противоположного берега. Джура и Кучак сбросили халаты. Груз уложили и привязали на плечи.

С верховьев Сауксая доносились раскаты грома. Это падали лавины. Остатки их то сдерживали воду, то разрывались под ее натиском, и река поэтому текла неравномерно, то разливаясь, то суживаясь.

Выждав, когда придет временное затишье, Джура, держась за аркан, вошел в бурлящую воду. На руках он нес Тэке. Бабу, обвязанная арканом через грудь, осторожно вошла в воду. Течение тотчас сбilo ее с ног и понесло.

В брызгах и пене налетевшей воды Джура уже не видел Бабу и сам едва держался на ногах.

Когда он вырвался из водоворота, Бабу была уже на берегу и сушила шерсть, катаясь на спине в горячем песке. Привязав на конец аркана камень, Джура перебросил его назад Кучаку. С противоположного берега долетели проклятия Кучака и визг Рыжей. Она вырывалась и кусалась, боясь воды. Даже пробовала перегрызть аркан, которым Кучак с трудом обвязал ее.

Отплеываясь и фыркая, Кучак вылез из реки. Рыжая захлебнулась, и ее пришлось подтянуть за аркан. Джура поднял ее за задние ноги и стал трясти. Из пасти собаки полилась вода. Рыжая захрипела. Джура положил ее на песок и начал катать. Наконец она пришла в себя.

IV

Перейдя реку, охотники очутились в урочище Биллянд-Киик. Это было то место, куда они так стремились. Урочище было целой маленькой страной со множеством пологих склонов, покрытых альпийской растительностью. Снежные пики возвышались вокруг. С юга Биллянд-Киик замыкал огромный ледник. Ниже, в ущелье, зеленела роща. Деревья самых причудливых форм росли между скал. В скалах таились пещеры.

Биллянд-Киик был краем, населенным непугаными животными. Козлы и медведи, архары и барсы чувствовали себя здесь как дома. Кучаку, который увидел на близком от себя расстоянии свое любимое лакомство, дикую индейку-улара, урочище казалось раем. Охотники надели халаты и пошли, стараясь согреться быстрой ходьбой.

Они спешили до захода солнца достичь пещеры, в которой из года в год помещалось охотничье становище.

Охотники поднимались по голым скалам все выше и выше. Прошли несколько речушек, покрытых льдом. Наконец свернули в ущелье. Здесь на белом снегу ярко выделялась зеленая роща; среди серых скал она казалась странным зеленым оазисом.

Охотники расстались. Джура пошел за двумя карамультуками, которые он, возвращаясь домой, в прошлом году спрятал в дупле большой арчи. По старому обычаю, часть оружия оставлялась в тайниках на месте охоты.

Джура быстро шел вперед. Ноздри его раздувались, вдыхая знакомый запах прошлогодних листьев и горьковатый аромат почек. Забыв об усталости, он прыгал с камня на камень, с сугроба на сугроб. Деревья били его ветвями по лицу. Солнце еще не зашло, но синие тени дышали морозом. Мокрый снег смерзался. Издали послышался отрывистый лай убежавшей вперед Бабу. Джура быстро побежал на ее зов.

Последние ветки раздвинулись. Роща отступила. От огромной арчи, стоявшей на некотором расстоянии от рощи, убегали вверх, на гору, два медведя. Третий, присев на задние лапы, отмахивался передними от наскакивавшей Бабу. Заметив Джуру, медведь испуганно рывкнул и побежал прочь.

Из-под ног зверя покатила палка и, звякнув о камень, выбила искры. Джура бросился к ней.

– А-а-а!... – закричал он в гневе и горе, поднимая погнутое дуло карамультука.

Сгоряча он попытался его выпрямить. Нет, не вылетит пуля из неровного дула. Неохотник не поймет горе охотника, лишившегося оружия. К счастью, в дупле есть еще два карамультука. Джура отбросил погнутый ствол и побежал к арче.

Старательно заделанное им в прошлом году дупло, в котором хранились карамультуки, было разорено. Под деревом валялись в беспорядке смятые, раздробленные остатки двух карамультуков и охотничьей утвари.

Джура понял, что бурые медведи, проголодавшиеся после зимней спячки, учуяв в арче запах человека, разломали дупло и выволокли оттуда завернутые в просаленные шкуры карамультуки. Волосы под меховой шапкой Джуры зашевелились: все надежды на добычу мяса рухнули. Как охотиться без ружей? Не только кишлак не спасешь от голода, но и самим нечего будет есть. Джура яростно метался, поднимая погнутые стволы карамультуков и снова отбрасывая их в сторону.

– Ай, синий осел, синий осел! – ругал он себя. Опять медведи, с которыми он каждый год вел упорную борьбу, посмеялись над его молодостью и неопытностью. Джура был уверен, что медведи хотят прогнать его из охотничьих угодий. Но этого не будет! Разгневанный Джура выхватил нож и бросился за врагами. Но не успел он пробежать нескольких шагов, как мимо него со свистом пронесся камень; за ним еще несколько больших камней покатались по склону.

Джура растерялся. Может быть, это землетрясение? Но гора не дрожала. Прожужжав, камни зарывались в глубокий снег, лежавший в ложбинах.

Рыжая и Тэке, перепугавшись, жались к Джуру. Он сердился и посылал их наверх, откуда доносился лай Бабу. И в тот момент, когда, разозлившись, Джура отбросил Рыжую ногой в сторону, камень, пронесшийся сверху, раздавил ее.

Джура наконец догадался, что это медведи сталкивали на него с горы камни. Ему рассказывал аксакал, что медведи так охотятся за архарами, но до сих пор Джура этого никогда не видел. А может быть, это просто каменная осыпь?

Несчастье с Рыжей отрезвило Джуру. Он отозвал Бабу и, схватив Тэке на руки, побежал вниз. Там он сложил в кучу весь лом и сел возле на корточки, обиженный и сердитый. Потом лег на землю и заплакал.

«Ау-ууу!...» – завывла Бабу, уловив в голосе хозяина оттенок жалобы. Тэке, глядя на мать, стал тихонько подвывать. Джура очнулся уже ночью. Он вытер глаза и быстро оглянулся: не видел ли кто его позорной, бабьей слабости?

* * *

Расставшись с Джурой, Кучак вначале шел быстро и мурлыкал под нос. Но чем темнее становилось, тем тише он шел, вытягивая, как гусь, голову. Он оглядывался во все стороны. Кучак боялся встретить горного человека. Деревья все теснее обступали его, а причудливые пятнистые камни казались человеческими фигурами. Кучак с ужасом ждал появления злых и отвратительных духов гор. Каждую минуту он останавливался, чтобы рассмотреть свою тень: не дух ли это следует за ним?

При виде пещеры – цели пути – Кучак радостно вздохнул, на его лице разгладились нервно дрожавшие морщинки.

«Какие перемены произошли за год в моих владениях! У большой арчи сломана верхушка, молоденькая арча у камня засохла». Он принялся собирать сучья и кору для костра.

Вдруг на дереве что-то зашумело. Кучак замер, и собранные им сучья посыпались из его рук. К своей радости, он увидел филина, который, как это хорошо знал Кучак, охраняет людей от злых духов. Кучак обрадовался, что у него есть такой надежный защитник. Обрадовавшись, он сначала выругал филина, а потом дружески ему подмигнул. Филин почистил клюв когтем и уставился на Кучака круглыми желтыми глазами.

Кучак развеселился и быстро собрал топливо. У каменных осыпей, где когда-то, по преданиям, дед Кучака убил в рукопашной схватке медведя, он заметил горностая.

– А-а-а! – уже совсем весело крикнул Кучак. – Побольше плоды детей – побольше будет мне на шубу шкурок!

У входа в пещеру он замедлил шаги и, спрятавшись за камень, громко закричал:

– Гоп-гоп-гоп-гоп!..

Но из пещеры никто не выскочил. Кучак не доверял пещерной темноте: мало ли кто мог там быть.

Из складок пояса он достал сверток, развернул промасленную шкурку, вынул мешочек, достал из него кремь и фитиль, скрученный из козьей шерсти и вымоченный в растворе селитры, и огниво. Сев на корточки, он взял в левую руку кремь, прижал большим пальцем фитиль и ударил по кремню куском закаленного железа. Посыпались искры, фитиль задымился. Кучак сунул его в пучок сухой травы и, раздув огонь, швырнул горящий пучок в пещеру. Никто не выскочил. Кучак внес дрова...

Оттого ли, что он сильно продрог, или страх сковал его пальцы, но Кучак долго высекал огонь. Руки его дрожали, и искры сыпались мимо. В пещере было темно, и Кучак боялся оглянуться. Он был уверен, что злые духи стоят за его спиной и мешают ему разжечь костер.

Наконец трут задымился. Шумно втягивая в себя воздух, Кучак тужился, раздувая трут, обложенный мхом и корой. Голубой язычок пополз и зашипел. Сухие сучья затрещали и сразу вспыхнули, разбрызгивая искры.

Темнота исчезла, а вместе с ней исчезли и пугавшие Кучака невидимые духи. Пещера осветилась. Огромная, закопченная, метров сорок в высоту и тридцать в ширину, она могла вместить человек сто. Здесь из века в век останавливались охотники. Кучак, выскочив из пещеры, бросился к месту, где с прошлого года лежали заготовленные им дрова. Он внес их и подложил в костер.

– Фу-у! – облегченно вздохнул Кучак и, распахнув халат, приблизил к огню обнаженную грудь.

Огонь обдал его жаром, но Кучак все ниже пригибался к костру. Отогревшись, он, высыпав из мешка поклажу, побежал в рошу и быстро нагреб в мешок снега. Вернувшись к костру, он взял горящую ветку и пошел в угол пещеры. Укрепив ее в трещине, Кучак произнес заклинание. Потом отодвинул в сторону несколько камней, поднял каменную плиту и из тайника, находившегося под ней, вытащил большой котел для варки пищи. Давным-давно завезли сюда этот котел его предки. Кучак притащил котел к огню, вынул из него хранившиеся там предметы и свалил в кучу перед костром. Затем тщательно выскреб грязь и ржавчину и поставил котел на огонь – кипятить воду.

– А-а-а! – уже совсем весело крикнул Кучак. – Побольше плоды детей – побольше будет мне на шубу шкурок!

Усевшись возле кучи металлических вещей, Кучак стал перебирать их. Чего здесь только не было! Наконечники для копий, два кремневых ножа, четыре грубые каменные чаши, горсть драгоценных камней, собранных в прошлом году и утаенных от аксакала, и несколько старинных монет. Кучак мурлыкал под нос песню. Он знал много песен и любил их петь.

Есть земля там, и в той земле
Птица есть об одном крыле.
Кто о диком верблюде слышал?
Кто о том, что есть дикие люди, слышал?
Кто о медведе Алатхаке слышал?
О нем не всякий слышал.
Жесток и злобен этот медведь,
Женоподобен этот медведь.
Мухи водятся там
С казарок величиной.
Мыши водятся там
С овчарок величиной.

Потом Кучак далеко запрятал свои богатства, о которых он не говорил даже Джура. Ему хотелось есть, а Джура все не шел. Кучак верил, что завтра он будет есть печенку архара. Ведь Джура – первый в мире охотник. Где другим до него! В расчете на верный успех завтрашней охоты он засыпал в кипяток последние три пригоршни муки и запел:

Завтра буду есть печенку в жире...

Но тут прибежала Бабу и совсем некстати завывала. Кучак от неожиданности вздрогнул, швырнул в нее поленом и выругался, призывая на помощь добрых духов.

«Не случилось ли чего-нибудь с Джурой?» – подумал он. Но идти искать его побоялся.

Три раза Кучак приносил в пещеру дрова, прежде чем пришел Джура. Кучак от радости даже не заметил отсутствия карамультуков.

– У, дурная! – Он возмущенно плюнул на Бабу, с лаем прыгавшую вокруг хозяина.

Тэке лег у огня и немедленно заснул.

– Плохо, – сказал Джура, – медведи дупло разломали. Все из дупла вытащили и попортили. У карамультуков деревянные лежа разбиты в щепы, а стволы погнуты... стрелять нельзя.

– Ай-ай-ай! – в отчаянии завизжал Кучак. – Это не медведи, это хозяин зверей Каип не хочет дать нам добычливую охоту!

– А твою Рыжую медведи убили камнями.

– Ай-ай! – крикнул Кучак. – А у меня в тайнике крысы все ложки изгрызли.

– Ты синий ишак! – выругался Джура и, сердитый, сел у костра сушить ичиги.

Кучаку не терпелось обсудить случившееся, но Джура так упорно молчал, что Кучак не решался заговорить. Так же молча они стали пить аталу.

– Плохо, – сказал Джура и лег спать, с головой закутавшись в шкуры.

V

Опять голод. Время тянулось бесконечно. На казан кипятку бросили крохотную щепотку чаю, чтобы был хоть какой-нибудь навар, а не просто вода.

Бабу ждала, когда Джура пойдет на охоту. А он сосредоточенно и долго пил чай, пиалу за пиалой, и не торопился. Бабу обегала и обнюхала всю пещеру, но ружья нигде не было. Стоя у входа, она взвизгивала от нетерпения. Джура не двигался. Тогда она умчалась к заповедной арче.

Охотники все еще пили чай, когда Кучак сказал: «Смотри!»

Бабу, закусив кусок ремня, тащила в пещеру погнутый ствол карамультака. Положив его у ног Джуры, она заглянула ему в глаза и ждала благодарности. Но глаза Джуры засверкали от злости.

– Поломан, не годится! – сердито закричал он. Бабу отошла. Она улеглась у входа, на солнышке, и искоса наблюдала за хозяином.

В полдень, поручив Кучаку посушить гульджана, Джура пошел в горы, гремя железными капканами. Он решил попытать счастье, поставить капканы на архарьих тропинках через ледник. Тэке привязали в пещере.

Кучак пошел копать корень гульджана.

На южных обрывистых склонах гор тянулись к солнцу его свежие всходы. Кучак шел и, размахивая топориком, постукивал обушком по камням. Сурки, заведя его, со свистом мчались к норкам и застывали на задних лапках у входа. На горах среди пятен снега пробивалась зелень. Рыжие скалы пахли солнечным теплом. Внизу зеленели высокогорные тундровые болота. Усевшись на корточки у всходов гульджана, торчавшего между камнями из щебенистой почвы, Кучак принялся копать. Он вырыл пятнадцать корней, обмыл их и просушил. Корни надо было стругать. Кучак вынул нож и понюхал его. Уходя из кишлака, он еле отмыл его от прилипчивого запаха, и ему не хотелось опять его пачкать.

Кучак оглянулся. Снежные грифы летали низко, над самой горой; от взмахов крыльев катились камешки, сорванные воздушным потоком. Засмотревшись, Кучак не заметил прибежавшую Бабу. Она потянула его за полу халата.

– Ох-хо-хо! – крикнул он радостно и, бросив корни в пропасть, быстро побежал за Бабу.

Кучак сопел от радости и любопытства. Он знал, что Джура без дела не позовет. Бабу отбегала вперед и, поджидая его, лаяла от нетерпения.

«А вдруг живой медведь?» – подумал Кучак и остановился. Бабу залаяла снова. «Радостно лает», – решил он и побежал опять. На подтаявших остатках старой лавины, на одном из разбросанных ею камней, сидел Джура, поставив ногу на неподвижную тушу маленького киичонка. Он кивнул на тушу. Кучак понял без слов. С трудом отрубил он кусок твердой, как камень, шкуры, обнажив высушенное мясо.

Много лет пролежал киичонок во льду.

– Яман, плохо, – сказал Кучак, горестно вздыхая. По старинному обычаю, мясо животного можно было есть, только выпустив кровь. Джура вынул охотничий нож, разрубил тушу на несколько кусков. Часть он дал Бабу и взял для Тэке, остальные разложил по капканам.

Спускаясь с горы, Кучак раздраженно щелкал языком. Его сердили близкие, но недоступные архары и киики, пасшиеся на склонах гор. Он искренне пожалел, что отказался от козленка. Кучак сказал Джуре, что гульджан еще не просушился и для муки не годен. Джура не рассердился. Он ненавидел этот корень, как только мог его ненавидеть охотник, любящий мясо.

Вечером снова пили чай. Тэке сварили кусок киичонка. А на другой день голодный, еще более ослабевший Кучак накопал гульджана и положил его сушить. Джура после обхода капканов принес орленка. Кучак испуганно посмотрел на него. Орел – священная птица. Джура молча достал нож. Кучак в ужасе закрыл лицо руками, чтобы не видеть святотатства. Когда он открыл глаза, орел был мертв. Кучак решил, что лучше раз в жизни попробовать немного запретного орлиного мяса, чем снова есть гульджан. Прошло еще несколько дней. Джура потемнел, ослабел. Кучак молчал целыми днями. Наконец он не выдержал и настругал тонкими полосками сушившийся на камнях гульджан. Бабу и Тэке ели сурков. На шестой день ветер переменился. Холодало. Днем Джура несколько раз взбирался на скалу, в которой была их пещера.

– Тучи кипят! – кричал он сверху Кучаку.

Меж горных вершин метались и клубились тучи; они падали по склону вниз, чтобы, промчавшись у пещеры, взлететь снова вверх. Если бы сильно похолодало, архары пошли бы на южную сторону ледника и, может быть, хоть один попался бы в капкан. Джура ушел в горы. Кучак недалеко от пещеры перетирал меж камней гульджан. Ему казалось, что весь мир пропах гульджаном. «Уйти? Но куда? Домой? Там тоже голод. А кроме того, гордый Джура скорее умрет, чем возвратится без мяса. Одному идти невозможно: страшно», – грустно размышлял Кучак о своих неудачах. Вдруг прибежала Бабу и потянула его за халат. Кучак обрадовался, однако гульджан на этот раз не выбросил, а спрятал его под камень и поспешил за Бабу.

Кучак твердо решил: что бы ни нашел Джура – пусть это будет орел, старый архар или мертвый киик, – он, Кучак, его возьмет, сварит и будет есть. Даже сурка, в котором живет душа ростовщика, тоже будет есть.

Путь становился все труднее. Кучак быстро устал и часто отдыхал, прикладывая руку к сильно бьющемуся сердцу. Беспорядочно нагроможденные скалы преграждали путь, и Кучак, вытирая рукавом пот, карабкался с трудом.

Вскоре он достиг места, где камни были навалены друг на друга кучами.

Бабу убежала вперед. Кучак тихонько пополз на четвереньках, как вдруг прямо на него с ревом бросился барс. Изнемогший, еле ползший Кучак взвился, как пружина, и прыгнул назад. Шапка слетела у него с головы, но он даже не нагнулся за любимой лисьей шапкой, лежавшей рядом. Выпучив от страха глаза, с визгом помчался он по камням и скалам, спасаясь от огромного свирепого барса. Кучак бежал к воде, зная, что барс боится ее. «Лишь бы добежать! Тогда бы я спрятался в ручье...» – думал Кучак, слыша за собой прыжки.

Он перескочил камень, поскользнулся и опрокинулся на спину. Барс бросился на него.

Кучак пронзительно закричал и задрогал ногами. Вдруг он почувствовал, что барс лизнул его в нос. Кучак еще сильнее закричал и забился. Потом затих и нерешительно приоткрыл веки. Перед ним стояла Бабу.

– Ах ты шайтанка! – рассердился Кучак. – А я тебя за барса принял!

Он вскочил и хотел идти, но Бабу зубами схватила его за халат.

Издалека доносился призывный крик Джуры. Кучак вытер глаза и поплелся за Бабу, тянувшей его за полу халата. Воспользовавшись тем, что Бабу выпустила его халат, он влез на обломок скалы и, оглянувшись, заметил невдалеке Джуру, сидящего на таком же большом обломке скалы. Джура поманил его рукой.

– Там барс! – испуганно крикнул Кучак.

– В капкане, – спокойно ответил Джура.

Обрадованный Кучак наконец взобрался к Джуре. Они вместе пошли к капкану.

Барс попал в капкан задней ногой и скалил зубы при малейшем движении охотников. Кучак взял тяжелый камень и бросил его в барса, но тот отскочил в сторону. Разозлившись, Джура и Кучак начали засыпать его камнями. Барс метался из стороны в сторону, ловко спасая свою голову от ударов. Камни не причиняли ему особенного вреда.

– Эх, – крикнул Джура, – карамультака нет! Я бы убил его в одно мгновение! – И он снова метнул камень.

Барс опять увернулся. Временами он с ожесточением грыз цепь. Морда его была в крови.

Руки и ноги у Кучака тряслись. Джура изранил себе камнями руку. Он проклинал барса: тот все еще был жив. Оставив барса в капкане, Джура и Кучак, озлобленные, отправились в пещеру. По пути Джура вырезал две длинные палки.

Из кучи кремневых и железных наконечников он выбрал самые лучшие, отточил их и надел на держки. Получилось два хороших копья. Измученные и утомленные, охотники сварили перемолотый гульджан.

Позже пошел снег. Всю ночь Джура и Кучак сидели у костра, пили чай и с нетерпением ждали утра. Они решили утром идти на юг, к ледникам, проверить капканы. Джура слушал

песни Кучака, и перед его глазами, одна прекраснее другой, проходили картины сказочного мира.

VI

На рассвете охотники двинулись в путь. Шли сквозь мокрую тучу все вверх и вверх. Наконец поднялись выше облаков. Солнце слепило, но не грело. Холодный ветер с ледника щипал лицо и руки. Шли с трудом: не хватало воздуха. Маленькими шажками, опираясь на древки копий, двигались охотники все выше, к леднику. Грифы с мрачной яростью смотрели на них с больших камней. Бабу рвалась на ремне вперед. Тэке прыгал рядом. Наконец они достигли каменного острова, который вздымался высоко над ледником.

Гигантские глыбы громоздились кругом, заслоняя дали. Охотники попадали из одной ледяной ямы в другую. Грязная корка льда сменилась белым хрустящим настом. Наст перешел в синий и наконец в зеленовато-черный лед. Трещины преграждали путь. Джура поскользнулся на гладком льду и упал. Кучак старался бежать по следам Джуры. Он боялся трещин, ступал неуверенно и часто падал... Вдруг Тэке с лаем помчался вперед. Впереди, совсем недалеко, по леднику уходил старый козел. Его задняя нога была повреждена капканом. Бабу рванулась. Зазевавшийся Кучак, вместо того чтобы снять ремень, выпустил его из рук. Бабу помчалась. Она скользила и падала, наступая на ремень.

Оглядываясь назад, козел свирепо потрясал седой бородой и ребристыми рогами. Уже два года он жил отшельником: молодые соперники прогнали его из стада. Теперь, раненый, совсем старый, но все еще достаточно сильный и выносливый, он уходил все дальше и дальше в горы.

Козел подходил уже к краю ледника, когда Бабу перерезала ему путь. Он растерялся. Вместо того чтобы бежать вверх, в горы, он свернул на остатки старого снежного обвала и неуклюже запрыгал по нему вниз, где его было легко поймать.

Все это происходило возле каменного острова, известного под названием Чертов Гроб, который высоко вздымался над ледником. Там течение ледника разбивалось на два равных потока. Левый круто сворачивал. Огромные ледяные валы прижались к скале. Множество глубоких трещин рассекало лед.

Первым настиг козла щенок Тэке и с лаем бросился на него. Тэке ловко увертывался от рогов. Испугавшись, что неопытный щенок погибнет под рогами козла, Джура побежал напрямик по леднику ему на помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.